ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОММИССІИ.

Выпускъ 45-й.
Съ 15 таблицами, 14 рис. и 35 снимками надписей.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Ѳ. Киршбаума (отдѣленіе), Новоисаакіевская, 20.
1912.

ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОММИССІИ.

Выпускъ 45-й.

Съ 15 таблицами, 14 рис. и 35 снимками надписей.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Ѳ. Киршбаума (отдѣленіе), Новоисаакіевская, 20.
1912.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Bulletin de la Commission Impériale Archéologique.

45-ème livraison.

Table des matières.

Двѣ Ольвійскія посвятительныя надписи.

1. Въ 1884 г. крестьянами села Парутина найдены въ городищѣ древней Ольвіи (при неизвѣстныхъ обстоятельствахъ) два мраморныхъ обломка съ надписями, поступившіе въ музей Одесскаго общества исторіи и древностей. Одинъ обломокъ представляетъ собою правую верхнюю половину плиты съ врѣзанными вглубь украшеніями сверху и колонной сбоку и съ остатками 10 строкъ надписи съ упоминаніемъ Римскаго императора Александра Севера, на другомъ сохранились 9 начальныхъ буквъ отъ трехъ послѣднихъ строкъ надписи и часть вырѣзанной вглубь колонки. Обломки были изданы покойнымъ В. Н. Юргевичемъ въ *Зап. Имп. Одесскаго общ. ист. и др.*, т. 14 (1886), стр. 22—24 (первый въ видѣ гравюры крупныхъ размѣровъ), а первый, кромѣ того, еще раньше мною въ IosPE. I, add. p. 222, № 97[1], по копіи въ натуральную величину, присланной покойнымъ П. О. Бурачковымъ. Весною 1900 г., въ бытность въ Одессѣ, я осмотрѣлъ обломки, провѣрилъ копіи Бурачкова и Юргевича и убѣдился, что оба обломка несомнѣнно принадлежатъ къ одному камню (чего страннымъ образомъ не замѣтилъ Юргевичъ), о чемъ и сообщилъ въ IosPE. IV, add. p. 271, ad № 97[1], отмѣтивъ и остальную литературу, относящуюся къ этимъ обломкамъ.

При раскопкахъ Б. В. Фармаковскаго въ Ольвіи лѣтомъ 1911 г. среди развалинъ одного при городскихъ зданій найденъ большой обломокъ лѣвой верхней части мраморной плиты съ 11-ю неполными строками надписи. При первомъ взглядѣ на фотографическій снимокъ, показанный мнѣ Б. В. Фармаковскимъ по возвращеніи изъ Ольвіи, еще до перевозки вновь найденнаго камня въ Имп. Археологическую Коммиссію, куда онъ доставленъ вмѣстѣ съ другими вещами изъ раскопокъ, я призналъ, что вновь найденный обломокъ принадлежитъ къ одному камню съ вышеупомянутыми. И дѣйствительно, при сопоставленіи копій

оказалось, какъ видно на прилагаемомъ рисункѣ [1]), что большій обломокъ Юргевича (*б*) непосредственно примыкаетъ къ вновь найденному (*а*) справа, а меньшій (*в*)—снизу. Буквы, приходившіяся на мѣстахъ изломовъ, конечно, болѣе или менѣе пострадали при разбитіи камня, но цѣликомъ не пропала при этомъ ни одна буква. Надпись, состоящая изъ 12 строкъ, при сопоставленіи обломковъ получается почти въ полномъ видѣ, за исключеніемъ 2—3 буквъ въ самомъ концѣ строки 10-й, нѣсколькихъ буквъ въ правой половинѣ строки 11-й и почти всей строки 12-й (неполной, занимавшей только средину камня), отъ которой сохранились только двѣ начальныя буквы на обл. *в*.

Бѣломраморная плита, на которой вырѣзана надпись, имѣетъ ширину (*а*+*б*) 0,67 м., толщину 0,045 м.; сохранившаяся вышина (*а*+*в*)= 0,79 м. Верхняя и боковыя части плиты украшены рѣзьбою вглубь, которая объяснена Б. В. Фармаковскимъ въ слѣдующей замѣткѣ, любезно предоставленной имъ въ наше распоряженіе.

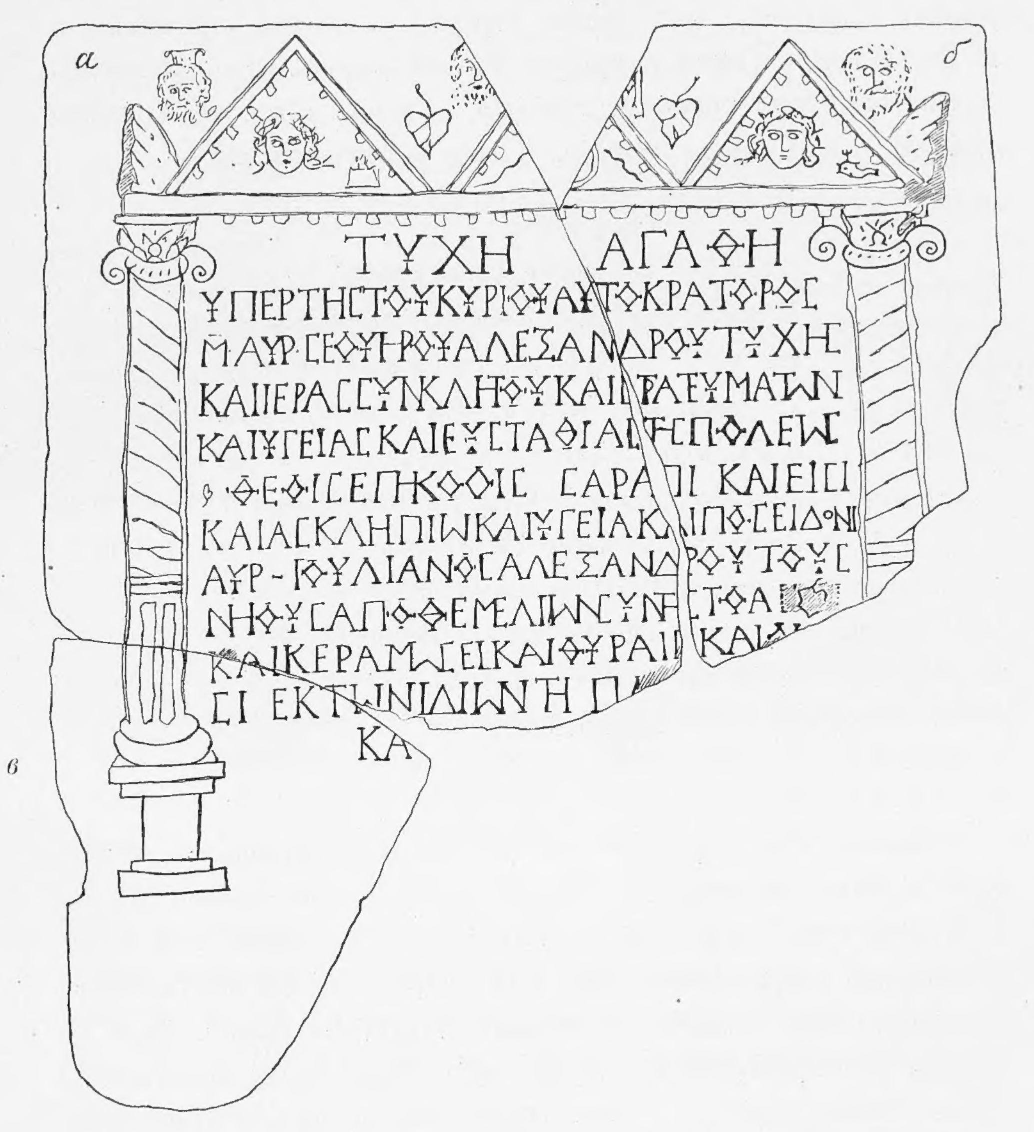
„Надпись сверху и съ боковъ обрамлена рѣзнымъ узоромъ, воспроизводящимъ формы антаблемента и колоннъ постройки. Колонны установлены на прямоугольныя основанія. Базы колоннъ круглыя; стержни колоннъ внизу каннелированные, вверху витые. Капители, по замыслу рѣзчика, должны воспроизводить формы композитной римской капители. На колоннахъ покоится архитравъ. Надъ нимъ—три фронтона; подъ архитравомъ и крышами фронтоновъ зубчики, представляющіе воспроизведеніе концовъ балокъ обрѣшетки потолка и крыши. По сторонамъ крайнихъ фронтоновъ—акротеріи въ видѣ полупальметокъ. По сторонамъ фронтоновъ и внутри ихъ изображены головы разныхъ боговъ. На лѣвой сторонѣ сразу можно опредѣлить Сараписа по модію на его головѣ. Въ первомъ фронтонѣ слѣва—голова богини и около нея полуведерце; богиня, очевидно, Исида, а ведерце—ея обычный аттрибутъ (cymbium, situla) [2]). По сторонамъ центральнаго фронтона изображены головы Асклепія и Гигіеи (отъ послѣдней сохранились лишь части волосъ и головного покрова). Внутри этого фронтона—двѣ змѣи въ симметричномъ расположеніи, аттрибуты Асклепія и Гигіеи. Между змѣями

---

[1]) Рисунокъ исполненъ М. В. Фармаковскимъ: обл. *а* по камню, а *б* и *в*—по эстампажамъ и фотограф. снимкамъ. Здѣсь онъ представленъ прибл. въ 1/5 натур. величины.

[2]) Ср. Daremberg-Saglio, Dictionn. des ant., III, стр. 579.

сохранилась еще часть изображенія круглаго предмета; изображены были, вѣроятно, фіала и энохоя, тоже обычные аттрибуты боговъ-цѣлителей [1]). По сторонамъ центральнаго фронтона вырѣзаны еще два плющевые листа, имѣющіе лишь декоративное значеніе. Снаружи праваго фрон-

тона представлена голова Посидона, а во фронтонѣ въ углу — трезубецъ [2]) и дельфинъ, аттрибуты Посидона. Внутри фронтона изображена, очевидно, голова супруги бога Амфитриты".

[1]) Ср. Baumeister, Denkmäler, I, стр. 139, рис. 151 и 152.

[2]) Нижняя часть трезубца подъ дельфиномъ на рисункѣ по случайному недосмотру пропущена.

*

Помѣщенная между колоннами надпись старательно, но не особенно умѣло исполнена довольно крупными буквами (высота въ 1-й строкѣ 0,027 м., въ остальныхъ—около 0,023) съ многими лигатурами и на всѣхъ трехъ обломкахъ прекрасно сохранилась. Въ концѣ стр. 9-й рѣзчикъ выскоблилъ 2—3 буквы, вѣроятно, ошибочно вырѣзанныя, и на выскобленномъ мѣстѣ изобразилъ обычный листокъ. Орѳографическую ошибку (не считая таковыми συνκλήτου, Σαράπι, Εἴσι, νηούς) можно отмѣтить только одну: Ποσειδόνι. Текстъ надписи гласитъ:

Τύχῃ ἀγαθῇ.
Ὑπὲρ τῆς τοῦ κυρίου Αὐτοκράτορος
Μ(άρκου) Αὐρ(ηλίου) Σεουήρου Ἀλεξάνδρου τύχης
καὶ ἱερᾶς συνκλήτου καὶ [σ]τρατευμάτων
καὶ ὑγείας καὶ εὐσταθίας τῆς πόλεως
θεοῖς ἐπηκόοις Σαράπι καὶ Εἴσι
καὶ Ἀσκληπιῷ καὶ Ὑγείᾳ καὶ Ποσειδ(ῶ)νι
Αὐρ(ήλιος) Ἰουλιανὸς Ἀλεξάνδρου τοὺς
νηοὺς ἀπὸ θεμελίων σὺν τῇ στοᾷ
καὶ κεραμώσει καὶ θύραι[ς] καὶ θ[υρί]-
σι ἐκ τῶν ἰδίων τῇ π[ατρίδι]
κα[τεσκεύασεν].

Возстановленіе строкъ 11-й и 12-й мы даемъ по аналогіи со многими другими надписями о постройкахъ, допуская, однако, что въ стр. 12-й могъ стоять глаголъ κα[θιέρωσεν]. Что касается до слова, занимавшаго конецъ 10-й и начало 11-й строкъ, то для возстановленія его должны быть приняты во вниманіе слѣдующія данныя: послѣ καὶ на обл. *б* сохранившаяся верхняя часть буквы могла принадлежать только буквамъ Θ или О; за нею видно начало штриха, шедшаго сверху внизъ наискось въ правую сторону и могшаго, такимъ образомъ, принадлежать только буквамъ Υ, Χ или Ψ; далѣе, судя по величинѣ мѣста, пропало цѣликомъ не болѣе двухъ буквъ, наконецъ, въ началѣ стр. 11-й имѣются буквы ΣΙ, которыя скорѣе всего могутъ быть приняты за окончаніе дат. падежа множ. числа 3-го склоненія. При этихъ условіяхъ

предлагаемое нами возстановленіе ϑ[υρί]σι является наиболѣе вѣроятнымъ [1]).

Итакъ, мы видимъ, что въ царствованіе Александра Севера Ольвіополитъ Аврелій Юліанъ, сынъ Александра (очевидно, весьма зажиточный, изъ другихъ источниковъ намъ неизвѣстный), за счастье императора, „священнаго синклита“ и войскъ его, а также за здравіе и благосостояніе города на свой счетъ построилъ отъ основаній и посвятилъ отечеству „храмы“ милостивымъ богамъ Сараπису и Исидѣ, Асклипію и Игіи и Посидону, съ портикомъ, черепичной работой, дверями и окнами (или дверцами?).

Разсматриваемый документъ прежде всего имѣетъ важное значеніе для политической исторіи Ольвіи, категорически подтверждая извѣстный уже фактъ, что со временъ Септимія Севера Ольвія находилась въ полномъ подчиненіи власти Рима [2]), входя въ составъ провинціи Нижней Мезіи. Это подчиненіе, съ охраненіемъ Ольвіи римскимъ гарнизономъ, продолжалось еще въ 248 г., какъ видно изъ латинской надписи, объясненной М. И. Ростовцевымъ въ *Изв. И. Арх. К.*, в. 10, стр. 6.

Упоминаніе сената рядомъ съ императоромъ въ муниципальныхъ надписяхъ греческихъ городовъ, по справкѣ, любезно сообщенной М. И. Ростовцевымъ, вполнѣ обычно. Особенно распространена была эта формула именно тамъ, гдѣ съ римской точки зрѣнія находилась Ольвія, т. е. въ провинціяхъ Мезіи и Ѳракіи. Вотъ нѣсколько характерныхъ примѣровъ. Cagnat, Inscr. Graecae ad res Romanas pertinentes, I, № 613 (Томи): посвященіе за императоровъ Септимія Севера съ сыновьями καὶ [συνπάσης οἰκία]ς Αὐγούστης καὶ ἱερᾶς [συγκλήτου καὶ ἱ]ερῶν στρατευμάτων [καὶ δήμου Ῥωμ]αίων κτλ. Та же формула безъ упоминанія о войскѣ и безъ именъ и титуловъ императоровъ въ Филиппополѣ, ibid., № 705; съ именемъ императора (Септимія Севера) оттуда же, ibid., № 718. Съ упоминаніемъ о войскѣ—надпись изъ Traiana Augusta

[1]) Документъ можетъ служить новымъ подтвержденіемъ необходимости относиться съ крайнею осторожностью къ возстановленію несохранившихся частей надписей: изъ возстановленій, предложенныхъ покойнымъ Юргевичемъ и мною при изданіи фрагментовъ *б* и *в*, вѣрными оказались только предложенныя для строкъ 1-й, 6-й (Σαράπι) и 11-й.

[2]) См. объ этомъ наши Изслѣдованія объ ист. и госуд. строѣ Ольвіи (С.-Петербургъ 1887), стр. 207 слл.; Б. В. Фармаковскій, ст. «Ольвія» въ Энциклоп. словарѣ Брокгауза—Эфрона, 2-й доп. томъ (С.-Петербургъ 1906), стр. 340.

времени Александра Севера, какъ и наша, ibid. № 754 (фрагментъ). Полная формула въ надписи времени Септимія Севера ibid. № 766, сокращенная въ надписи времени Каракаллы изъ Гераклеи Периноа ibid. № 787. Надписи изъ другихъ мѣстностей: времени Нервы изъ Никеи у Cagnat, ibid., III, № 38 (=CIGr. 3744), времени М. Аврелія изъ Исавры въ Галатіи, ibid. № 287 (также о постройкѣ зданій); времени Антонина Пія изъ Соады въ Аравіи, ibid. № 1274, того же времени изъ Герасы ibid. № 1353 и др.

Изъ указанныхъ документовъ и другихъ сходныхъ съ ними видно, что разсматриваемая формула входитъ въ обиходъ съ эпохи Траяна, особенно распространяется въ эпоху Антониновъ и Северовъ и продолжаетъ существовать до 2-й половины III в. по Р. Хр. Въ латинскихъ надписяхъ, по наблюденію М. И. Ростовцева, аналогичная формула встрѣчается очень рѣдко (см. напр. CIL. III, 6992 изъ Апамеи, времени Адріана).

Въ виду такой распространенности упоминанія о сенатѣ и войскахъ въ аналогичныхъ надписяхъ нѣтъ надобности, конечно, связывать упоминаніе о войскѣ въ нашемъ документѣ съ походомъ Александра Севера на Востокъ, какъ это я сдѣлалъ въ *Изсл. объ Ольвіи*, стр. 208. Но при этомъ упоминаніи могло имѣться въ виду польстить пребывавшему въ Ольвіи гарнизону [1]).

Надпись свидѣтельствуетъ, что въ царствованіе Александра Севера Ольвія пользовалась спокойствіемъ и благоденствіемъ, при которомъ только и являлась возможность воздвигать новыя монументальныя зданія.

Аврелій Юліанъ, по словамъ надписи, построилъ „храмы" Сарапису съ Исидой, Асклипію съ Игіей и Посидону. Возможно, конечно, разумѣть здѣсь три отдѣльныя зданія, по намъ кажется, что скорѣе можно думать объ *одномъ* зданіи съ тремя отдѣленіями (cellae) для культа названныхъ божествъ, которыя такимъ образомъ оказались бы θεοὶ σύνναοι. Въ пользу такого толкованія склоняетъ насъ главнымъ образомъ упоминаніе о στοά въ единств. числѣ: *одинъ* портикъ не могъ принадлежать тремъ отдѣльнымъ зданіямъ. Употребленіе слова ναός въ значеніи *cella* и обычай почитанія разныхъ боговъ, болѣе или менѣе

[1]) О римскихъ гарнизонахъ въ припонтійскихъ городахъ вообще см. статью М. И. Ростовцева въ *Журн. М. Н. Пр.* за мартъ 1900 г., отд. класс. фил. О гарнизонѣ въ Ольвіи ср. его же въ *Изв. И. А. Комм.*, в. 27, стр. 65 сл.

близкихъ другъ къ другу, въ одномъ храмѣ настолько общеизвѣстенъ, что нѣтъ надобности приводить доказательства [1]).

Изъ божествъ, упоминаемыхъ въ надписи, культъ Асклипія въ Ольвіи былъ уже извѣстенъ раньше [2]), о культѣ Посидона можно было только догадываться [3]), а культъ Сараписа и Исиды впервые сталъ извѣстенъ только изъ этого документа [4]). Интересно отмѣтить, что храмъ за счастье императора и здоровье и благоденствіе родного города былъ посвященъ спеціально богамъ-цѣлителямъ, каковыми почитались Сараписъ съ Исидой и Асклипій съ Игіей, и Посидону, какъ естественному покровителю приморскаго города, притомъ отдѣленнаго широкими водными пространствами какъ отъ родной Еллады, такъ и отъ другихъ городовъ на побережьяхъ Евксинскаго Понта.

---

2. Небольшой обломокъ (нижній лѣвый уголъ, сохр. выш. 0,11 м., шир. 0,075 м.) тонкой (толщ. 0,02 м.) плиты изъ бѣлаго мрамора. Найденъ въ Ольвіи въ 1911 г. (обстоятельства находки не извѣстны) и пріобрѣтенъ Имп. Археолог. Коммиссіей отъ парутинскаго крестьянина Диденко. Задняя сторона плиты гладко отполирована, передняя была украшена гладкою рамкою, узкою (0,014 м.) по бокамъ и широкою (0,032 м.) внизу. Внутри рамки невысокимъ рельефомъ (не возвышающимся надъ рамкою) было вырѣзано изображеніе Кибелы, сидящей въ креслѣ, изъ-за котораго выступаютъ вправо и влѣво львы [5]). Сохранилась только передняя часть (голова, грива и лѣвая передняя нога) льва, обращеннаго влѣво, ступня правой ноги богини и часть ея длиннаго одѣянія (см. рисунокъ по фотограф. снимку въ ½). На нижней рамкѣ уцѣлѣла лѣвая часть посвя-

---

[1]) Укажемъ только на интересныя замѣчанія въ новѣйшей статьѣ М. И. Ростовцева въ *Изв. И. Арх. К.*, в. 40 (1911), стр. 21 слл.

[2]) Ср. G. M. Hirst, Ольвійскіе культы (въ переводѣ И. В. Латышева) въ *Изв. И. Арх. К.*, в. 27, стр. 133.

[3]) См. Hirst, ук. ст. стр. 128.

[4]) О культѣ Сараписа, его значеніи и происхожденіи ср. М. И. Ростовцева въ Сборникѣ арх. статей, поднес. графу А. А. Бобринскому (С.-Петербургъ 1911), стр. 137—142, съ указаніемъ литературы. Спеціально о культѣ египетскихъ божествъ въ припонтійскихъ областяхъ см. W. Drexler, Mytholog. Beiträge. Heft I. Der Cultus der ägypt. Gottheiten in den Donauländern (Leipz. 1890), стр. 89—97. Ср. А. Н. Сонни въ *Филолог. Обозр.* V, I, стр. 53 слл. и наши замѣчанія тамъ же, стр. 140 сл., и въ IosPE. IV, стр. 1, къ № 1. — Всѣ имѣющіяся свидѣтельства о культѣ θεῶν ἐπηκόων собраны въ новѣйшей статьѣ O. Weinreich'а въ *Athen. Mitt.*, т. 37 (1912), стр. 1—68.

[5]) Общая композиція рельефа, по всей вѣроятности, была близко сходна съ композиціею на серьгахъ, найденныхъ Н. Е. Макаренкомъ въ с. Мастюгинѣ Ворон. губ. и изданныхъ въ *Изв. И. А. К.*, в. 43, табл. I, рис. 9 и 10.

тительной надписи, довольно старательно вырѣзанной въ двѣ строки буквами средней величины (выс. 0,009 м.).

Αὐρ(ήλιος) Χρύσ[ιππος—имя отца—?]
Μητρὶ θεῶν [ἀνέθηκεν].

По характеру письма и употребленію вязи (связаны буквы МНТ и ΩΝ въ стр. 2-й, причемъ части крайнихъ буквъ М и N изглажены) надпись относится къ римскимъ временамъ. Римское nomen Αὐρήλιος даетъ возможность точнѣе установить terminus post quem, каковымъ будетъ приблизительно средина II-го в. по Р. Хр.

Обломокъ принадлежитъ вотивному рельефу изъ числа тѣхъ, которыми, по распространенному въ римскія времена въ припонтійскихъ городахъ, Ѳракіи и др. странахъ обычаю увѣшивались стѣны святилищъ [1]). По внѣшнимъ признакамъ нашъ обломокъ вполнѣ аналогиченъ съ большинствомъ такихъ рельефовъ [2]). Существованіе этого обычая въ Ольвіи уже констатировано М. И. Ростовцевымъ [3]) по обломкамъ рельефовъ коллекціи Московскаго Историческаго музея. Культъ Матери боговъ въ Ольвіи также уже извѣстенъ по надписи и монетамъ [4]). Изъ свидѣтельства надписи [5]) извѣстно, что въ Ольвіи существовало женское жречество этой богини, а стало быть существовало и святилище, въ которое, по всей вѣроятности, и былъ пожертвованъ вотивный рельефъ, дошедшій до насъ въ разсмотрѣнномъ обломочкѣ.

В. Латышевъ.

---

[1]) См. о такихъ рельефахъ прекрасное изслѣдованіе проф. М. И. Ростовцева въ *Изв. И. Арх. Комм.*, в. 40, стр. 12 сл., съ многими изображеніями рельефовъ на таблицахъ.

[2]) Ср. Ростовцева ук. ст., стр. 20.

[3]) Ук. ст., стр. 17 сл.

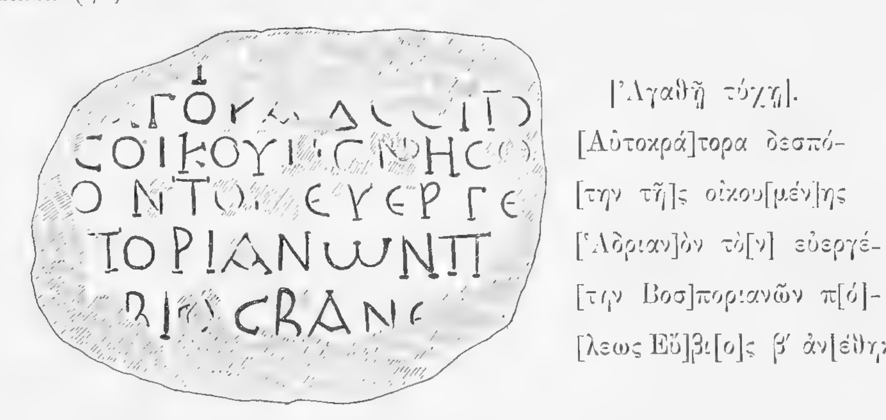
[4]) См. Hirst, ук. ст., стр. 105.

[5]) IosPE. I, № 107.

Воспорскія надписи, найденныя въ 1911 году.

1. Верхній правый уголъ бѣломраморнаго пьедестала, сзади отбитаго по толщинѣ, наиб. выш. 0,30 м., наиб. шир. 0,42, толщ. 0,35, съ гладко полированными верхнимъ и правымъ боковымъ обрѣзами. На передней гладкой поверхности обломка замѣтны остатки шести строкъ сильно истертой надписи римскаго времени; буквы выс. 0,03 м. вырѣзаны старательно, безъ линеекъ. Въ первой строкѣ несомнѣнно находилось обычное посвященіе Ἀγαθῇ τύχῃ, отъ котораго уцѣлѣла одна отвѣсная черточка, вѣроятно, отъ буквы Г.

Обломокъ найденъ 21 іюля на Предтеченской площади въ Керчи, при рытьѣ фундаментовъ для новыхъ каменныхъ лавокъ, въ насыпи, на глубинѣ 2,84 м. отъ теперешней поверхности площади. Снимокъ съ эстампажа ($^1/_6$).

[Ἀγαθῇ τύχῃ].
[Αὐτοκρά]τορα δεσπό-
[την τῆ]ς οἰκου[μέν]ης
[Ἁδριαν]ὸν τὸ[ν] εὐεργέ-
[την Βοσ]πορανῶν π[ό]-
[λεως Εὔ]βι[ο]ς β' ἀν[έθηκε].

Личныя имена возстановлены лишь предположительно. Изъ именъ римскихъ императоровъ, титулованныхъ въ надписяхъ κτίστης или δεσπότης τῆς οἰκουμένης, къ данному мѣсту, на нашъ взглядъ, наиболѣе подходитъ имя Адріана: во-первыхъ, по началу третьей строки надписи видно, что въ началѣ четвертой строки пропало 5—6 буквъ; во-вторыхъ, характеръ буквъ надписи ΛЄΠCϢ такой же, какъ въ двухъ датирован-

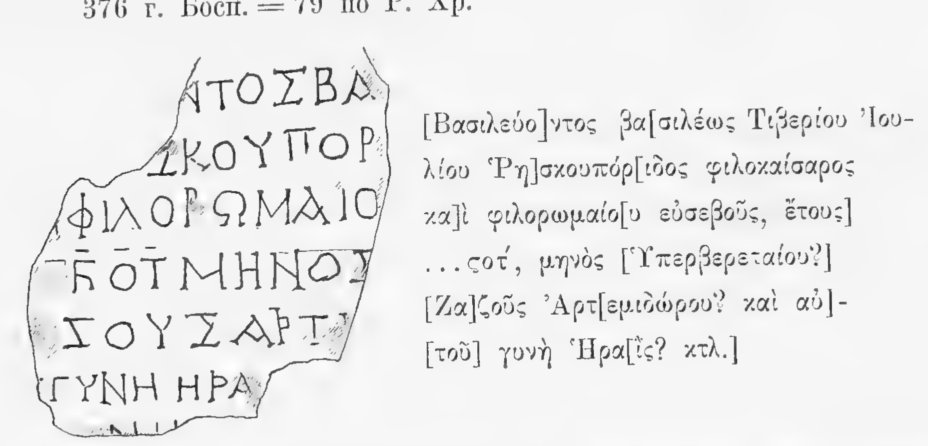
ныхъ надгробныхъ надписяхъ, относящихся къ 130 году по Р. Хр., стало быть, ко времени царствованія Адріана (IosPE. II, 301 = Watzinger, табл. XLII, № 614; *Изв. Имп. Арх. Коммиссіи*, вып. 10, стр. 81 сл., № 94 = Watzinger, табл. XVIII, № 272). Добавимъ еще то, что Адріанъ въ другой боспорской надписи (IosPE. II, 33), по весьма вѣроятному дополненію В. В. Латышева, названъ тоже ὁ Βοσπόρου εὐεργέτης (ср. Ποντικά, стр. 115). Вмѣсто предполагаемаго нами второго личнаго имени на камнѣ могли быть вырѣзаны также имена Ζώβιος или Σώβιος, но для встрѣчавшихся въ боспорской эпиграфикѣ именъ Ζηνόβιος, Μητρόβιος, Πολύβιος или Σωσίβιος не достаточно мѣста на пропавшей части камня. Остается еще отмѣтить, что форма Βοσποριανοί встрѣчается въ литературныхъ памятникахъ наряду съ формой Βοσπορανοί (ср. Strab. VI, 309 и 312; Luc. Alex. 57 и Tox. 44 = Scythica et Caucasica, стр. 124, 127, 544 и 555).

---

2. Кусокъ плиты изъ бѣлаго мрамора, обломанный со всѣхъ сторонъ, кромѣ верхней, выш. 0,16 м., шир. 0,15, толщ. 0,05. Задняя поверхность не полирована. Высота буквъ, вырѣзанныхъ по тонкимъ елс замѣтнымъ линейкамъ, 0,013 м.

Обломокъ купленъ 17 сентября у керченскаго собирателя древностей Павла Щербинина, по словамъ котораго найденъ на Таманскомъ полуостровѣ, на хуторѣ Шапырева, недалеко отъ древней Фанагоріи. Снимокъ съ эстампажа (1/3).

376 г. Босп. = 79 по Р. Хр.

[Βασιλεύο]ντος βα[σιλέως Τιβερίου Ἰου-
λίου Ῥη]σκουπόρ[ιδος φιλοκαίσαρος
κα]ὶ φιλορωμαίο[υ εὐσεβοῦς, ἔτους]
. . . ϛοτʹ, μηνὸς [Ὑπερβερεταίου?]
[Ζα]ζοῦς Ἀρτ[εμιδώρου? καὶ αὐ]-
[τοῦ] γυνὴ Ἡρα[ΐς? κτλ.]

Уцѣлѣвшія слова указываютъ, что издаваемый нами памятникъ относится, вѣроятно, къ разряду тѣхъ актовъ, которыми рабы отпуска-

лись па волю (ср. IosPE. II, №№ 52—54, 364, 400 и 401; IV, № 204; *Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. 27, стр. 38 сл., № 34). Изъ личныхъ именъ, кромѣ царскаго, можно съ увѣренностью возстановить только имя Ζαζοῦς, которое хорошо извѣстно изъ горгиппійскихъ надписей, но пишется гораздо чаще въ формѣ Ζαζζοῦς (IosPE. II, 402—404, IV, 436; *Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. 37, стр. 36 сл., №№ 2 и 12), хотя встрѣчается и начертаніе черезъ одно Ζ (*Изв. И. А. К.* 37, стр. 47, № 8).

---

3. Разбитая на двѣ части и обломанная внизу стела изъ мягкаго крупнозернистаго известняка, наиб. выш. 0,61 м., шир. 0,35 — 0,375, толщ. 0,08—0,11. Вверху украшена двумя розетками о четырехъ лепесткахъ и грубо сдѣланнымъ анѳеміемъ. На боковыхъ обрѣзахъ изваяны тоже двѣ розетки. Въ неровномъ нижнемъ изломѣ сдѣланы двѣ четырехугольныя выемки для скрѣпы, изъ чего видно, что стела была разбита еще въ древнее время и затѣмъ опять составлена. Такъ какъ край розетки, изваянной на лѣвомъ обрѣзѣ плиты, стесанъ съ передней стороны, то возникаетъ догадка, что первоначальная надпись была изглажена и на ея мѣстѣ вырѣзана другая; это предположеніе подтверждается также сравненіемъ стиля надгробія съ характеромъ буквъ и стилизаціей надписи, которая вырѣзана на разстояніи 0,015 м. отъ розетокъ небрежными и мелкими буквами, безъ линеекъ (выс. буквъ 0,015—0,02 м.). Въ углубленіяхъ анѳемія, розетокъ и буквъ замѣтны слѣды розовой и красной красокъ.

Плита служила вмѣстѣ съ двумя другими прикрытіемъ дѣтской земляной гробницы, открытой мною 25 іюня на Таманскомъ полуостровѣ, возлѣ Южнаго кордона, недалеко отъ Тузлянскаго мыса. Снимокъ съ фотографіи и съ эстампажа (1/4).

ΑΓΑΘΟΥ ΑΓΑΘΟΥ
ΝΟ ΧΑΙΡΕ

Ἀγαθοῦ[ς Ἀ]γαθοῦ-
νο[ς]· χαῖρε.

Съ формой род. п. Ἀγαθοῦνος слѣдуетъ сравнить Καλοῦνος боспорской надписи, изданной въ IosPE. IV, 334; Μαστοῦνος ibid. II, 204 и IV, p. 288, add. ad № 204, и въ особенности примѣры изъ папирусовъ, приведенные въ статьѣ: Die griechischen Sklavennamen von M. Lambertz, ч. I, стр. 38 (Jahresbericht über das Staatsgymnasium im VIII. Bezirke Wiens für das Jahr 1906/1907. Wien. 1907).

---

4. Обломанное сверху и снизу, разбитое на двѣ части надгробіе изъ плотнаго известняка, наиб. выш. 1,57 м., шир. 0,52 — 0,54, толщ. 0,105—0,13 (ширина и толщина камня кверху уменьшается); внизу сохранилась незначительная часть выступа для вставки въ постаментъ. Плита украшена двумя рельефами. Въ верхнемъ углубленіи (шир. 0,45 м.) изображенъ „погребальный пиръ": на ложѣ съ точеными ножками и высокимъ изголовьемъ, къ которому прислонена подушка, возлежитъ мужчина, облокотившійся лѣвой рукой на ложе; кисть этой руки стерта, такъ что нельзя сказать, держалъ ли мужчина въ ней обычный сосудъ. Кисть правой руки лежитъ ладонью внизъ на правомъ согнутомъ колѣнѣ. Впереди ложа, покрытаго свѣшивающимся ковромъ, стоитъ столикъ о трехъ ножкахъ, уставленный сосудами и яствами; вправо отъ него стоитъ мальчикъ, держащій въ приподнятой правой рукѣ одноручный сосудикъ съ расширяющимся кверху горломъ. Обычной женской фигуры, сидящей влѣво въ креслѣ, нѣтъ (см. изображенія у Вацингера, №№ 690, 728 и 730). Головы мужчины и мальчика отчасти отбиты, отчасти стесаны острымъ орудіемъ. Подъ верхнимъ рельефомъ находится другое углубленіе (0,47×0,46 м.) съ четырьмя рельефными фигурами: влѣво (отъ зрителя) изображены женщина, сидящая въ креслѣ въ „печальной" позѣ, и возлѣ кресла дѣвочка, держащая въ рукахъ цилиндрическій сосудъ съ конусообразной крышкой, справа двое стоящихъ мужчинъ почти одинаковаго роста, обращенныхъ другъ къ другу лицомъ и одѣтыхъ въ короткіе хитоны и иматіи; мужчины опираются на низкую колонку (выс. 0,23 м.), изваянную посреди нихъ, одинъ локтемъ правой руки, другой—локтемъ лѣвой. Лица всѣхъ четырехъ фигуръ стесаны острымъ орудіемъ. На разстояніи 0,03 м. отъ нижняго рельефа между тремя двойными линейками начертана надпись римскаго времени (выс. буквъ 0,04 м.); начало первой строки отбито.

Найдено 11 іюня у входа въ разоренный земляной склепъ, открытый мною на Таманскомъ полуостровѣ, возлѣ Южнаго кордона. Снимокъ съ эстампажа ($^1/_6$).

[Σῶ]τερ Γάσθει υἑ·
χαῖρε⟨ι⟩.

Личное имя Σωτήρ (объ амисскомъ гражданинѣ съ этимъ именемъ см. I. Anderson, Fr. Cumont et H. Grégoire, Recueil des inscriptions grecques et latines du Pont et de l'Arménie. Bruxelles 1910, стр. 3) и начертаніе Γάσθεις (вмѣсто обычнаго Γάστεις) встрѣчаются въ боспорской эпиграфикѣ въ первый разъ.

5. Вполнѣ сохранившаяся стела изъ крупнозернистаго известняка, безъ всякихъ украшеній, выш. 1,34 м., шир. 0,41—0,50, толщ. 0,17—0,22. Нижняя часть плиты длиною въ 0,45 м., предназначавшаяся для вставки въ землю, шире и толще средней и верхней части. На разстояніи 0,22 м. отъ верхняго края надгробія вырѣзана надпись (выш. буквъ 0,03—0,055 м.), буквы которой закрашены красной краской; начало и конецъ второй строки немного повреждены.

Камень купленъ 17 октября у казака Таманской станицы Онисима Черноморченко, по словамъ котораго былъ найденъ надъ древней гробницей, открытой кладоискателями возлѣ Тузлянской лѣчебницы. По фотограф. снимку.

Χαρσενά-
κεω το(ῦ) υο(ῦ)
Μάτατ⟨τ⟩-
ος.

По характеру письма надписи и по незатѣйливому устройству надгробія, не украшеннаго ни карнизомъ, ни анѳеміемъ, можно судить, что памятникъ относится къ V в. до Р. Хр. Постановка имени усопшаго въ род. падежѣ, зависящемъ отъ подразумѣваемаго слова μνῆμα (ср. IosPE. I, № 173), встрѣчается еще въ слѣдующихъ боспорскихъ надписяхъ, изданныхъ В. В. Латышевымъ: IosPE. II, № 248 (см. addenda на стр. 306), № 154[1]; *Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. 2, стр. 69 сл., №№ 2 и 3; вып. 10, стр. 58, № 59 и стр. 63, № 66, а также, можетъ быть, IosPE. II, № 468. Въ древнѣйшихъ боспорскихъ надписяхъ, включая и разбираемую надпись, слово υἱός попадается только четыре раза (IosPE. IV, 261, 345, II, 97); во всѣхъ случаяхъ, кромѣ послѣдняго, начертано ὑός, безъ іоты [1]). Форма второго имени похожа на род. падежи Δάλατος (IosPE II, № 146), Νύμφατος (ibid. № 201), Ἄδατος (IV, № 246), Μόλπατος (ibid № 328) и Μίδατος (*Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. 2, стр. 70, № 3). Оба варварскихъ имени Χαρσενάκης и Μάτας встрѣчаются впервые въ боспорскихъ надписяхъ.

---

6. Хорошо сохранившееся надгробіе изъ крупнозернистаго известняка выш. 0,65 м., шир. 0,30—0,33, толщ. 0,15 (кверху плита расширяется). Вверху украшено рельефными карнизомъ и фронтономъ съ тремя розетками и двумя боковыми акротеріями; основаніе трехугольника фронтона короче карниза, на которомъ онъ покоится (ср. IosPE. II, 73 = Watzinger, № 427). Немного ниже, въ углубленіи (0,23×0,27 м.) между антами изображено шесть рядомъ стоящихъ фигурокъ, высота которыхъ отъ лѣвой стороны къ правой постепенно увеличивается; влѣво изображены три мальчика, вправо три дѣвочки. Всѣ фигуры обращены лицомъ къ зрителю (лица сильно стерты) и стоятъ на общемъ пьедесталѣ, устроенномъ во всю ширину углубленія, выс. 0,045 м. Подъ рельефомъ небрежно, неодинаковыми буквами и безъ линеекъ, вырѣзана надпись римскаго времени (выс. буквъ 0,03—0,05 м.).

Куплено 16 ноября у казака Черноморченко (ср. № 5), по словамъ котораго найдено въ Тамани. Фотограф. снимокъ и эстампажъ (1/7).

---

[1]) Повторяя изданіе надписи № 261 (Griechische Grabreliefs aus Südrussland, стр. 9, № 64), Ваццингеръ безъ всякой нужды и неосновательно дополнилъ ὑ(ι)ός.

Если не считать надписи Στρατηγῶν, изданной В. В. Латышевымъ въ *Изв. И. А. К.*, вып. 3, стр. 33 сл., № 1, то новая находка пред-

Τέκνα
Γαΐου,
χαί[ρ]ετε.

ставляетъ собою на Боспорѣ первый примѣръ надписи, въ которой отсутствуютъ имена погребенныхъ.

7. Сверху и снизу обломанное надгробіе изъ мелкозернистаго известняка, выс. 0,89 м., шир. 0,55—0,56, толщ. 0,17. Вверху въ четырехугольномъ углубленіи (0,49×0,39 м.) изображенъ „погребальный пиръ". На ложѣ съ точеными ножками, на подстилкѣ, покрытой большимъ ковромъ, возлежитъ мужчина, одѣтый въ хитонъ; правое плечо, часть груди и вся рука, въ которой виднѣется виноградная кисть, обнажены; въ лѣвой рукѣ, опертой локтемъ о ложе, мужчина держитъ одноручный сосудъ съ двумя перехватами. Передъ ложемъ стоитъ столикъ на одной ножкѣ съ двумя сосудиками, разливальной ложкой и хлѣбомъ, имѣющимъ форму розетки, раздѣленной прямыми черточками на три одинаковыхъ части. Слѣва передъ ложемъ сидитъ въ креслѣ съ прямой спинкой, украшенномъ ажурной рѣзьбой, со скамеечкой подъ ногами, женщина съ поднятой къ лицу лѣвой рукой, одѣтая въ длинный хитонъ и гиматій, наброшенный на голову. Въ правомъ углу подъ изголовьемъ ложа стоитъ мальчикъ съ сосудомъ въ рукахъ, между столикомъ съ яствами и жен-

щиной—дѣвочка, въ лѣвомъ углу другая такая же фигурка съ цилиндрическимъ сосудомъ въ рукахъ. Лица всѣхъ пяти фигуръ хорошо сохранились. Работа шаблонная, грубая; особенно трактовка глазъ, носа и вообще всего лица указываетъ на сильный упадокъ искусства. Подъ рельефомъ глубокими буквами вырѣзаны 11 строкъ надписи, относящейся по характеру письма ко второй половинѣ I вѣка по Р. Хр. Конецъ четвертой строки KEN вырѣзанъ на правомъ боковомъ обрѣзѣ; начальныя буквы послѣднихъ трехъ строкъ или повреждены, или совсѣмъ отбиты. Высота буквъ не одинакова: въ трехъ первыхъ и въ трехъ послѣднихъ строкахъ 0,03 м., въ среднихъ немногимъ больше 0,02 м.

Надгробіе найдено 7 февраля на сѣверномъ склонѣ Митридатовой горы, во дворѣ мѣщанина Конона Тимошенко, на 2-й Нагорной улицѣ, д. № 26. По фотограф. снимку.

Πρίν με θανεῖν, κατά-
κειμ(αι) ἐνθάδε ἐπὶ στη-
λίδι γλυπτῇ κουριδίης ἕν[ε]κεν
Κλεοπάτρας, ἧς κάλλος
ἀμείμητον· οἰκοδεσπο(τ)ί-
ην δὲ ἀσύνκριτον, μίαν τῶν Μου-
σῶν ⟨ε⟩ Πιερίδων ἔσχον σύ-
νευνον. Εἵνεκα τῶ(ν)δε τα-
[ύ]την στηλίδα ἀνε-
[στήσατ]ο Ζείλας Ταρσα-
[νὸς νυμφευτ]ὴς ἀλόχωι.

Надпись не укладывается въ рамки размѣровъ, обычныхъ при составленіи эпитафій. Только изъ начальныхъ словъ надписи можно составить дактилическій гекзаметръ:

Πρίν με θανεῖν, κατάκειμ' ἐνθάδ' ἐπὶ στηλίδι γλυπτῇ,

а изъ послѣднихъ, можетъ быть, пентаметръ:

Ζείλας Ταρσανός, νυμφευτῆς ἀλόχῳ.

Кромѣ того, слова κουριδίης ἕνεκεν Κλεοπάτρας составляютъ 4 стопы гекзаметра (3 дактиля и спондей).

Вообще въ надписи замѣчается поразительная небрежность, въ которой, кажется, одинаково повинны и составитель надписи, и рѣзчикъ. Эта небрежность выразилась особенно въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) въ 3-й строкѣ, какъ уже упомянуто выше, пропущены три послѣднихъ буквы слова ἕνεκεν, почему и пришлось вырѣзать ихъ на правомъ боковомъ обрѣзѣ плиты; 2) въ 5-ой строкѣ рѣзчикъ спуталъ слова οἰκοδεσποτίην и σποδίην; 3) въ 7-ой строкѣ между словами Μουσῶν и Πιερίδων вырѣзана лишняя буква Ε, возбуждающая подозрѣніе, что рѣзчикъ, не понимая эпитета Πιερίδων, смѣшалъ его со словами ἐπὶ ἐρίδων, и 4) въ 8-ой строкѣ пропущена буква въ словѣ τῶ(ν)δε.

За правильность дополненія послѣднихъ двухъ строкъ мы, конечно, не можемъ поручиться; такъ какъ мужское имя Ζείλας = Ζηλᾶς встрѣчалось только въ Виѳиніи (Athen. 2,58 c), то мы дополнили послѣднія буквы 10-ой строки въ ἐθνικόν Ταρσα[νός] = Ταρσηνός, происшедшее отъ названія виѳинскаго города Ταρσός (ср. Ταρσηνὰ χωρία въ Виѳиніи).

Весьма интересно указаніе надписи на то, что рельефъ представляетъ самаго Зила (изображеннаго на камнѣ еще при жизни) и его жену. Нельзя ли отсюда вывести заключеніе, что на надгробіяхъ изображался „погребальный пиръ“ только тогда, когда у мужа умирала жена или у воина его любимый товарищъ (ср. сборникъ Вацингера, табл. LIII, №№ 724, 725 и др.)?

---

8. Обломанная снизу стела изъ плотнаго крупнозернистаго известняка, безъ рельефныхъ украшеній, выш. 0,69 м., шир. 0,26—0,32, толщ. 0,10—0,14 (кверху камень постепенно утолщается и расширяется). Надпись вырѣзана по линейкамъ на разстояніи 0,12 м. отъ верхняго края; въ углубленіяхъ буквъ (выш. 0,02—0,03 м.) сохранилась кое-гдѣ красная краска. Подъ надписью замѣтны четыре отвѣсныя черты, мелко вырѣзанныя въ камнѣ, и узкая полоска красной краски, быть можетъ, остатокъ лентъ, подобныхъ тѣмъ, которыми украшена стела, изданная В. В. Латышевымъ въ *Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. 18, стр. 130 сл.=Wat-

zinger, Griech. Grabreliefs aus Südrussland, № 34. Во 2-й строкѣ надписи, которую по характеру письма можно отнести къ IV вѣку до Р. Хр., была пропущена рѣзчикомъ предпослѣдняя буква Е, но затѣмъ была слегка нацарапана въ промежуткѣ между Φ и Ω.

Найдена въ декабрѣ въ Тамани, у восточной подошвы Лысой горы, въ каменной гробницѣ, въ которой она вмѣстѣ съ другими двумя плитами составляла южную стѣнку могилы. Снимокъ съ эстампажа (1/6).

ΠΑΥΝΑ Παῦνα
ΝΥΜΦΕΩ Νύμφεω.

Женское имя Παῦνα встрѣчается въ первый разъ, а Νύμφης или Νύμφας извѣстно только изъ Посланія св. апостола Павла къ Колоссянамъ (IV, 15): ἀσπάσασθε τοὺς ἐν Λαοδικίᾳ ἀδελφοὺς καὶ Νυμφᾶν (въ нѣкоторыхъ рукописяхъ читается Νύμφαν. См. Novum Testamentum Graece. Recensuit C. Tischendorf. Ed. VIII critica maior, т. II, стр. 747).

9. Разбитая на четыре части и обломанная сверху христіанская стела изъ крупнозернистаго известняка выш. 0,83 м., шир. 0.28—0,30, толщ. 0,08—0,11 (плита книзу слегка расширяется и утолщается). Вверху украшена большой монограммой Христа, начерченной двойными линейками подъ двумя горизонтальными параллельными чертами. Плита похожа на языческое надгробіе съ фронтономъ, съ тѣмъ только различіемъ, что на мѣстѣ верхняго акротерія начерчена буква Р и на мѣстѣ обычныхъ двухъ розетокъ, помѣщаемыхъ надъ треугольникомъ фронтона, вырѣзаны символическія буквы Α и Ѡ. Непосредственно подъ монограммой вырѣзана глубокими буквами надпись въ девять строкъ; при разбитіи надгробія пропали или пострадали нѣкоторыя буквы первыхъ трехъ строкъ: въ началѣ второй строки отбито, какъ видно по остаткамъ буквы Σ, слово ΥΙΟΣ, а въ концѣ той же строки уничтожена часть дифтонга Ȣ. Въ углубленіяхъ буквъ и монограммы сохранились слѣды красной краски (высота буквъ надписи 0,02—0,04 м., выс. Р въ монограммѣ 0,11 м.).

Найдена 22 ноября въ усадьбѣ А. Серганиди на Продолженіи Карантинной улицы, д. № 11, рядомъ съ богадѣльней А. Золотарева.

[Т]ρύφων
[υἱὸς] ’Αγαθ[οῦ]
ὁ κα(λ)ῶς οἰ-
κ(ο)ν(ο)μ(ή)σα[ς]
τὸν βίον ἐν-
θάδε κατά-
κ(ει)μ(αι). Κάρβα-
νος ἀνέ⟨στ⟩-
στ(η)σα.

Плита выдѣляется среди христіанскихъ надгробій, найденныхъ въ южной Россіи и на Кавказѣ, какъ своей формой, такъ и стилизаціей надписи. То и другое свидѣтельствуетъ, что надгробіе сдѣлано подъ вліяніемъ языческихъ эпиграфическихъ памятниковъ. По своему виду камень весьма похожъ на плиту 306 года по Р. Хр., изданную В. В. Латышевымъ въ *Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. 10, стр. 26 слл., № 21. Надпись Трифона, отличаясь отъ прочихъ боспорскихъ надписей христіанскаго времени также своимъ многословіемъ, наводитъ словами *ὁ καλῶς οἰκονομήσας τὸν βίον* [1] на мысль, что надгробіе сооружено приблизительно въ то же самое время, какъ и вышеупомянутый памятникъ 306 года, на которомъ читаются слова *ὁ πολλὰ ἀποδημήσας* и пр. Также характеръ буквъ не противорѣчитъ столь ранней датировкѣ надписи Трифона (ср., напр., надпись 225 года

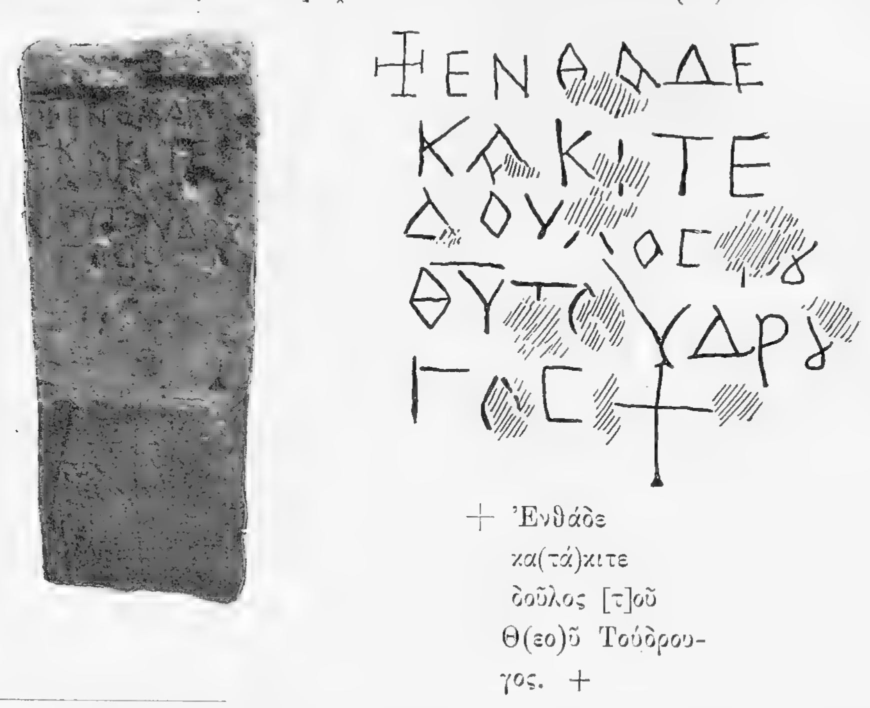
[1]) Выраженіе τὸν βίον οἰκονομεῖν встрѣчается у Исократа: πρὸς Δημόνικον 3a.

по Р. Хр. въ IosPE. II, № 48). Къ началу IV вѣка восходитъ также символическое употребленіе буквъ A и Ꙍ (ср. Ю. А. Кулаковскаго Христіанская катакомба 491 года, стр. 18). Слѣдуетъ обратить вниманіе также на то, что къ имени Трифона прибавлено имя отца, чего въ боспорскихъ христіанскихъ надписяхъ не бываетъ (Κυριακὸς υἱὸς Γεωργίου въ Сборникѣ греч. надписей христіанскихъ временъ, № 93, относится къ XI столѣтію, стало быть, къ совершенно другой эпохѣ).

Κάρβανος—имя новое въ боспорской эпиграфикѣ.

10. Христіанское надгробіе изъ плотнаго мелкозернистаго известняка, выш. 0,63 м., шир. 0,28, толщ. 0,11. Та часть передней поверхности плиты (0,38×0,27 м.), гдѣ начертана надпись, врѣзана въ плиту приблизительно на 0,02 м. глубины и гладко стесана. Надпись вырѣзана неглубокими тонкими буквами (выс. 0,02 — 0,03 м.); въ началѣ и въ концѣ ея вырѣзано по кресту. Углубленія крестовъ и буквъ закрашены темнокрасной краской. Подъ надписью съ лѣвой стороны замѣтны слѣды какихъ-то буквъ, не поддающіеся возстановленію.

Найдено 8 мая во дворѣ итальянца Фр. Колланджело на Братской улицѣ, д. № 13 [1]). Фотограф. снимокъ и эстампажъ (1/4).

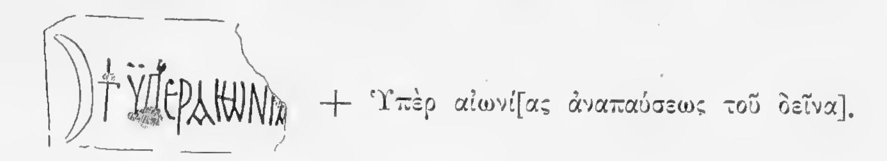
+ Ἐνθάδε
κα(τά)κιτε
δοῦλος [τ]οῦ
Θ(εο)ῦ Τούδρου-
γος. +

[1]) Домъ этотъ расположенъ противъ усадьбы К. Верле, стало быть, въ районѣ извѣстнаго древняго христіанскаго некрополя (см. *Изв. Имп. Арх. Ком.*, в. 33, стр. 31).

Имя Τούδρουγος встрѣчается, насколько намъ извѣстно, впервые. Слѣдуетъ отмѣтить двоякое начертаніе буквъ Ο, Θ и дифтонга ΟΥ.

11. Обломокъ бѣломраморной плиты выш. 0,11 м., шир. 0,28 м., толщ. 0,18. Вся правая сторона передней поверхности камня, на которой была вырѣзана однострочная христіанская надпись, разрушена дѣйствіемъ огня; съ лѣвой стороны сохранились только крестикъ и нѣсколько начальныхъ буквъ надписи (выс. буквъ 0,025 м.). Надпись окаймлена сверху и снизу прямыми параллельными углубленіями, а слѣва серповидной вырѣзкой.

Найденъ 13 мая на Предтеченской площади въ Керчи при рытьѣ фундаментовъ для новыхъ каменныхъ лавокъ. Снимокъ съ эстампажа (¼).

+ Ὑπὲρ αἰωνί[ας ἀναπαύσεως τοῦ δεῖνα].

12. Обломокъ плиты изъ сѣроватаго мрамора, внизу сохранилась часть полированнаго обрѣза. Выш. обломка 0,035 м., шир. 0,105, толщ. 0,02; задняя сторона старательно выглажена. Отъ послѣдней строки надписи сохранилось только шесть буквъ (выш. 0,015—0,02 м.).

Найденъ 27 іюля тамъ же, гдѣ № 14. Снимокъ съ эстампажа (¼).

. . . ἀπὸ Ἀδὰμ [ἔτους . . .]

Сохранившіяся буквы принадлежатъ къ обозначенію лѣтосчисленія отъ Адама.

13. Обломокъ плиты изъ крупнозернистаго известняка, выш. 0,54 м., шир. 0,33—0,44, толщ. 0,12 (вверху) — 0,17 (внизу). Справа сохранилась часть края, съ остальныхъ трехъ сторонъ плита обломана. На обломкѣ осталось нѣсколько небрежно вырѣзанныхъ крупныхъ буквъ (выш. 0,05—0,09 м.) отъ большой надписи римскаго времени.

Найденъ 10 іюля при починкѣ мостовой на улицѣ Стемпковскаго въ Керчи. Снимокъ съ эстампажа ($^1/_4$).

Можно предположить, что на камнѣ были вырѣзаны слова ὁ πε[ρὶ], πρε[σβευτής] и Καῖσ[αρ], но съ достовѣрностью нельзя опредѣлить содержанія надписи.

---

14. Кусочекъ бѣломраморной плиты толщ. 0,023 м., обломанный со всѣхъ сторонъ, выш. 0,06 м., шир. 0,068. На обломкѣ съ гладко отполированной задней поверхностью сохранилось семь небрежно и безъ линеекъ вырѣзанныхъ буквъ (выс. около 0,02 м.), не дающихъ никакихъ указаній на содержаніе надписи.

Найденъ 21 іюля на Предтеченской площади въ Керчи при рытьѣ фундаментовъ для новыхъ городскихъ лавокъ. Снимокъ съ эстампажа ($^1/_4$).

В. Шкорпилъ.

Херсонесскія надписи.

1. Мраморная плита, слегка суживающаяся кверху; наверху заканчивалась, очевидно, небольшимъ акротеріемъ, какъ № 2, съ которой она найдена вмѣстѣ, вполнѣ сходна по формѣ и въ значительной степени по написанію. Верхняя часть, вѣроятно менѣе половины, отломана, но строки 1—7, отъ которыхъ сохранились остатки, могутъ быть возстановлены почти съ несомнѣнностью. Въ остальномъ не хватаетъ кое-гдѣ только отдѣльныхъ буквъ или частей буквъ. Читается прекрасно. Размѣры: ширина внизу 0,36 м., вверху (по 7-й строкѣ) 0,32 м.; наибольшая сохранившаяся высота 0,47 м., толщина 0,06—0,072 м.; величина буквъ 0,0075—0,011 м. Сзади плита грубо обдѣлана и края сглажены не вполнѣ, а обнаруживаютъ около задней стороны и внизу слѣды грубой зубатки. Найдена 28 ноября 1908 г. при скалѣ въ обкладкѣ колодца, засыпаннаго въ римское время, въ сѣверо-восточной части городища близъ сѣверо-восточной базилики. Инвентарный № 4862/08.

Снимокъ съ фотографіи (прибл. 1/3 н. в.) см. на табл. I.

Читаемъ и дополняемъ такъ:

[. . . . . ἀλλὰ
συνδιαφυλαξοῦμεν τὰν αὐτοῦ βασ]ιλεί[αν
κατὰ τὸ δυνατόν, ἐμμένοντ]ος ἐν ταῖ ποθ' ἁ[μὲ-
ς φιλίαι τήν τε ποτὶ Ῥωμ]αίους φιλίαν διαφυλάσ-
[σοντος καὶ μηδὲ]ν ἐναντίον αὐτοῖς πράσ-
[σοντος· εὐ]ορκοῦσι μὲν ἁμῖν εὖ εἴη, ἐπιορκοῦ-
[σι δὲ τὰ ἐ]ναντία. ὁ δὲ ὅρκος οὗτος συνετε-
[λέ]σθη μηνὸς Ἡρακλείου πεντεκαιδεκάτα[ι],
βασιλεύοντος Ἀπολλοδώρου τοῦ Ἡρογεί-
του, γραμματεύοντος Ἡροδότου τοῦ Ἡρο-
δότου. — Ὅρκος, ὃν ὤμοσε βασιλεὺς Φαρνάκης

πρεσβευσάντων παρ' αὐτὸν Μάτριος καὶ Ἡρακλε[ί]ου· Ὀμνύω Δία, Γῆν, Ἥλιον, θεοὺς Ὀλυμπίους πάντας καὶ πάσας· φίλος ἔσομαι Χερσονησίταις διὰ παντός, καὶ ἂν οἱ παρακείμενοι βάρβαροι στρατεύωσιν ἐπὶ Χερσόνησον ἢ τὴν κρατουμένην ὑπὸ Χερσονησιτῶν χώραν ἢ ἀδικῶσιν Χερσονησίτας, καὶ ἐπικαλῶνταί με, βοηθήσω αὐτοῖς, καθὼς ἂν ᾖ μοι καιρός, καὶ οὐκ ἐπιβουλεύσω Χερσονησίταις κατ' οὐδένα τρόπον, οὐδὲ στρατεύσω ἐπὶ Χερσόνησον, οὐδὲ ὅπλα ἐναντία θήσομαι Χερσονησίταις, οὐδὲ πράξω κατὰ Χερσονησιτῶν ὃ μέλλει βλάπτειν τὸν δῆμον τὸν Χερσονησιτῶν, ἀλλὰ συνδιαφυλάξω τὴν δημοκρατίαν κατὰ τὸ δυνατόν, ἐμμενόντων ἐν τῆι πρὸς ἐμὲ φιλίαι καὶ τὸν αὐτὸν ὅρκον ὀμοσάντων, τήν τε πρὸς Ῥωμαίους φιλίαν διαφυλασσόντων καὶ μηδὲν ἐναντίον αὐτοῖς πρασσόντων. εὐορκοῦντι μὲν εὖ εἴη, ἐπιορκοῦντι δὲ τἀναντία. Ὁ δὲ ὅρκος οὗτος συνετελέσθη ἐν τῶι ἐβδόμωι καὶ πεντηκοστῶι καὶ ἑκατοστῶι ἔτει, μηνὸς Δαισίου, καθὼς βασιλεὺς Φαρνάκ[ης] ἄγει.

Переводъ:

[. . . но будемъ содѣйствовать охранѣ его царства по мѣрѣ возможности, пока онъ остается вѣренъ дружбѣ] съ нами и соблюдаетъ дружбу [съ римлянами и ничего не предпринимаетъ] противъ нихъ. Соблюдающимъ клятву да будетъ намъ благо, преступающимъ же обратное. Клятва сія совершена мѣсяца Гераклія въ пятнадцатый (день), когда царемъ былъ Аполлодоръ, сынъ Герогита, секретаремъ Геродотъ, сынъ Геродота.—Клятва, которою поклялся царь Фарнакъ, когда явились къ нему послы Матрій и Гераклій: Клянусь Зевсомъ, Землею, Солнцемъ, всѣми богами Олимпійскими

и богинями: другомъ буду я Херсонесцамъ всегда, и если сосѣдніе варвары выступятъ походомъ на Херсонесъ или на подвластную Херсонесцамъ страну, или будутъ обижать Херсонесцевъ, и (сіи) призовутъ меня, буду помогать имъ, поскольку позволитъ мнѣ время, и не замыслю зла противъ Херсонесцевъ никоимъ образомъ, и не пойду походомъ на Херсонесъ, и не подниму оружія противъ Херсонесцевъ, и не совершу противъ Херсонесцевъ (ничего), что бы могло повредить народу Херсонесскому, но буду содѣйствовать охранѣ (его) демократіи по мѣрѣ возможности, пока они остаются вѣрными дружбѣ со мной и (если) поклянутся тою же самою клятвой, будутъ соблюдать дружбу съ Римлянами и ничего не будутъ предпринимать противъ нихъ. Соблюдающему клятву да будетъ (мнѣ) благо, нарушающему же обратное. Клятва сія совершена въ сто пятьдесятъ седьмомъ году, мѣсяца Дaсія, какъ царь Фарнакъ считаетъ.

Надпись, какъ очевидно, представляетъ текстъ договора между Херсонесцами и царемъ Фарнакомъ. Договоръ изложенъ въ формѣ двухъ клятвъ, которыми обмѣнялись договорившіяся стороны. Въ верхней части надписи, стр. 1—10, сохранился конецъ клятвы Херсонесцевъ, въ нижней, стр. 10—32, клятва царя Фарнака. Сообразно съ этимъ текстъ надписи въ верхней части составленъ на дорическомъ діалектѣ, въ нижней на обще-греческомъ.

И тотъ и другой текстъ составленъ, насколько можно судить по сохранившейся части перваго, изъ однородныхъ предложеній, почти въ тождественныхъ выраженіяхъ. Какъ царь Фарнакъ (v. 23) обѣщаетъ охранять демократическій строй Херсонеса[1]), такъ и Херсонесцы (v. 1) обязываются охранять власть царя, т. е., конечно, не въ своихъ, а въ

[1]) Не указываетъ ли это, въ связи съ предшествующимъ ὃ μέλλει βλάπτειν τὸν δῆμον τὸν Χερσονησιτῶν, вмѣсто простого τοὺς Χερσονησίτας, на стремленія Понтійскихъ владыкъ содѣйствовать установленію аристократическаго, олигархическаго правленія въ греческихъ республикахъ?

его владѣніяхъ. Однако и тѣ, и другіе ограничиваютъ это обязательство неопредѣленнымъ „по мѣрѣ возможности“[1]).

Обусловливается исполненіе обязательствъ съ обѣихъ сторонъ тѣмъ, чтобы другая договаривающаяся сторона: 1) оставалась вѣрною заключаемой дружбѣ, 2) соблюдала дружбу съ Римлянами и ничего не предпринимала враждебнаго по отношенію къ этимъ послѣднимъ. Въ клятвѣ Фарнака есть еще и третье условіе, которое стоитъ на второмъ мѣстѣ, именно, чтобы Херсонесцы дали ту же самую клятву, и выраженіе „та же самая клятва“ вполнѣ гармонируетъ съ тождественными выраженіями обѣихъ клятвъ, поскольку сохранился текстъ первой. Въ клятвѣ Херсонесцевъ это условіе, насколько можно судить по фрагментарному состоянію этой части надписи, отсутствовало. Объяснить это нужно, полагаю, такимъ образомъ, что царь Фарнакъ приносилъ клятву въ вѣрности заключаемому договору первый въ присутствіи Херсонесскихъ пословъ, упомянутыхъ въ стр. 11, и потому нужно было оговорить, что условія договора вступаютъ въ силу лишь въ томъ случаѣ, если договоръ будетъ скрѣпленъ и клятвою другой стороны. Херсонесцы клялись (конечно, въ присутствіи пословъ царя Фарнака) уже послѣ того, какъ вернулись ихъ послы отъ Фарнака, принесшіе текстъ его клятвы.

Заканчиваются обѣ клятвы пожеланіемъ себѣ благополучія въ случаѣ вѣрности клятвѣ и всякихъ бѣдъ въ случаѣ нарушенія клятвы, при этомъ только въ словахъ Фарнака (v. 28) нѣтъ мѣстоименія μοι послѣ εὐορκοῦντι μὲν, соотвѣтственно εὐορκοῦσι μὲν ἁμῖν (v. 5) въ словахъ Херсонесцевъ.

За текстомъ той и другой клятвы слѣдуетъ хронологическое указаніе времени совершенія клятвъ. Даты указаны различно, очевидно, въ обоихъ случаяхъ по мѣстному способу обозначенія года, по мѣстному календарю. Херсонесская клятва отмѣчена годомъ „царя“ Аполлодора, сына Герогита, и секретаря Геродота, сына Геродота, и 15-мъ днемъ мѣсяца Гераклія. Что „царь“ былъ въ Херсонесѣ эпонимомъ, было

[1]) Такое же ограниченіе имѣется и выше въ текстѣ клятвы Фарнака, въ словахъ καθὼς ἂν ᾖ μοι καιρός (v. 17); эти слова скорѣе всего заключаютъ въ себѣ указаніе на политическія событія, которыя могутъ служить препятствіемъ къ оказанію помощи Херсонесцамъ.

извѣстно уже давно[1]): въ извѣстной надписи въ честь Діофанта (IosPE. I, 185, vv. 55—57) годъ опредѣляется именемъ „царя“, проэсимната и секретаря; въ надписи того же года (IosPE. IV, 67) читается только часть имени „царя“. Сравнительно съ Діофантовской надписью въ нашей надписи, которая, какъ мы увидимъ, лѣтъ на 75 старше Діофантовской, недостаетъ упоминанія проэсимната.

Имя мѣсяца Гераклія въ формѣ Ἀράκλειος встрѣтилось въ одной изъ недавно найденныхъ надписей римскаго времени[2]) и, какъ замѣтилъ В. В. Латышевъ, ему нельзя было дать опредѣленное мѣсто въ херсонесскомъ календарѣ, отъ котораго кромѣ него извѣстны еще названія трехъ мѣсяцевъ, причемъ эти три тождественны съ именами мѣсяцевъ мегарскаго календаря, тогда какъ имени Гераклія въ мегарскомъ календарѣ нѣтъ. На основаніи нашей надписи можно сдѣлать попытку установить мѣсто этого мѣсяца въ календарѣ. Именно, въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ второй части надписи, послѣ клятвы Фарнака, указано, что эта послѣдняя была совершена въ мѣсяцѣ Дапсіи. Этотъ мѣсяцъ по македонскому календарю, принятому и въ Понтійскомъ царствѣ, приходится, какъ извѣстно, на май и іюнь юліанскаго календаря. Какъ мы видѣли выше, клятва Фарнака и клятва Херсонесцевъ совершены не одновременно: несомнѣнно, первая предшествовала. Но промежутокъ между ними едва-ли могъ быть великъ. Нужно полагать, что послы Херсонесцевъ, принявъ клятву съ Фарнака, тотчасъ отправились въ Херсонесъ, и здѣсь безъ особенныхъ промедленій компетентныя лица Херсонесцевъ должны были въ присутствіи уполномоченныхъ царя принести соотвѣтствующую клятву за Херсонесскій народъ. Дѣло происходило въ началѣ лѣта, и въ это время изъ Понта въ Херсонесъ можно было проплыть въ какія-нибудь двое сутокъ. Такимъ образомъ время, протекшее отъ первой клятвы до второй, вѣроятно, не превышало нѣсколькихъ дней. Клятва Херсонесцевъ совершена 15-го числа мѣсяца Гераклія, слѣдовательно и клятва Фарнака очень хорошо могла умѣститься въ началѣ еще того же херсонесскаго мѣсяца. Конечно,

[1]) См. В. В. Латышевъ, Эпиграфическія данныя о государственномъ устройствѣ Херсонеса Таврическаго въ *Ж. М. Н. Пр.* за 1884 г., іюнь, отд. кл. фил., стр. 56, и Эпиграфическіе этюды, IX, въ *Ж. М. Н. Пр.* за 1907 г., мартъ, отд. кл. фил. (= Ποντικά, стр. 321).

[2]) В. В. Латышевъ, Эпиграфическіе этюды, IX, въ *Ж. М. Н. Пр.* за 1907 г., мартъ, стр. 145 сл. (= Ποντικά, стр. 319).

нельзя утверждать, что мѣсяцы въ обоихъ календаряхъ, херсонесскомъ и понтійскомъ, начинались въ одинъ и тотъ же день; возможно, что начало херсонесскаго Гераклія падало на средину или конецъ какого-нибудь мѣсяца понтійскаго календаря. Въ надписи страннымъ образомъ не указано также, какого числа мѣсяца Даисія совершена клятва Фарнака. Во всякомъ случаѣ можно съ достаточнымъ основаніемъ предположить, что херсонесскій Гераклій соотвѣтствовалъ македонскому Даисію или, въ крайнемъ случаѣ, слѣдовавшему за Даисіемъ мѣсяцу, Панаму. Но интересно отмѣтить при этомъ, что въ дельфійскомъ календарѣ, въ которомъ тоже имѣется мѣсяцъ Гераклій, этотъ послѣдній также падаетъ на вторую половину мая и первую половину іюня, т. е. также соотвѣтствуетъ македонскому Даисію. Возможности установить такое совпаденіе нельзя, правда, придавать большого значенія потому, что между дельфійскимъ календаремъ и херсонесскимъ, насколько онъ извѣстенъ, въ названіяхъ остальныхъ мѣсяцевъ нѣтъ никакого сходства. Такимъ образомъ какъ будто трудно предположить, чтобы сходство въ названіи только одного изъ 12-ти мѣсяцевъ не было случайностью, а основывалось или на какомъ-нибудь общемъ обоимъ племенамъ религіозномъ основаніи, или на заимствованіи. Однако несходство въ названіяхъ мѣсяцевъ еще не указываетъ на то, что между двумя календарями не было ничего общаго. Сходство между ними могло быть въ общихъ праздникахъ, религіозныхъ церемоніяхъ, справлявшихся въ томъ или другомъ мѣсяцѣ, причемъ въ одномъ мѣстѣ одни изъ общихъ праздниковъ могли дать названія мѣсяцамъ, въ другомъ другіе. Такъ, напримѣръ, въ аѳинскомъ Гамеліонѣ справлялись Ленэи, давшія тому же мѣсяцу имя Ленэона на Делосѣ, и въ священномъ мѣсяцѣ (Ἱερός) на Делосѣ несомнѣнно справлялись общія Іонянамъ Анѳестеріи, по которымъ назывался этотъ мѣсяцъ въ Аѳинахъ. Такимъ образомъ есть всетаки возможность предположить связь между дельфійскимъ мѣсяцемъ Геракліемъ и Геракліемъ херсонесскаго календаря или и гераклійскаго, изъ котораго, несомнѣнно, заимствовали этотъ мѣсяцъ Херсонесцы. А можетъ быть, этотъ мѣсяцъ былъ уже и въ мегарскомъ календарѣ. Дѣло въ томъ, что изъ 12-ти мѣсяцевъ этого календаря одинъ остается неизвѣстнымъ, и это именно тотъ, который долженъ соотвѣтствовать половинамъ мая и іюня, т. е. македонскому

Даисію[1]). В. В. Латышевъ, предполагавшій первоначально для этого мѣсяца названіе Ἑρμαῖος или Δάλιος, позднѣе остановился на имени Ἀπελλαῖος, которое встрѣтилось въ одной изъ надписей Халкидона, колоніи Мегаръ[2]). Но вполнѣ возможно, что мѣсяцъ этотъ назывался Ἡράκλειος уже въ Мегарахъ, и имя это изъ календаря метрополіи перешло черезъ Гераклію въ Херсонесъ, въ Халкидонѣ же этотъ или другой мѣсяцъ календаря метрополіи получилъ названіе Ἀπελλαῖος.

Въ концѣ клятвы Фарнака время ея отмѣчено 157-мъ годомъ и мѣсяцемъ Даисіемъ, безъ указанія, какъ мы уже говорили, дня мѣсяца. При этомъ опредѣленно указано: „какъ считаетъ царь Фарнакъ". Эта приписка, конечно, должна относиться не къ обозначенію мѣсяца, а къ лѣтосчисленію. Мы стоимъ здѣсь передъ существеннѣйшимъ вопросомъ, возбуждаемымъ нашей надписью, къ какому именно времени, а слѣдовательно и къ какому царю, къ какимъ событіямъ нужно относить ее.

Хотя въ надписи и не указано, съ какимъ царемъ Фарнакомъ заключенъ договоръ, но едва-ли у кого-нибудь можетъ возникнуть сомнѣніе, по крайней мѣрѣ при теперешнемъ состояніи нашихъ знаній, что это одинъ изъ царей близкаго и могущественнаго Понта, съ которымъ во II и I вв. до Р. Хр. приходилось считаться Херсонесу. Царей съ именемъ Фарнака извѣстно намъ два: Фарнакъ I—первой половины II вѣка, приблизительно 190—169 г.г.[3]), и Фарнакъ II, сынъ знаменитаго Митридата Евпатора, владѣвшій только Боспорскимъ царствомъ съ 63 по 47 г. до Р. Хр. Но годъ, отмѣченный въ надписи, не подходитъ, если считать по извѣстной намъ понтійской эрѣ, ко времени царствованія ни того, ни другого. Понтійская эра, встрѣчающаяся на монетахъ царя Митридата Евпатора, начиная отъ 202 года и доходя до 231 года[4]), и продолжающаяся на монетахъ Боспорскаго царства, опредѣлена точно на основаніи этихъ послѣднихъ монетъ: ея начало

[1]) См. В. В. Латышевъ, О нѣкоторыхъ эолическихъ и дорическихъ календаряхъ. Спб. 1883, стр. 155 и табл. I.

[2]) В. В. Латышевъ. Эпиграфическіе этюды, V, въ *Ж. М. Н. Пр.* за 1885 г., іюнь, отд. кл. фил., стр. 19 (=Ποντικά, стр. 42, прим. 1).

[3]) Ed. Meyer, Geschichte des Königreichs Pontos. Leipz. 1879, S. 54; Th. Reinach, Trois royaumes de l'Asie Mineure. P. 1880, p. 168, 206; его-же Mithridates Eupator, нѣмецкое изд. Leipz. 1895, S. 27.

[4]) Th. Reinach, Trois royaumes, pp. 188—200; Mithr. Eup., Anhang, S. 477—8.

падаетъ на осень 297 года до Р. Хр.[1]). По этой эрѣ 157-ой годъ приходился бы на 141—140 годъ, но этотъ годъ на 78 лѣтъ предшествуетъ воцаренію Фарнака II и лѣтъ на 30 позже принятой въ настоящее время даты смерти Фарнака I. Эта послѣдняя дата (170/169 г.) основывается только на томъ фактѣ, что въ сохранившемся отрывкѣ Полибія (fr. XXVII, 15) подъ 170/169 г. помѣщена его краткая біографія, которая съ большой вѣроятностью можетъ быть признана за некрологическую замѣтку по поводу случившейся въ этомъ году смерти царя Понтійскаго. Правда, такое толкованіе только правдоподобно, но не обязательно; но во всякомъ случаѣ подъ 156-мъ годомъ у того же Полибія (fr. XXXIII, 10) упоминается уже, какъ царь Понтійскій, Митридатъ (неизвѣстно, Филопаторъ Филадельфъ, повидимому братъ Фарнака, или уже Евергетъ, сынъ Фарнака и преемникъ Митридата Филопатора Филадельфа[2]), а въ 149 году уже, несомнѣнно, царствуетъ Митридатъ Евпаторъ, союзникъ Римлянъ въ 3-ю Пуническую войну[3]), и этотъ послѣдній остается царемъ до 121/0 г. Отсюда очевидно, что годъ въ нашей надписи разсчитанъ по какой-то другой эрѣ, не той, которая была въ ходу въ Понтѣ въ царствованіе Митридата Евпатора. А такъ какъ эта послѣдняя эра существовала и нѣсколькими столѣтіями позднѣе въ царствѣ Боспорскомъ, то уже по этому самому нельзя нашу надпись относить въ царствованію Фарнака II, такъ какъ не вѣроятно, чтобы въ царствованіе Фарнака II эра Митридата Евпатора была отмѣнена, да еще замѣнена эрой съ болѣе раннимъ начальнымъ годомъ, а позднѣе эра Евпатора возстановлена. Слѣдовательно, надпись наша должна быть отнесена ко времени Фарнака I, что вполнѣ соотвѣтствуетъ и характеру буквъ и тѣмъ немногимъ историческимъ даннымъ, которыя мы имѣемъ о царствованіи этого царя Понта.

Мы попытаемся теперь связать тѣ свѣдѣнія, которыя получаемъ изъ нашей надписи, съ извѣстными уже событіями царствованія Фарнака I и такимъ образомъ получить возможность болѣе точной датировки нашей надписи. Мы вернемся тогда къ вопросу о возможномъ

[1]) Th. Reinach, Mithr. Eup. S. 477; В. В. Латышевъ во введеніи къ IosPE. II, p. XXXIII sq. и Ποντικά, стр. 94 сл.

[2]) Th. Reinach, Trois royaumes, p. 173; Mithr. Eup. S. 27.—Мы, издавая надпись изъ Инеболи (древній Ἀβώνου τεῖχος, Ἰωνόπολις), установили, что Филопаторъ Филадельфъ и Евергетъ несомнѣнно различныя личности (вѣроятно, дядя и племянникъ). *Изв. Р. Арх. Инст. въ К-полѣ* VIII, стр. 160 сл.

[3]) Appian., 'b. Mithr. X, 1.

ближайшемъ сосѣдствѣ съ царствомъ, которое при своемъ усиленіи посягало на ихъ свободу и независимость, должны были насторожиться и стать въ ряды его враговъ. Гераклеѣ во всякомъ случаѣ, а можетъ быть и Кизику, могла грозить участь Тіоса. Дѣйствовалъ ли Херсонесъ изъ солидарности съ своей метрополіей Гераклеей, или уже и въ это время царь Понта устремлялъ свои взоры и на сѣверный берегъ Чернаго моря и стремился подчинить себѣ и здѣсь греческіе города, остается неизвѣстнымъ, но врядъ-ли Херсонесъ могъ быть союзникомъ Фарнака. Зато сарматскій князь скорѣе всего дѣйствовалъ въ союзѣ съ Понтомъ и, можетъ быть, былъ выставленъ имъ противъ Херсонесцевъ для отвлеченія ихъ силъ отъ помощи сородичамъ на южномъ берегу Чернаго моря.

И вотъ намъ представляется, что нашъ договоръ какъ разъ подходитъ къ событіямъ войны 183/2—180/79 г. и, если не представляетъ изъ себя часть договора, заключеннаго между воевавшими сторонами непосредственно послѣ войны, то является договоромъ, заключеннымъ позднѣе въ развитіе условій мира 180/79 года. Это именно договоръ не о союзѣ (συμμαχία), который могъ бы имѣть мѣсто, если бы Херсонесцы участвовали въ войнѣ на сторонѣ Фарнака, а договоръ о дружбѣ, закончившій, очевидно, періодъ враждебныхъ отношеній: положительныя обѣщанія помогать при нападеніи варваровъ, охранять существующее правленіе здѣсь даются только съ оговорками: καθὼς ἂν ᾖ μοι καιρός, κατὰ τὸ δυνατόν. Зато многочисленнѣе и опредѣленнѣе обѣщанія не предпринимать враждебныхъ дѣйствій, очевидно, такъ какъ таковыхъ можно было опасаться, или подобныя дѣйствія только что происходили. Въ числѣ такихъ обѣщаній обѣщаніе не предпринимать противъ Херсонесцевъ ничего, что бы могло повредить народу Херсонесскому (τὸν δῆμον τὸν Χερσονησιτῶν), въ связи съ слѣдующей фразой (συνδιαφυλάξω τὴν δημοκρατίαν) имѣетъ въ виду отказъ отъ попытокъ произвести внутренній переворотъ въ греческой республикѣ, замѣнить существующее демократическое правленіе олигархическимъ или тиранніей, что, вѣроятно) происходило въ городахъ, подпадавшихъ подъ власть Понтійскихъ царей. И упоминаніе о Римлянахъ соотвѣтствуетъ ихъ поведенію въ войнѣ 182—179 гг. Они не названы здѣсь союзниками ни той, ни другой стороны. Это не договоръ съ Херсонесцами и ихъ союзниками Римлянами и не копія договора съ Римлянами и ихъ союзниками

Херсонесцами; то же можно сказать и по отношенію къ Фарнаку. Тождественныя упоминанія о нихъ въ обѣихъ клятвахъ лучше всего гармонируютъ съ положеніемъ ихъ какъ стороны нейтральной до заключенія мира, одинаково дружественной обѣимъ договорившимся сторонамъ послѣ заключенія мира. Это какъ будто указываетъ на то, что Римляне были посредниками, если не самаго договора, то во всякомъ случаѣ установленія дружескихъ отношеній между договаривающимися сторонами, но посредниками, воля которыхъ для обѣихъ сторонъ была закономъ, которые, заключая миръ и дружбу между враждовавшими сторонами, прежде всего требовали дружественныхъ отношеній къ себѣ, т. е., иначе говоря, признанія ихъ воли.

Итакъ, повидимому, нашъ договоръ послѣдовалъ за войной 183—179 гг., и если бы можно было представить себѣ συνθῆκαι 179-го года какъ рядъ договоровъ между каждымъ изъ воевавшихъ и царемъ Фарнакомъ, то наша надпись могла бы заключать текстъ одного изъ такихъ отдѣльныхъ договоровъ. Или же это новый договоръ, заключенный позднѣе договора 179-го года, можетъ быть, въ развитіе началъ, положенныхъ въ основу общаго мирнаго договора, можетъ быть послѣ новыхъ, намъ неизвѣстныхъ событій. Въ первомъ случаѣ 157-й годъ нашей надписи долженъ былъ бы соотвѣтствовать 180/179-му году до Р. Хр., т. е. начало эры падало бы на 336/5-ый годъ до Р. Хр. Именно, если клятву Фарнака, данную въ Дасіи, 8-мъ мѣсяцѣ 157-го года по счету Фарнака, отнести къ маю мѣсяцу 179-го года до Р. Хр., то 1-й мѣсяцъ македонскаго календаря Дій 157-го года падаетъ на октябрь и ноябрь 180-го года, а слѣдовательно начало перваго года Фарнаковской эры—на октябрь 336-го года до Р. Хр. Въ 337/6 году Діодоръ (XVI, 90) отмѣчаетъ смерть Аріобарзана, извѣстнаго персидскаго сатрапа, которому, такъ же какъ и отцу его Митридату (Diod. XV, 90, подъ 363 годомъ), даетъ титулъ царя, и говоритъ, что ему наслѣдовалъ сынъ его Митридатъ, царствовавшій затѣмъ 35 лѣтъ, т. е. до 302 года: Περὶ δὲ τοὺς αὐτοὺς καιροὺς Ἀριοβαρζάνης μὲν ἐτελεύτησε βασιλεύσας ἔτη εἴκοσι ἕξ, τὴν δὲ βασιλείαν διαδεξάμενος Μιθριδάτης ἦρξεν ἔτη τριάκοντα πέντε. Такимъ образомъ первымъ годомъ эры, существовавшей въ Понтѣ при Фарнакѣ I, могъ быть первый годъ царствованія Митридата, который теперь обыкновенно считается отцомъ Митридата Ктиста, основателя Понтійскаго царства. Но если даже нашъ договоръ

заключенъ не въ маѣ 179-го года, а позднѣе, онъ не можетъ быть позже мая 169-го года, въ которомъ, повидимому, умеръ Фарнакъ I, или во всякомъ случаѣ не позже мая 156-го года, въ которомъ царь Понта носитъ уже имя не Фарнака, а Митридата. И соотвѣтственно этому начало понтійской эры, употребленной въ нашей надписи, не можетъ быть позднѣе въ первомъ случаѣ октября 326 года, во второмъ—октября 313 года, причемъ первое во всякомъ случаѣ вѣроятнѣе.

Какое же событіе могло лечь въ основаніе такой эры? И 336-ой годъ, и даже 326-ой и 313-ый лежатъ, какъ обыкновенно полагаютъ, за предѣлами времени существованія Понтійскаго царства, начальнымъ годомъ котораго считается въ настоящее время опредѣленно 302/1 г. до Р. Хр. Подъ этимъ годомъ Діодоръ (XX, 111,4), разсказываетъ, что Митридатъ, бывшій подъ властью Антигона и возбудившій подозрѣніе, что переходитъ на сторону Кассандра, былъ убитъ въ Кіосѣ, городѣ Мизіи (на Мраморномъ морѣ), послѣ того какъ правилъ имъ и Арриной (?) [1]) въ теченіе 35 лѣтъ [2]); унаслѣдовавшій же его власть сынъ его Митридатъ присоединилъ къ себѣ многихъ и правилъ Каппадокіей и Пафлагоніей въ теченіе 36 лѣтъ (Μιθριδάτης ὑπήκοος ὢν Ἀντιγόνῳ καὶ δόξας ἀφίστασθαι πρὸς τοὺς περὶ Κάσσανδρον ἀνῃρέθη περὶ Κίον τῆς Μυσίας, ἄρξας αὐτῆς καὶ Ἀρρίνης (?) ἔτη τριάκοντα πέντε· τὴν δὲ δυναστείαν διαδεξάμενος Μιθριδάτης ὁ υἱὸς αὐτοῦ πολλοὺς προσεκτήσατο· τῆς δὲ Καππαδοκίας καὶ Παφλαγονίας ἦρξεν ἔτη τριάκοντα ἕξ).

О томъ же событіи, повидимому, разсказываетъ подробнѣе Плутархъ въ біографіи Димитрія Поліоркета (с. 4) и короче Аппіанъ въ описаніи Митридатовской войны (b. Mithr., IX). У обоихъ говорится, что Антигонъ, на основаніи сновидѣнія заподозривъ Митридата, рѣшилъ отдѣлаться отъ него, но Митридатъ бѣжалъ и, укрѣпившись въ Каппадокіи, основалъ здѣсь большое царство. При этомъ Аппіанъ называетъ Митридата человѣкомъ изъ персидскаго царскаго рода, находившимся при Антигонѣ (Μιθριδάτης αὐτῷ (i. e. Ἀντιγόνῳ) συνῆν, ἀνὴρ γένους βασιλείου Περσικοῦ), Плутархъ же называетъ его сыномъ Аріобарзана, сверстникомъ и пріятелемъ Димитрія Поліоркета (Μιθριδάτης ὁ Ἀριοβαρζάνου παῖς ἑταῖρος ἦν

[1]) Въ рукописяхъ καὶ Ἀρρίνης, по исправленію Диндорфа Καρίνης (другой городъ Мизіи).

[3]) Съ этимъ совпадаетъ указаніе Діодора же XVI, 90, подъ 337 годомъ, гдѣ онъ, говоря о смерти Аріобарзана, замѣчаетъ: τὴν δὲ βασιλείαν διαδεξάμενος Μιθριδάτης ἦρξεν ἔτη τριάκοντα πέντε.

αὐτοῦ καθ'ἡλικίαν καὶ συνήθης, ἐθεράπευε δὲ 'Αντίγονον), и спасеніе его приписываетъ благородству Димитрія. Наконецъ, Лукіанъ (Μακροβ. 13) разсказываетъ о томъ же, повидимому, Митридатѣ со словъ историка Іеронима, что онъ умеръ, убѣгая отъ Антигона, въ Понтѣ, проживъ 84 года. Лукіанъ называетъ этого Митридата Основателемъ (Μιθριδάτης ὁ Πόντου βασιλεὺς ὁ προσαγορευθεὶς κτίστης). А Страбонъ о Митридатѣ Ктистѣ говоритъ, что онъ, укрѣпившись въ Киміатахъ у подошвы Олгассія, сдѣлался владыкой Понта [1]). Сообщенія Плутарха, Аппіана, Лукіана и Страбона исходятъ явно изъ одного и того же источника, т. е. Іеронима, названнаго у Лукіана (а у Аппіана цитированнаго въ предшествующей главѣ): на это указываютъ тождественныя выраженія и одинаковое упоминаніе у Плутарха, Аппіана и Страбона, непосредственно вслѣдъ за разсказомъ, о преемникахъ этого перваго Митридата вплоть до Евпатора. Но у каждаго изъ четырехъ авторовъ разсказано иначе, и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ имѣются даже явныя противорѣчія между ними: по Плутарху, Митридатъ этотъ былъ сверстникомъ Димитрія, сына Антигона, между тѣмъ какъ по Лукіану ему было въ это же время 84 года, что согласно съ другою подробностью у Плутарха, называющаго этого Митридата сыномъ Аріобарзана, и съ сообщеніемъ Діодора, что Митридатъ, сынъ Аріобарзана, правилъ 35 лѣтъ и умеръ въ 302 году. Далѣе, по Лукіану, этотъ Митридатъ умеръ, убѣгая отъ Антигона, въ Понтѣ; по словамъ другихъ, онъ, бѣжавъ въ Понтъ, основалъ здѣсь сильное царство. Эти противорѣчія Эд. Мейеръ разрѣшилъ въ томъ смыслѣ, что разсказанная исторія спасенія Митридата отъ смерти его пріятелемъ Димитріемъ Поліоркетомъ касается не Митридата, сына Аріобарзана, а сына этого Митридата, внука Аріобарзана, который и долженъ считаться основателемъ Понтійскаго царства, Митридатомъ Ктистомъ. Но тогда не только напутали Плутархъ, назвавшій Митридата сыномъ Аріобарзана, а не внукомъ, и Лукіанъ, назвавшій Ктистомъ Митридата отца, тогда какъ это прозвище принадлежитъ сыну,—но и Аппіанъ и Плутархъ страннымъ образомъ не упомянули о томъ, что Антигонъ замышлялъ убить обоихъ Митридатовъ, и отца и сына, и что первый былъ убитъ, а второму удалось спастись. Выходитъ, что и Плутархъ, и Аппіанъ, и Лукіанъ, различнымъ образомъ сообщающіе

[1]) Strab. XII, 3, 41: Κιμιστηνή, ἐν ᾗ τὰ Κιμίατα φρούριον . . ., ᾧ χρησάμενος ὁρμητηρίῳ Μιθριδάτης, ὁ Κτίστης προσαγορευθείς, κατέστη τοῦ Πόντου κύριος.

объ одномъ и томъ же событіи, всѣ трое сдѣлали одну и ту же ошибку, соединивъ въ одно лицо отца и сына, причемъ одинъ приписалъ сыну то, что говорилось въ источникахъ объ отцѣ, другой приписалъ отцу то, что говорилось о сынѣ. Рѣшеніе вопроса о Митридатѣ Ктистѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ объ основаніи Понтійскаго царства, предложенное Эд. Мейеромъ, повторено вкратцѣ Рейнакомъ въ „Trois royaumes" (p. 160 sq.), и его можно считать принятымъ въ настоящее время въ наукѣ; оно устранило господствовавшій прежде взглядъ, что Митридатомъ Ктистомъ былъ именно сынъ Аріобарзана, отецъ Митридата, котораго Мейеръ считаетъ основателемъ Понтійскаго царства [1]). Но безспорнымъ и несомнѣннымъ рѣшеніе Эд. Мейера назвать нельзя никоимъ образомъ: указанныя имъ противорѣчія въ источникахъ могутъ быть объяснены и инымъ образомъ и, пожалуй, проще. Вмѣсто того, чтобы предполагать ошибку въ пересказѣ разсказа Іеронима у трехъ авторовъ, не проще ли признать, что напуталъ одинъ Плутархъ? Сообщенія Аппіана, Лукіана, Страбона вполнѣ, Плутарха отчасти даютъ возможность безъ всякихъ натяжекъ возстановить разсказъ Іеронима въ такомъ видѣ. Митридатъ, сынъ Аріобарзана, изъ персидскаго царскаго рода, будучи уже престарѣлымъ, находится при Антигонѣ. Сновидѣніе вызываетъ въ Антигонѣ подозрѣніе противъ Митридата, онъ велитъ схватить и убить его, но Митридату удается бѣжать и, укрѣпившись на склонахъ Олгасія въ Киміатахъ, собрать подъ своею властью окрестное населеніе и въ короткое время положить основаніе значительному государству, вслѣдствіе чего онъ и получилъ прозвище Ктиста. Вскорѣ, однако, въ 302/1 г., онъ былъ убитъ 84 лѣтъ отъ роду, и ему наслѣдовалъ сынъ его Митридатъ (II-ой); что Митридатъ былъ спасенъ Димитріемъ Поліоркетомъ, сообщаетъ одинъ Плутархъ, но возможно, что и эта подробность взята изъ Іеронима. Только сообщеніе, что Митридатъ этотъ былъ сверстникомъ Димитрія, является явною несообразностью. Или это выдумка Плутарха (или посредствующаго источника), или же въ источникѣ разсказа объ участіи въ этомъ дѣлѣ Димитрія сообщалось, что Митридату-отцу (а вмѣстѣ съ нимъ, можетъ быть, и сыну) удалось бѣжать, благодаря дружбѣ его сына съ Димитріемъ.

[1]) Ed. Meyer, l. c., p. 35: «Man hält *gewöhnlich* schon seinen Vater für den Ktistes: er habe sich um 315 der pontischen Landschaften (aufs neue) bemächtigt, daneben auch Kios regiert und sei 302 ermordet worden».

Остается привести въ согласіе разсказъ Іеронима съ сообщеніемъ Діодора, чтъ Митридатъ былъ убитъ *περὶ Κίον τῆς Μυσίας*, проправивъ ею и какой-то Арриной 35 лѣтъ, между тѣмъ какъ у Лукіана говорится, что онъ умеръ *φεύγων Ἀντίγονον ἐπὶ Πόντου*. Во-первыхъ, нѣтъ никакихъ признаковъ того, чтобы и это извѣстіе Діодора заимствовано было изъ Іеронима, какъ полагаетъ Мейеръ, и потому возможно предположить разногласіе въ источникахъ Діодора и у Іеронима; возможно попытаться согласовать оба извѣстія, говоря, что, кромѣ вновь пріобрѣтенныхъ владѣній въ Понтѣ, Митридатъ сохранилъ власть и въ своихъ родовыхъ владѣніяхъ въ Мизіи, которыя были внѣ досягаемости Антигона, и тогда трудно сказать, кто изъ двухъ авторовъ въ краткой замѣткѣ о смерти его сдѣлалъ ошибку относительно мѣста смерти. Но явная ошибка въ рукописяхъ Діодора (*καὶ ἀρρίνης*) наводитъ на мысль, нѣтъ ли здѣсь болѣе крупной порчи текста, не вышло ли, напримѣръ, *περὶ Κίον τῆς Μυσίας* изъ *περὶ Κιμίατα* и *αὐτῆς καὶ ἀρρίνης* изъ *τῆς Κινιστηνῆς* (имя области, въ которой находилась, по Страбону, крѣпость Кимiата). Во всякомъ случаѣ, разногласіе между Діодоромъ и Іеронимомъ не такъ уже существенно и неустранимо. Разсказъ же Іеронима требуетъ, въ возстановляемой нами версіи, считать Ктистомъ, основателемъ Понтійскаго царства, Митридата-отца. А если мы признаемъ этого Митридата первымъ царемъ Понта, то становится, наконецъ, яснымъ и другое извѣстіе, почерпаемое, несомнѣнно, изъ того же Іеронима, именно, что, начиная съ Митридата Ктиста до Митридата Евпатора (включительно), въ Понтѣ было по IX гл. Аппіана 6 Митридатовъ, а по Плутарху и другому мѣсту Аппіана [1])—8 царей. Такъ какъ намъ были извѣстны, кромѣ считаемаго послѣ Мейера за Ктиста, еще только три царя Понтійскихъ Митридата, а помимо нихъ одинъ Аріобарзанъ и одинъ Фарнакъ, то Рейнакъ настойчиво проводилъ ту мысль, что мѣсто Аппіана въ IX гл. (*οἱ δ' ἦρχον ἕτερος παρ' ἕτερον, ἕως ἐπὶ τὸν ἕκτον ἀπὸ τοῦ πρώτου Μιθριδάτην, ὅς Ῥωμαίοις ἐπολέμησεν*) нужно понимать въ томъ смыслѣ, что Митридатъ Евпаторъ былъ шестымъ царемъ Понта, а не шестымъ Митридатомъ, какъ понимали до него, и считалъ, что второе мѣсто Аппіана и мѣсто Плутарха, гдѣ говорится объ Евпаторѣ, какъ о восьмомъ царѣ, начиная отъ Ктиста, не заслуживаютъ

[1]) App. cap. CXII: Καὶ ὁ Μιθριδάτης ἀπέθνησκεν, ἑκκαιδέκατος ὢν ἐκ Δαρείου τοῦ Ὑστάσπου Περσῶν βασιλέως, ὄγδοος δ' ἀπὸ Μιθριδάτου, τοῦ Μακεδόνων ἀποστάντος καὶ κτησαμένου τὴν Ποντικὴν ἀρχήν (т. е. τοῦ Κτίστου).

довѣрія. И неизвѣстнаго раньше Митридата Филопатора Филадельфа имя котораго сообщили намъ одна монета и одна надпись, Рейнакъ предложилъ считать тождественнымъ съ Митридатомъ Евпаторомъ. Издавая надпись изъ Инеболи, въ которой называется Митридатъ Евергетъ, мы высказались [1]) въ томъ смыслѣ, что Филопаторъ Филадельфъ и Евергетъ не могутъ быть однимъ лицомъ, и что, слѣдовательно, указанный текстъ Аппіана нужно понимать въ томъ смыслѣ, что включая Евпатора и Ктиста, въ Понтѣ было 6 царей, носившихъ имя Митридата, а всего, согласно двумъ другимъ текстамъ, восемь царей. И Рейнаку пришлось признать правильнымъ такое заключеніе [2]). Мы высказали тогда надежду, что послѣ того, какъ объявился одинъ изъ остававшихся намъ неизвѣстными Митридатовъ, найдется и второй. Теперь мы можемъ съ увѣренностью сказать, что и этотъ послѣдній нашелся: это настоящій Митридатъ I Ктистъ, отецъ того, котораго Мейеръ и Рейнакъ предлагали намъ считать за Ктиста. Такимъ образомъ списокъ царей Понтійскихъ окончательно устанавливается въ такомъ видѣ: Митридатъ I Ктистъ, его сынъ Митридатъ II, его сынъ Аріобарзанъ, сынъ Аріобарзана Митридатъ III, его сынъ Фарнакъ I, братъ (?) Фарнака Митридатъ IV Филопаторъ Филадельфъ, сынъ Фарнака Митридатъ V Евергетъ и сынъ Евергета Митридатъ VI Евпаторъ.

Теперь становится яснымъ, какимъ образомъ начало эры нашей надписи падаетъ на годъ, значительно предшествующій 302-му году, т. е., какъ мы установили выше, между 336-мъ и 312-мъ или, скорѣе, 325-мъ годомъ, т. е., во всякомъ случаѣ, на время правленія Митридата, котораго мы считаемъ Ктистомъ. Начальнымъ годомъ эры могъ бы быть признанъ или годъ появленія Митридата въ Понтѣ послѣ бѣгства отъ Антигона, или годъ смерти его отца, послѣ котораго онъ, по Діодору, принялъ власть неизвѣстно гдѣ, пусть въ Кіосѣ. Первое затруднительно: пришлось бы отодвигать 157-ой годъ эры и вмѣстѣ съ тѣмъ правленіе Фарнака значительно позже 170/169 года до Р. Хр., что безъ особенной нужды едва ли желательно. Второе предположеніе приводитъ для нашего договора къ опредѣленному году, именно 179-му до Р. Хр., что, какъ мы видѣли, вполнѣ возможно. Итакъ, октябрь 336-го года—таково, повидимому, наиболѣе вѣроятное рѣшеніе вопроса

[1]) *Извѣстія Русск. Арх. Инст. въ К-полѣ*, VIII, стр. 160—2.

[2]) При переизданіи надписи изъ 'Αβώνου τεῖχος въ *Numismatic chronicle* 4 ser vol. V, 1905 (стр. 6 отд. отт.).

о начальномъ пунктѣ эры, отъ котораго, по нашей надписи, считалъ годы царь Фарнакъ.

Эта эра времени Фарнака при его внукѣ Митридатѣ VI Евпаторѣ оказывается замѣненною иной эрой, съ начальнымъ годомъ 297 до Р. Хр. Теперь возникаетъ вопросъ, по которой изъ двухъ эръ разсчитанъ годъ, до сихъ поръ бывшій единственнымъ, насколько намъ извѣстно до времени Митридата Евпатора, отмѣченный въ Инеболійской надписи времени Митридата Евергета, сына Фарнака и отца Евпатора. Тамъ названъ 161-й годъ. Если предположить, что позднѣйшая понтійская эра введена только Евпаторомъ, какъ полагалъ Рейнакъ, и слѣдовательно 161-й годъ Инеболійской надписи разсчитанъ по первоначальной (Фарнаковской) эрѣ, то эту надпись пришлось бы считать всего на 4 года старше нашей. При этомъ пришлось бы въ этотъ промежутокъ помѣстить и царствованіе Митридата Филопатора Филадельфа, что, конечно, возможно; зато затруднительно было бы сохранить, какъ начало эры, дату 336 года до Р. Хр., такъ какъ пришлось бы отнести уже къ царствованію Митридата Евергета 176/5 годъ до Р. Хр., что едва-ли возможно. Можно, конечно, передвинуть начало Фарнаковской эры и на болѣе поздній срокъ, предположивъ связь съ какими-нибудь событіями, происходившими при разгромѣ Персидскаго царства Александромъ Македонскимъ послѣ битвы при Гавгамелѣ осенью 330 года, но не раньше конца 329 года, такъ чтобы 161-й годъ приходился не ранѣе 169/8 года, т. е., по крайней мѣрѣ, на годъ спустя послѣ предполагаемаго года смерти Фарнака. Мы видимъ, что казавшееся довольно прочнымъ пріуроченіе начала фарнаковской эры къ опредѣленному 336-му году опять сильно колеблется при предположеніи, что 161-й годъ Инеболійской надписи разсчитанъ по той же эрѣ. Можно предположить, что уже при Евергетѣ старая эра была замѣнена новой, тождественной съ вифинской, но объяснить для времени Евергета введеніе этой эры теперь труднѣе, чѣмъ тогда, когда мы могли предполагать, что это единственная и исконная понтійская эра [1]).

Какъ бы тамъ ни было, наша надпись не только даетъ интересный фактъ изъ исторіи отношеній Херсонеса къ Понтійскому царству и къ Риму во время Фарнака I, но возбуждаетъ вопросъ и относительно начала Понтійскаго царства.

[1]) См. *Изв. Р. Арх. Инст. въ К-полѣ VIII*, стр. 159.

2. Мраморная плита небольшихъ размѣровъ, слегка суживающаяся кверху, украшенная простымъ карнизомъ съ низкимъ акротеріемъ посрединѣ. Нижняя часть отломана. Размѣры (не считая карниза): ширина наверху 0,23 м.; внизу (по 18-й строкѣ) приблизительно 0,26 м.; сохранившаяся высота 0,28 м. (съ карнизомъ 0,317 м.), толщина 0,07—0,08 м. Плита сзади совершенно неровная, края обдѣланы грубой зубаткой и только на $1^1/_4$ см. вдоль передней стороны сглажены. Буквы врѣзаны тщательно; въ общемъ письмо очень схоже съ письмомъ предшествующей надписи, но нѣкоторыя буквы (А, Σ, М, Ω, Φ, Θ) имѣютъ болѣе позднюю форму, чѣмъ въ ней [1]). Сохранившаяся часть прекрасно читается.

Найдена 28 ноября 1908 г. въ раскопкахъ сѣверо-восточной части городища, почти на скалѣ, недалеко отъ вымостки передъ сѣверо-восточной базиликой. Инвентарный № 4861/08. См. снимокъ съ фотографіи на табл. I.

Читаемъ и дополняемъ такъ:

Νομοφύλακες Εὐκράτης Πρυτάνιος,
Πλειστῶναξ Διονυσίου, Ἀπολλώνιος
Παρθενοκλεῖος καὶ ὁ ἐπὶ τᾶς διοικήσεος
Ἀπολλόδωρος Ἡρογείτου εἶπαν· ἐπειδὴ
Μηνόφιλος Μηνοφίλου Σινωπεὺς ἀνὴρ
ἀγαθὸς καὶ φιλότιμός ἐστι ποτὶ τὸν δᾶ-
μον τὸν Χερσονασιτᾶν, διὰ παντὸς γν[α-]
σίως ἑατὸν ἐπιδιδούς, καὶ κοινῆ καὶ κατ' ἰδίαν
τοῖς ἐντυγχάνουσι τῶν πολιτῶν εὔνουν
ἑαυτὸν καὶ ἐκτενῆ παρέχεται, πειρώμενος
διὰ παντὸς ἀγαθοῦ τινος παραίτιος γίνεσ-
θαι, τάν τε παρεπιδαμίαν εὐσχάμονα καὶ συμ-
[φέ]ρουσαν τῶι δάμωι πεποίηται, σπου-
[δᾶς] καὶ φιλοτιμίας οὐδὲν ἐνλείπων, ἐπαγ-
[γέλλεται δ]ὲ καὶ εἰς τὸ λοιπὸν ἀγαθοῦ τινο[ς
εἶναι παραί]τιος, ὅπως οὖν καὶ ὁ δᾶμος
[φαίνηται ἄξιο]ς τῶν ἀνδρῶν εἰς τὸ βέλτιον
[συντελούντων, δε]δόχθ[αι]· τᾶι βουλᾶ καὶ τῶ
[δάμωι . . . . .

[1]) Подобныя буквы А, Σ, Θ, Ω, но болѣе небрежно вырѣзанныя, на надписи *Изв. И. Арх. Комм.* в. 14, стр. 101, которую намъ придется цитировать ниже.

Переводъ:

Номофилаки Евкратъ сынъ Пританія, Плистонактъ сынъ Діонисія, Аполлоній сынъ Парѳенокла и стоящій во главѣ управленія Аполлодоръ сынъ Герогита предложили: Такъ какъ Менофилъ сынъ Менофила Синопеецъ—мужъ добрый и великодушный къ народу Херсонесскому, всегда благородно предоставляющій себя въ распоряженіе, и вообще и въ частности имѣющимъ съ нимъ дѣло гражданамъ выказываетъ себя благорасположеннымъ и готовымъ къ услугамъ, стараясь всегда явиться виновникомъ какого-нибудь блага, и свое пребываніе (въ Херсонесѣ) благоприличнымъ и полезнымъ для народа сдѣлалъ, ни въ чемъ не проявляя недостатка въ рвеніи и щедрости, обѣ[щаетъ] же и впредь какого-нибудь блага [быть виновни]комъ,—итакъ, дабы и народъ [явился достойнымъ] мужей, достиженію большаго блага [содѣйствующихъ], пусть рѣшитъ совѣтъ [и народъ. . . .]

Въ отношеніи орѳографіи слѣдуетъ отмѣтить форму ἑατόν (v. 8), но рядомъ съ нею и ἑαυτόν (v. 10), и отсутствіе iota subscriptum въ κοινῆ (v. 8), βουλᾶ, τῶ (v. 18) рядомъ съ τᾷ (v. 18), τῷ δάμῳ (v. 13).

Надпись представляетъ почетный декретъ въ честь Синопейца Менофила, сына Менофила. Предложеніе вносятъ коллегія номофилаковъ и „стоящій во главѣ управленія“ (ὁ ἐπὶ τᾶς διοικήσεος). Такъ же точно ὁ ἐπὶ τᾶς διοικήσεος и номофилаки (на этотъ разъ ὁ ἐπὶ τᾶς διοικήσεος названъ впереди) вносятъ предложеніе въ надписи, изданной В. В. Латышевымъ въ *Извѣстіяхъ И. А. К.,* в. 18 (1906 г.), стр. 114; титулъ однихъ номофилаковъ читается въ надписяхъ *Изв. И. А. К.*, в. 3, стр. 1 сл., и в. 14, стр. 101 сл. Число членовъ этой коллегіи до сихъ поръ не было выяснено. Въ нашей надписи ихъ трое. И это число предполагалъ В. В. Латышевъ съ самаго начала, ссылаясь на примѣръ другой Мегарской колоніи—Халкидона (C. I. Gr. 3794) [1]); но въ то же время В. В. Латышеву представлялось болѣе правдоподобнымъ возстановить въ издаваемой имъ надписи 5 именъ номофилаковъ. Въ

[1]) *Изв. И. А. К.* вып. 3 (1902), стр. 21; ср. *Ж. М. Н. Пр.* 1884 г., Іюнь, отд. кл. ф., стр. 70.

надписи *Изв.* вып. 14, стр. 102, В. В. Латышевъ предполагалъ даже шесть номофилаковъ, въ надписи же *Изв.* вып. 18, стр. 114, опять было названо, повидимому, только трое. Кажется, это число нужно признать постояннымъ въ этой коллегіи. Въ тѣхъ двухъ надписяхъ, гдѣ число ихъ казалось больше, мы вмѣсто лишнихъ номофилаковъ можемъ теперь возстановить имя магистрата, носившаго названіе ὁ ἐπὶ τᾶς διοικήσεος. Такъ, начало надписи *Изв.* в. 3, стр. 21, можетъ читаться такъ:

Νομοφύλακες Ἡρακλ[είδας τοῦ δεῖνος, ὁ δεῖνα — — —]
δώρου, Ἀλκίνους Ἡρακ[λείδα καὶ ὁ ἐπὶ τᾶς διοικήσεος -δω-]
ρος Ἡρακ(λ)είδα εἶπαν· κτλ.

Получаются строки (2-ая) въ 47—50 буквъ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ предположенію В. В. Латышева о длинѣ строкъ и даетъ возможность предположить пропавшими въ первой строкѣ имя отца перваго номофилака, затѣмъ имя и часть отчества второго.

Въ надписи *Изв.* в. 14, стр. 101, повидимому, еще читается въ концѣ 2-й строки начало названія должности возстановляемаго магистрата. В. В. Латышевъ предположилъ здѣсь съ знакомъ вопроса имя Κάιο[ς], которое въ доримское время не извѣстно, и конечно высказалъ такое предположеніе только потому, что соединеніе номофилаковъ съ ὁ ἐπὶ τᾶς διοικήσεος въ то время еще не было извѣстно. На камнѣ послѣ ΚΑΙΟ еще можно различить слѣдъ буквы Ε. Имя, стоящее въ 4-ой строкѣ, будетъ тогда уже именемъ чествуемаго лица. Но для недостающихъ именъ номофилаковъ остается немного мѣста. Мы читаемъ такъ:

[Ἀγαθᾶι τύχ]αι. Νομοφύλακες Λάμαχ[ος. .
. . . . Ἀ]πολλώνιος Ζήθου καὶ ὁ ἐ[πὶ
τᾶς διοικήσεος] Ἀθαναῖος Στράτω[νος εἶπαν·
ἐπειδὴ Παρμέ(?)]νων Τιμοθέου. . . . .
-ασιν εὐσ-
-οφα-

Правый край камня сохранился, но послѣднія буквы отчасти сбиты, отчасти стерты; можно, однако, точно опредѣлить недостающее разстояніе. Съ правой стороны въ 1-ой строкѣ не хватаетъ 3-хъ или, можетъ быть, 4-хъ буквъ. Лѣвый край можно довольно точно опредѣ-

лить по наклону акротерія и по опредѣляемой акротеріемъ же срединѣ камня. Во 2-ой строкѣ съ лѣвой стороны мѣсто для 11-ти буквъ, не считая перваго П, въ крайнемъ случаѣ для 12-ти; въ 1-ой строкѣ надъ тѣмъ же пространствомъ умѣщалось, правда, только 9 буквъ, но возможно, что слова [Ἀγαθᾶι τύχ]αι написаны были нѣсколько разгонистѣе или съ небольшимъ отступленіемъ отъ лѣваго края; въ слѣдующихъ строкахъ по нашему возстановленію на то же мѣсто придется по 10 буквъ. Такимъ образомъ, отдѣливъ въ 1—2 строкахъ для Λάμαχ[ος и [Ἀ]πολλώνιος 3 буквы, получимъ 11—13 буквъ. Предполагая, что изъ такого числа буквъ были составлены два имени въ родительномъ падежѣ и одно въ именительномъ, мы должны, правда, допустить, что всѣ три имени были изъ числа значительно менѣе употребительныхъ краткихъ именъ: можно указать на такія, какъ Ἴων, Λέων, Νικίας или имена Херсонесцевъ III—II вв. Ἴκας (IosPE. IV, 80, A 12), Βίων Σιμία, genitivi Σκύθα, Ῥινία (IosPE. IV, 83), Ζῆθος нашей надписи. Можетъ быть, двое изъ нихъ были братьями и имя отца было поставлено только одинъ разъ, какъ, напримѣръ, и въ цитированной выше надписи *Изв.* в. 3, стр. 21, мы имѣемъ, можетъ быть, трехъ родственниковъ среди магистратовъ: Гераклида и двухъ сыновей Гераклида, что при вѣроятной немногочисленности правящаго класса въ Херсонесѣ во время, соотвѣтствующее нашей надписи, едва-ли могло бы удивить. Отмѣтимъ кстати, что въ 4-ой строкѣ по числу буквъ можно предположить имя [Παρμέ]νων, а въ 5-ой строкѣ сохранившіяся буквы не допускаютъ предложеннаго В. В. Латышевымъ возстановленія [ἐπα]ινέσ[αι][1]; повидимому, здѣсь было что-нибудь въ родѣ [- - λόγοις τε καὶ πράγμ]ασιν εὐσ[εβής - -].

Возвращаясь къ нашей надписи, отмѣтимъ, что имя и отчество τοῦ ἐπὶ τᾶς διοικήσεος тождественны съ именемъ и отчествомъ архонта-царя предшествующей надписи. Но такъ какъ по формѣ нѣкоторыхъ буквъ надпись въ честь Менофила, повидимому, нужно считать значительно болѣе позднею, чѣмъ договоръ съ Фарнакомъ, то, можетъ быть, мы имѣемъ здѣсь внука архонта-царя, названнаго въ договорѣ съ Фарнакомъ, и тогда будемъ относить ее къ концу II-го вѣка до Р. Хр.

[1] [Неточность нашего чтенія объясняется тѣмъ, что на полученномъ нами не вполнѣ удачномъ фотографическомъ снимкѣ послѣднія двѣ строки читались очень неясно. В. Латышевъ].

Другое имя нашей надписи Πρότανις встрѣчается въ надписи о продажѣ или, скорѣе, арендѣ земель IosPE. IV, 8, относящейся къ концу III-го или началу II в. до Р. Хр.

Часть декрета, заключающая изложеніе поводовъ почетнаго постановленія въ честь Синопейца Менофила, составлена въ болѣе или менѣе стереотипныхъ выраженіяхъ и не даетъ поводовъ къ какимъ-нибудь комментаріямъ.

3. Фрагментъ надписи на мраморной плитѣ, расколовшійся поперекъ на двѣ части: высота обѣихъ вмѣстѣ 0,242 м., ширина 0,182 м., толщина 0,07—0,09 м.; съ правой стороны въ одномъ мѣстѣ сохранилась частица праваго края. Найденъ въ нижнемъ слоѣ насыпи въ сѣверо-восточной части городища; инвентарный № 4071/08. Ближайшее ознакомленіе съ содержаніемъ надписи подало мысль, что нашъ фрагментъ составляетъ часть надписи IosPE. I, 184 (cf. v. IV, Add. et corr., p. 277), сохраняющейся въ музеѣ Херсонесскаго монастыря. При сопоставленіи обоихъ фрагментовъ оказалось, что новый фрагментъ подходитъ къ изданному снизу съ правой стороны и, хотя края обоихъ камней повреждены, всетаки, повидимому, можно сопоставить ихъ такъ, что первая строка новаго фрагмента окажется непосредственно слѣдующею за послѣдней строкой изданнаго фрагмента. Составленные фрагменты имѣютъ выш. съ фронтономъ 0,495 м., безъ фронтона 0,37 м., шир. наверху (подъ карнизомъ) 0,257 м., по 20-ой строкѣ приблизительно 0,288 м., толщ. 0,055—0,062 м. Задняя сторона плиты грубо обдѣлана, боковые края не сглажены. Величина буквъ 0,007—0,009 м. Для возстановленія важно замѣтить, что лѣвый край наверху сохранился, хотя съ отбитой верхней поверхностью; также и на правой сторонѣ отбитъ верхній край и съ нимъ въ верхнихъ строкахъ по одной буквѣ; плита книзу замѣтно расширяется.

Новый обломокъ даетъ возможность полнѣе возстановить и изданную часть, такъ что вся надпись возстановляется почти цѣликомъ. Помѣщаемъ оба фрагмента вмѣстѣ по фотографическому снимку на табл. I. Изданный раньше сохранился плохо, поверхность его крошится и, повидимому, теперь въ худшемъ состояніи, чѣмъ была тогда, когда видѣлъ

камень В. В. Латышевъ: совсѣмъ нельзя уже различить нѣсколько буквъ изъ числа различавшихся раньше.

[Ἡρακλ]είδας Παρμένοντος εἶπ[ε·
ἐπειδὴ] Σύρισκος Ἡρακλείδα τὰ[ς
ἐπιφαν]είας τᾶς Πα[ρ]θένου φιλ[ο-
πόνως συγ]γράψας ἀ[νέ]γνω καὶ τ[ὰ
ποτὶ τ]οὺς Βοσ[π]όρου [β]ασιλεῖ[ς
διηγήσα]το, τά [θ' ὑ]πάρξαντα φ[ι-
λάνθρωπα ποτὶ τὰ]ς πόλεις ἱστ[ό-
ρησεν ἐπιεικ]έως τῶι δάμω[ι,
ἵνα λάβοι τιμὰ]ς ἀξίας, δεδόχθ[αι
τᾶι βουλᾶι καὶ τῶι δάμωι ἐ]παινέσα[ι
Σύρισκον Ἡρακλείδα καὶ στε]φαν[ῶ-
σαι τοὺς συμμνάμ]ονας [χρυσέωι στε-
φάνωι τῶν Διονυσ]ίων μιᾶι ἐφ' ἱκ[άδι
καὶ τὸ ἀνάγγ]ελμα γενέσθαι· ὁ δ[ᾶ-
μος στεφα]νοῖ Σύρισκον Ἡρακλε-
[ίδα, ὅτι τὰ]ς ἐπιφανείας τᾶς Πα[ρ-
θένου ἔγρα]ψε καὶ τὰ ποτὶ τὰς [πό-
λεις καὶ τοὺς] βασιλεῖς ὑπάρξ[αν-
τα φιλάνθρωπα] ἱστόρησε ἀλαθιν[ῶς
καὶ ἐπιεικέως] τᾶι πόλει· ἀνα[γρά-
ψαι τοὺς συμμ]νάμονας εἰ(ς) στ[άλαν
λιθίναν τὸ ψ]άφισμα καὶ θέμε[ν αὐ-
τὰν ποτὶ τοῦ] ναοῦ τᾶς Παρθέ[νου, τὸ
δὲ σύμπαν(?) ἀνά]λωμα δόμ[εν κατὰ τὰ
δόξαντα(?) τὸν τα]μίαν τῶν [ἱερῶν. Ταῦτ'
ἔδοξε βουλᾶι κ]αὶ δάμ[ωι μηνὸς . . .
. . . . δ]εκά[ται . . . . .]

V. 4: В. В. Латышевъ въ текстѣ даетъ ΚΑΙΓ, въ v. IV, Add. et corr. ΚΑΓΚ; намъ кажется несомнѣннымъ ΚΑΙΤ; v. 7: В. В. Латышевъ даетъ въ текстѣ ⁝ΙΣΤ, въ v. IV, Add. et corr. Η⁝ΣΤ.

Переводъ:

Гераклидъ, сынъ Парменонта, предложилъ: Такъ какъ Сирискъ сынъ Гераклида явленія (богини) Дѣвы, трудолюбиво описавъ, прочелъ и про отношенія къ царямъ Боспора разсказалъ и бывшія дружественныя отношенія къ городамъ изслѣдовалъ согласно достоинству народа,— (то), чтобы онъ получилъ достойныя почести, пусть рѣшитъ совѣтъ и народъ похвалить Сириска сына Гераклида и симмнамонамъ увѣнчать его золотымъ вѣнкомъ въ Діонисіи, въ 21-й день, и быть провозглашенію: «Народъ вѣнчаетъ Сириска сына Гераклида за то, что явленія (богини) Дѣвы онъ описалъ и съ городами и царями бывшія дружественныя отношенія изслѣдовалъ правдиво и согласно съ достоинствомъ государства». Написать симмнамонамъ на доску каменную народное постановленіе и выставить ее у храма (богини) Дѣвы; [весь же?] расходъ выдать [согласно рѣшенію?] казначею священныхъ [суммъ. Это рѣшено совѣтомъ и] народомъ [мѣсяца] . . . . въ десятый день. . .

Дополненія къ стр. 1—2 сдѣланы В. В. Латышевымъ; впрочемъ онъ переносилъ конецъ слова εἶπεν на 2-ую строку, мы же полагаемъ, что въ строкахъ 1—10 съ праваго края пропало по одной буквѣ. Дополненія 2—3 и 3—4 строкъ даны А. Вильгельмомъ [1]); въ стр. 3—4 φιλ[οπόνως ἀνα]γράψας возстановлялъ Бехтель [2]); возстановленія Вильгельма одобрены В. В. Латышевымъ въ Add. et corr. (v. IV, p. 278) и относительно [ἐπιφαν]είας теперь блестяще подтверждаются строкой 16-й нашей надписи. Возстановленіе 4-ой строки принято нами въ текстъ не безъ сомнѣнія: оно требуетъ одной-двумя буквами болѣе, чѣмъ должно бы помѣститься по разсчету мѣста и согласно съ предшествующими

1) *Archäol.-epigr. Mitth. aus Oesterr.* XX (1897), S. 87.

2) *Sammlung der griech. Dialektinschriften*, Bd. III, Abt. 1, n°3086.

и послѣдующими строками. Можетъ быть, тутъ стояло φιλ[ί]ως или [φιλ[ι]κῶς συγ]γράψας или же φιλ[ο]πόνως] γράψας, какъ и въ стр. 17 не умѣщается συνέγραψε, а только ἔγραψε.

Строки 4—5 и 5—6 Вильгельмъ возстановлялъ такъ: καὶ [πρὸς πάντας τ]οὺ[ς Βο]σπόρου βασιλεῖ[ς ἀνενεώσα]το τὰ [ὑ]πάρξαντα φ[ιλάνθρωπα], причемъ неясно, какъ онъ представлялъ себѣ связь съ дальнѣйшимъ. В. В. Латышевъ правильно отвергъ это возстановленіе по смыслу; прибавимъ, что оно требуетъ въ началѣ 5-ой и 6-ой строкъ большаго числа буквъ, чѣмъ это согласно съ величиной лакунъ. Теперь для возстановленія этихъ строкъ мы имѣемъ опору въ строкахъ 17—18. Предложенное возстановленіе строки 6-й насъ не удовлетворяетъ; но мы старались примѣниться къ тѣмъ слѣдамъ буквъ, которые отмѣчены В. В. Латышевымъ въ началѣ этой строки. Въ настоящее время буквъ ΤΟΤΑ на камнѣ нельзя различить; вмѣсто глагола [διηγήσα]το здѣсь предпочтительнѣе было бы вставить дополненіе къ слѣдующему ἱστόρησε, синонимъ къ τὰ [ὑ]πάρξαντα φ[ιλάνθρωπα ποτὶ τὰ]ς πόλεις, что соотвѣтствовало бы словамъ τὰ ποτὶ τὰς [πόλεις καὶ τοὺς] βασιλεῖς ὑπάρξ[αντα φιλάνθρωπα] въ стр. 17—19; можно было бы предположить τ[ὰς ποτὶ τ]οὺς Βοσπόρου βασιλεῖ[ς συνθήκας καὶ] или что-нибудь подобное.

Стр. 6—7: φ[ιλάνθρωπα]—возстановленіе Вильгельма, вполнѣ подходящее какъ по смыслу, такъ и по размѣрамъ лакуны.

Стр. 7: въ ΙΙΣΤ[Ο|ΡΗΣΕΝ] одно Ι вырѣзано по ошибкѣ, или же это случайная черта.

Стр. 8: данное дополненіе не совсѣмъ заполняетъ лакуну,—не хватаетъ одной-двухъ буквъ,—но вполнѣ соотвѣтствуетъ сохранившемуся началу и концу фразы и совпадаетъ съ соотвѣтствующимъ текстомъ строкъ 19—20; вмѣсто [ἐπιεικ]έως можно вставить [εὐπρεπ]έως или иное подобное нарѣчіе, которое было бы на одну-двѣ буквы длиннѣе.

Возстановленіе строкъ 9—12, связывающихъ старый текстъ съ новымъ, повидимому, не вызываетъ сомнѣнія, по крайней мѣрѣ въ отношеніи смысла. Опорой можетъ служить, какъ и далѣе, соотвѣтствующее мѣсто постановленія въ честь Діофанта IosPE. I, 185, col. II, 47—49, хотя выраженія далеко не тождественны. Традиціонное ὅπως οὖν въ лакунѣ строки 13-й не можетъ помѣститься. Въ стр. 9-й получается 29 буквъ, тогда какъ другія строки имѣютъ всего 25—27 буквъ: возможно, что iota subscriptum въ какихъ-нибудь двухъ формахъ

дательнаго падежа было пропущено. Въ стр. 12-й могло бы стоять и [θαλλοῦ στεφάνῳ] или что-нибудь подобное. Въ надписи Діофанта говорится, чтобы симмнамоны сдѣлали только провозглашеніе; думаемъ, что не является большою смѣлостью перенести на нихъ и функцію возложенія вѣнка въ день торжества.

Стр. 13-я можетъ возбудить, пожалуй, наибольшія сомнѣнія. Основаніемъ для нашего возстановленія послужило опять соотвѣтствующее мѣсто декрета въ честь Діофанта (col. II, vv. 48 sq.): στεφανῶσαι Παρθενείοις ἐν τᾷ πομπᾷ, τὸ ἀνάγγελμα ποιουμένων τῶν συμμναμόνων.

Въ нашей надписи названіе праздника стоитъ въ родительномъ падежѣ; вмѣсто [Διονυ]σίων можно было бы предположить [Ἀρτεμι]σίων, [Ἀφροδι]σίων, [Δια]σίων или иное. Страннымъ образомъ самый день праздника названъ двадцать первымъ: едва-ли надо понимать это точно, въ томъ смыслѣ, что праздникъ заключалъ въ себѣ не менѣе двадцати одного дня; полагаемъ, что здѣсь имѣется въ виду 21-й день не праздника, а мѣсяца, въ который праздновался праздникъ, можетъ быть, именно Діонисія, который намъ извѣстенъ для Херсонеса изъ того же декрета въ честь Діофанта. Неожиданно далѣе обозначеніе μιᾷ ἐφ' ἱκ[άδι] въ смыслѣ аттическаго πρώτῃ μετ' εἰκάδα,—употребленіе количественнаго числительнаго вмѣсто порядковаго. Неожиданно и густое придыханіе въ словѣ ἱκάς изъ Fικάς (ср. Fίκατι и проч. въ Гераклейскихъ и Лаконскихъ надписяхъ), такъ какъ обычно выпаденіе одной F не влечетъ за собою густого придыханія. Но, помимо аналогіи такихъ общеизвѣстныхъ случаевъ въ аттическомъ діалектѣ, какъ ἕλκω (ср. влеку), ἕσπερος (ср. vesper), ἑστία (ср. Vesta) и др., здѣсь можно было бы сослаться на то обстоятельство, что выпала не одна F, а δF, такъ какъ Fίκατι, viginti несомнѣнно произошло изъ dvikn̥ti.

Какъ бы то ни было, полагаемъ, что наше возстановленіе 13-ой строки по существу (за исключеніемъ названія праздника) едва-ли можетъ быть оспариваемо.

Строки 15—20 даютъ перефразъ того, что уже сказано было въ изложеніи мотивовъ почетнаго постановленія; удивительно стремленіе сказать то же, но иными словами. Въ стр. 16-й нѣтъ мѣста для обычнаго ἐπειδή, и мы поставили ὅτι; можетъ быть лучше ἐπεί.

Въ стр. 21 сл.—предписаніе, чтобы симмнамоны написали постановленіе на каменной доскѣ и выставили въ общественномъ мѣстѣ.

ΕΙΣΤ, полагаемъ, слѣдуетъ читать εἰ(ς) στάλαν: одна σ, какъ часто бываетъ, по ошибкѣ опущена рѣзчикомъ.

Въ стр. 23 упоминается храмъ богини Дѣвы. Въ фрагментѣ постановленія одного года съ Діофантовскимъ говорится о постановкѣ надписи въ преддверіи храма Дѣвы (по вѣрному возстановленію В. В. Латышева). IosPE. IV, 67, v. 6: [θέμεν εἰς τ]ὸ π[ρ]όναον τᾶ[ς Παρθένου]. Въ нашей надписи слово [προ]νάου, повидимому, не помѣстится; къ тому же, такъ какъ употребленъ былъ, повидимому, предлогъ съ значеніемъ „вблизи", „передъ", то и нѣтъ надобности возстановлять обозначеніе части храма.

Въ стр. 14—15, очевидно, говорится, чтобы деньги выдали казначеи священныхъ суммъ, какъ опять и въ Діофантовской надписи col. II, v. 55; слова σύμπαν и κατὰ τὰ δόξαντα вставлены нами, конечно, лишь предположительно.

Въ концѣ надписи, стр. 25—27, обозначена была формулой „ταῦτ' ἔδοξε βουλᾷ καὶ δάμῳ" дата народнаго постановленія; далѣе стояло обозначеніе мѣсяца и числа, отъ котораго осталось [δε]κά[τα]; затѣмъ, несомнѣнно, отмѣчено было имя „царя", можетъ быть проэсимнета, какъ въ Діофантовской надписи, и секретаря.

Какъ видно изъ ряда сопоставленій, нашъ декретъ по своему строю соотвѣтствуетъ постановленію въ честь Діофанта, относимому къ самому концу II в.; выраженія, однако, далеко не тождественны, и потому нѣтъ надобности предполагать одновременность обѣихъ надписей. Судя же по написанію, наша надпись должна быть значительно ранѣе Діофантовской, раньше договора съ Фарнакомъ (см. выше № 1), и вѣрнѣе всего должна быть отнесена еще къ III вѣку [1]).

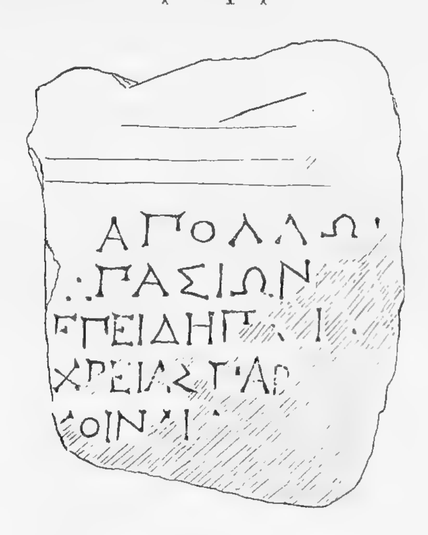
---

4. Фрагментъ надписи на мраморной плитѣ, обломанной съ правой стороны и снизу; вверху сохранилась часть простого карниза и фронтона надъ нимъ съ акротеріемъ на лѣвомъ углу. Сбоку плита довольно грубо обтесана, сзади неровная. Величина фрагмента безъ карниза и фронтона: выш. 10,5 см., шир. 11,5 см., толщ. 6,5 см.; вы-

[1]) В. В. Латышевъ относитъ ее, по написанію, къ III—II вв. до Р. Хр.

шина съ фронтономъ—16 см. Буквы величиной 1—1,1 см. тщательно вырѣзаны, но сильно стерлись. Найденъ при раскопкахъ 1908 г. въ наронкѣ с.-в. базилики въ с.-в. концѣ „главной“ улицы. Инвентарный № 4182/08.

Списокъ съ фотографіи.

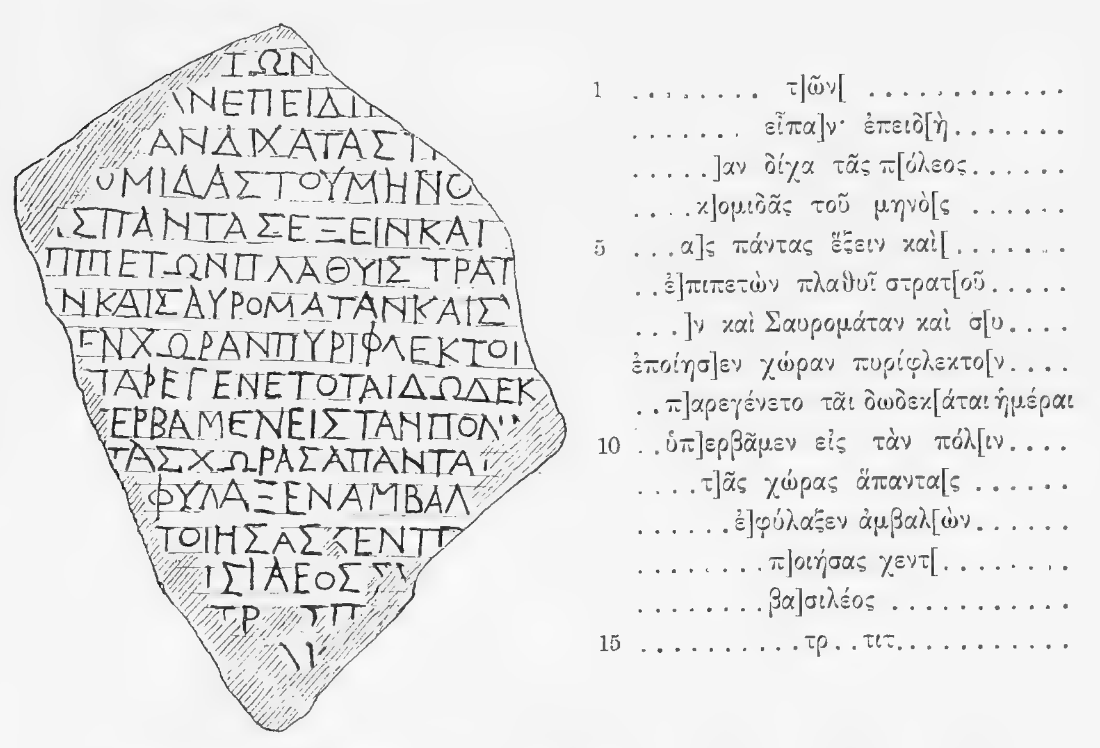
'Απολλώ[νιος . . .
Πασίων . . .
ἐπειδὴ Π[ασ]ί[ων . . .
χρείας παρ[έχεται . . .
κ]οιν[ᾶ]ι [καὶ ἰδίαι?

Повидимому, это—фрагментъ декрета: v. 3 съ ἐπειδὴ должно начинаться перечисленіе мотивовъ почетнаго постановленія. Но передъ этимъ ἐπειδὴ недостаетъ обычныхъ прескриптовъ и имени лица, предложившаго постановленіе. Въ строкахъ 1 и 2 читается по одному имени собственному. Такъ какъ второе имя (v. 2), повидимому, тождественно съ именемъ чествуемаго лица (v. 3), то во 2-ой строкѣ нельзя, повидимому, возстановлять глаг. εἶπεν, а скорѣе слѣдуетъ предполагать Πασίων[ος τοῦ δεῖνος προξενία], какъ IosPE. IV, 64: Προξενία Τιμαγόρα 'Ροδ[ίου]. Въ стр. 1-й приходится предполагать обозначеніе магистрата: можетъ быть 'Απολλώ[νιος τοῦ δεῖνος ἐγραμμάτευε (или ἐβασίλευε ?)]. Самый декретъ тогда слѣдовалъ, вѣроятно, формулѣ: ἐπειδὴ Πασίων. . . . ., ἔδοξε τᾶι βουλᾶι καὶ τῶι δάμωι κτλ.

По написанію наша надпись близка къ надписи въ честь Сириска (выше n° 3), но въ формахъ буквъ ΝΠΩ древнѣе ея и, повидимому, должна быть отнесена еще къ IV в. до Р. Хр. Этому времени, можетъ быть, соотвѣтствуетъ и болѣе простая формулировка декрета.

5. Фрагментъ надписи на мраморной плитѣ, обломанной со всѣхъ сторонъ; наибольшая высота 17 см., шир. 12 см., толщ. 5,5 см.; верхняя поверхность почернѣвшая, обгорѣлая; буквы мелкія (0,5—0,7 см.), небрежныя, мѣстами разбираются съ трудомъ; видны слѣды прочерченныхъ строкъ. Найденъ при раскопкахъ въ с.-в. части городища, надъ верхнимъ уровнемъ „главной“ улицы въ с.-в. ея концѣ. По инвентарю № 4485/08.

Списокъ съ фотографіи.

. . . . τ]ῶν[. . . . .
. . . . εἶπα]ν· ἐπειδ[ὴ . . . .
. . . . .]αν δίχα τᾶς π[όλεος . . . . . .
. . . . κ]ομιδᾶς τοῦ μηνὸ[ς . . . . . .
. . . α]ς πάντας ἕξειν καὶ[. . . . . . .
. . ἐ]πιπετὼν πλαθυῖ στρατ[οῦ . . . . .
. . .]ν καὶ Σαυρομάταν καὶ σ[υ . . . .
ἐποίησ]εν χώραν πυρίφλεκτο[ν . . . .
. . π]αρεγένετο τᾶι δωδεκ[άται ἡμέραι
. . ὑπ]ερβᾶμεν εἰς τὰν πόλ[ιν . . . .
. . . . τ]ᾶς χώρας ἅπαντα[ς . . . . . .
. . . . . . ἐ]φύλαξεν ἀμβαλ[ὼν . . . . . .
. . . . π]οιήσας χεντ[. . . . .
. . . . βα]σιλέος . . . .
. . . . τρ . . τιτ . . . .

Фрагментъ представляетъ, повидимому, обломокъ декрета, отъ прескриптовъ котораго сохранились во 2-ой строкѣ остатки словъ [εἶπα]ν. ἐπειδ[ή]. Въ 1-ой строкѣ должно ожидать обозначенія лицъ, предложившихъ законъ: въ роли таковыхъ въ то время, къ которому относится наша надпись, нужно бы ожидать коллегію проедровъ. Но если сообразно этому сохранившіяся буквы 1-ой строки читать какъ τῶν [1]) и возстановлять обычное [Πρόεδροι Χερσονασειτᾶν] τῶν [ποτὶ τᾶι Ταυρικᾶι, то получаются слишкомъ короткія строки, при чемъ еще пришлось бы слово πρόεδροι отнести въ отдѣльную верхнюю строку, такъ какъ

[1]) Повидимому, скорѣе это ζων, можетъ быть [Σώ]ζων или что-нибудь подобное.

*

иначе лѣвая часть 1-ой строки (до τῶν) была бы много больше соотствующей части 2-ой строки [1]).

Въ постановленіи говорится, повидимому, о военныхъ событіяхъ: кто-то заботился о доставкѣ мѣсячныхъ запасовъ провіанта (v. 4 можетъ быть [ἐπεμελεῖτο τᾶς κο]μιδᾶς τοῦ μηνὸ[ς...); напалъ съ множествомъ войска (v. 6 ἐπιπετῶν—дорическій aor. II отъ ἐπιπίπτω); сжегъ всю страну (v. 8); явился на 12-ый [день?] (v. 9); собирался (?) перейти въ городъ (v. 10); охранялъ, проведя валъ (v. 12). Въ v. 7 упоминается Савроматъ и v. 14—царь, можетъ быть тотъ же Савроматъ. Естественно думать объ одномъ изъ царей Савроматовъ Боспорскихъ: изъ нихъ Савроматъ I, какъ извѣстно, царствовалъ съ 94/5 по 123/4 г. по Р. Хр. [2]), а Савроматъ II—отъ 174/5 до 210/11 г. по Р. Хр. [3]). За время царствованія Савромата II отъ 192 г. извѣстны изъ Танаидской надписи IosPE. II, 423 военныя дѣйствія, охватившія области, сосѣднія съ Танаисомъ, Таврику и Черное море. Возможно поэтому, что и наша надпись относится къ тѣмъ же событіямъ царствованія Савромата II, хотя по написанію, пожалуй, она древнѣе конца II в. по Р. Хр.

Чтеніе строки 13 возбуждаетъ сомнѣніе: послѣ [π]οιήσας, повидимому, стоитъ X (можетъ быть еще Λ или Δ), но подходящаго слова не подыскивается.

6. Надпись на большой мраморной плитѣ, высотой 66,5 см., шир. 54 см., толщ. 10 см., съ отбитымъ лѣвымъ нижнимъ угломъ; величина буквъ не одинаковая: въ нѣкоторыхъ 1,2—1,3 см., въ другихъ 1,4—1,5 см., въ 1-ой строкѣ до 1,8 см., а первая буква 2,5 см. Поверхность мѣстами сильно потерта, въ серединѣ большое стертое пятно. Плита найдена при раскопкахъ 1908 г. въ с.-в. части городища у самой батареи Канэ; она перекрывала водостокъ византійскаго времени и лежала буквами вверхъ. По инвентарю № 3029/08.

---

[1]) Больше подходило бы, если бы расположить слова, какъ, повидимому, они стояли въ надписи IosPE. I, 186:

[Οἱ Χερσονασειτᾶν] τῶν [ποτὶ τᾶι Ταυρι-
κᾶι πρόεδροι εἶπα]ν

но и тогда получается слишкомъ мало буквъ въ строкѣ, такъ какъ буквы очень мелкія и надпись получилась бы почти миніатюрная.

[2]) См. В. Latyschew, IosPE. II, p. XLVII=Ποντικά, стр. 113.

[3]) См. IosPE. II, p. XLIX=Ποντικά, стр. 116.

Списокъ съ фотографіи см. на табл. 1*б*.

Читаемъ и дополняемъ такъ:

Ἀγαθᾶι τύχαι.

[Πρό]εδροι Χερσονασειτ[ᾶ]ν ποτὶ τᾶι Ταυρικᾶι εἶ[πα]ν· [ἐ]πειδὴ Θρασυμήδης Θρασυμήδους τοῦ Σατύρου ἀνὴρ τᾶς ματροπόλιος Ἡρακλε(ί)ας φύσει πολείτας σεμνὰν [τ]ὰν ποθ' ἁμὲς ἀναστ[ρ]οφ[ὰ]ν τᾶς ἐπιδαμίας πεπόατα[ι κα]ὶ οἷα πατέρων ἀγαθῶν πρὸς υἱοὺς φιλοστόργους [εἶχ]εν ξύν(ν)οιαν, [μεγ]ίσταν κα[λ]οκαγαθίαν δείξας σε[μ]νοτάτοις θυμ[- - - - - - -], ὅτι εὐγενείαι διασά[μ]ωι κεκοσμαμ[έ]νος [πάντας εὐθυμε]ῖν δεδίδακται, ἀνθ'ὧν τὸν ἄνδρ[α] πάμ[παν ἐπαίνου ἄ]ξιον ὄντα καὶ δι' ἃ τὰν ματέρα ἁμῶν [πατριδα δὲ α]ὐτοῦ Ἡράκλειαν ἰσοπολείταν ἔδοξ[εν ἔμμεν]· διὸ δεδόχθαι τᾶ[ι] βουλᾶι καὶ τῶι δάμ[ωι ἐπαινέσ]αι μὲν ἐπὶ τούτοις Θρασυμήδην Θρασυμήδους τοῦ Σατύρου Ἡρακλεώταν, δόμεν δὲ αὐτῶ(ι) προξενίας πολειτεί[αν, ἔ]σπλουν τε καὶ ἔκπλουν ἐν εἰράναι καὶ πολέ[μωι ἀ]συλεὶ ἀσπονδεὶ αὐτῶι τε καὶ ἐκγόνοις καὶ χρά[μασιν] αὐτοῦ, μετοχάν τε πάντων τῶν ἐν [τ]ᾶι πό[λει ὧν καὶ Χ]ερσονασείταις μέτεστι· τὸ δὲ ψάφισ[μα τοῦτο ἀνα]γραφᾶμεν λευκολίθου στάλα(ι) καὶ [θέμεν ἐν τῶι ἐπ]ισαμ[ο]τάτω[ι τ]ᾶς ἀκροπόλιος [τόπωι. Ταῦτ' ἔδοξε β]ουλᾶι δάμωι βα[σ]ιλ[ε]υούσας [Παρθένου ἔτεος. .]ε', ἱερέος δὲ Τίτου Φλαουίου [Γ'Αρίστωνος υἱοῦ Φλαουί]ου Ἀγεπό[λι]δος, μηνὸς Δι[ονυσίου. ., γραμματεύον]τ[ος Ἀ]πολλωνίδου Ἰδ[- - Ἐσφραγίσαντο α' στίχωι· θεὰ β]ασίλισ[σα] Παρ[θένος]

. . . .

Переводъ.

На доброе счастіе!

Проедры Херсонесцевъ, что въ Таврикѣ, предложили:
Такъ какъ Θрасимедъ, сынъ Θрасимеда, сына Сатира,
природный гражданинъ митрополіи Гераклеи, великолѣпнымъ

сдѣлалъ свое пребываніе у насъ
и, каково согласіе добрыхъ отцовъ по отношенію къ любящимъ сыновьямъ,
таковое [имѣлъ] (и онъ), выказавъ величайшую доброту
великолѣпнѣйшими [жертвами?, и такъ какъ] благородствомъ
отмѣннымъ будучи украшенъ, научился онъ [всѣхъ радовать], за что
этого мужа, [вполнѣ похвалы] достойнаго. . . и такъ какъ
рѣшено, чтобы мать наша, а его родина Гераклея
пользовалась правами исополитіи,—посему да будетъ рѣшено
совѣтомъ и народомъ похвалить за это
Эрасимеда, сына Өрасимеда, сына Сатира, Гераклейца,
дать же ему проксеніи гражданство,
въѣздъ и выѣздъ во время мира и войны
безъ ущерба, безъ договора, и ему самому, и потомкамъ, и
товарамъ его, и дать участіе во всемъ въ государствѣ,
въ чемъ есть участіе и у Херсонесцевъ; рѣшеніе же
это написать на плитѣ бѣлаго мрамора и
[поставить] на самомъ видномъ мѣстѣ акрополя.
[Это рѣшено] совѣтомъ (и) народомъ въ царствованіе
[Дѣвы года . . .]5, при жрецѣ Титѣ Флавіѣ
[Аристонѣ, сынѣ Флавія] Агеполида, мѣсяца Ді-
[онисія въ... день, при секретарѣ А]поллонидѣ, сынѣ...
[Приложили печать въ I ряду: богиня] царица Дѣва,
. . . .

Декретъ данъ въ честь Гераклейца Өрасимеда, сына Өрасимеда. Относится онъ къ такому времени, когда въ модѣ были витіеватыя фразы безъ содержанія, не только съ затменіемъ строя рѣчи, но часто съ нарушеніемъ грамматической правильности. А потому, хотя недостаетъ въ верхней половинѣ надписи только сравнительно небольшихъ частей строкъ и въ нихъ еще можно прослѣдить нѣсколько неясныхъ буквъ, всетаки и приблизительное возстановленіе этихъ строкъ дается съ трудомъ и едва ли можетъ разсчитывать на достовѣрность.

По поводу нашихъ возстановленій замѣтимъ слѣдующее:

Vv. 6—7 приходится, кажется, понимать такъ: [κα]ὶ [εἶ]χεν σύν(ν)οιαν, οἵα ἐστὶν ἡ σύννοια ἀγαθῶν πατέρων κτλ. Vv. 7—8 [μεγ]ίσταν κα[λ]οκαγαθίαν зависитъ отъ δείξας и отъ него же, повидимому, дат. п. σεμνοτάτοις; какое должно слѣдовать существительное, намъ не удалось придумать; слѣды буквъ указываютъ, повидимому, на нѣчто родственное съ глаголомъ θύω; вполнѣ подходило бы слово θυμιατοῖς, но смыслъ, который можно было бы придать этому слову, „воскуреніями“, не удовлетворяетъ. Трудно сказать также, что слѣдовало дальше.

Vv. 8—9. Съ ὅτι (можетъ быть, [δι]ότι), нужно полагать, начиналось новое причинное предложеніе, сказуемое котораго δεδίδακται. Отъ δεδίδακται зависѣлъ, вѣроятно, infinitivus, слѣдъ котораго—μ]εῖν, намъ кажется, еще можно различить передъ δεδίδακται; такъ какъ передъ μ намъ представляется остатокъ отъ Υ, то мы и предполагаемъ что-нибудь въ родѣ [πάντας εὐθυμ]εῖν; можетъ быть стояло [ἄλλους κοσμ]εῖν или что-нибудь иное.

Vv. 9—10. Въ концѣ v. 9 сохранился слѣдъ буквы, стоявшей за Α, почему нельзя читать ἀ|θῶν, какъ мы раньше предполагали; чтеніе ἀνθ' ὧν, повидимому, единственно возможное, хотя и даетъ неправильную конструкцію. Вѣроятно, предполагалось: ἀνθ' ὧν τὸν ἄνδρα ἐπαίνου ἄξιον ὄντα δεδόχθαι ἐπαινέσαι; вставка новаго причиннаго предложенія καὶ δι' ἃ—ἔδοξε нарушила правильность конструкціи. Такое же употребленіе ἀνθ' ὧν съ причастіемъ въ надписи IosPE. IV, 72, v. 16; ср. также фрагментъ *Изв. И. А. К.*, вып. 14, стр. 104.

Vv. 10—12. Въ концѣ стр. 10-ой ΔΙΑ разсматриваемъ не какъ одинъ предлогъ, а какъ предлогъ съ относ. мѣстоименіемъ δι'ἃ=διὸ, διότι, такъ какъ имъ вводится, очевидно, предложеніе съ ἔδοξε [1]). Если такъ, то приходится слово ἰσοπολεῖταν относить ко всей Гераклеѣ и понимать это предложеніе въ томъ смыслѣ, что рѣшено было дать исополитію городу Гераклеѣ. Въ чемъ именно права, обозначаемыя словами προξενίας πολιτεία, отличаются отъ исополитіи,—трудно сказать.

Чтеніе и возстановленіе строкъ 15-ой и слѣдд. вполнѣ опредѣляется сопоставленіемъ главнымъ образомъ съ декретомъ въ честь Діа---Гераклейца, изданнымъ академикомъ В. В. Латышевымъ въ *Ж. М. Н. Пр.* за 1907 г., мартъ, отд. кл. фил., стр. 140—157 [2]), и цѣлымъ рядомъ приблизительно одновременныхъ декретовъ, дополненныхъ В. В. Латышевымъ на основаніи того же декрета въ *Изв. И. Арх. Комм.*, вып. 23 (1907 г.), стр. 49 сл.

Въ общемъ перечисленіе основаній для почетнаго постановленія въ честь Θрасимеда не заключаетъ никакихъ заслугъ этого Гераклейца, которыя бы указывали или хотя бы намекали на какое-нибудь важное событіе въ жизни Херсонеса. Интересно только отмѣтить теплый тонъ

[1]) Вмѣсто обычнаго διὸ передъ δεδόχθαι употреблено δι' ἃ въ постановленіи въ часть Гераклейцевъ IosPE. IV, 71, v. 18, во фрагментѣ *Изв. И. А. К.*, вып. 14, стр. 104 и друг.

[2]) Статья переиздана въ Ποντικά, стр. 314—331.

въ отношеніи Гераклеи, въ которой Херсонесцы и въ это время еще чтутъ свою митрополію, и указаніе, какъ сказано выше, на законъ объ исополитіи съ Гераклеей.

Внесено предложеніе о Ѳрасимедѣ коллегіей проедровъ, такъ же какъ и декреты въ честь Гераклейцевъ IosPE. IV, 71, въ честь Евтихіана IosPE. IV, 72, Діа---Гераклейца и др. Но обозначеніе этихъ должностныхъ лицъ нѣсколько разнится отъ обозначенія ихъ въ указанныхъ выше надписяхъ отсутствіемъ члена послѣ Χερσονασιτᾶν: тамъ неизмѣнно пишется Πρόεδροι Χερσονασειτᾶν τᾶν (вм. τῶν) ποτὶ τᾶι Ταυρικᾶι, а въ нашей надписи Πρόεδροι Χερσονασειτᾶν ποτὶ τᾶι Ταυρικᾶι.

Въ изложеніи самого постановленія наша надпись почти дословно совпадаетъ съ текстомъ декретовъ въ честь Діа---Гераклейца, Евтихіана Синопейца и другихъ имъ подобныхъ и въ сохранившихся частяхъ текста даетъ опору для болѣе точнаго возстановленія этихъ послѣднихъ [1]). Такъ, въ двухъ мѣстахъ наша надпись подтверждаетъ своеобразное чтеніе другихъ надписей. Именно, въ стр. 14 мы имѣемъ προξενίας πολειτείαν вмѣсто ожидаемаго προξενίαν πολιτείαν, что встрѣчалось уже въ надписяхъ IosPE. IV, 72 и 73, *Мат. по арх. Росс.* № 23, 4 (стр. 8), *Изв. И. А. К.,* вып. 3, стр. 24, и, какъ вѣрно замѣтилъ В. В. Латышевъ, должно было, очевидно, обозначать въ данное время права гражданства, даруемыя иноземцамъ. Поэтому мы не поколебались бы внести возстановленіе этихъ словъ въ этой формѣ какъ въ декретъ Діа---Гераклейца, такъ и въ другіе той же эпохи.

Въ стр. 19 у насъ ясно читается [ἀνα]γραφᾶμεν λευκολίθου στάλα; въ декретѣ въ честь Діа---λευκολίθου στάλαι; στάλαι имѣемъ и во фрагментѣ IosPE. IV, 75. В. В. Латышевъ исправляетъ это λευκολίθου στάλαι въ λευκολίθου στάλας [2]), мы же полагаемъ, что здѣсь слово στάλα было поставлено въ дат. п. въ зависимости отъ глагола ἀναγράφᾶμεν, слово же λευκολίθου употреблено въ смыслѣ λευκοῦ λίθου „бѣлаго камня", т. е. мрамора.

---

[1]) Такъ въ надписи въ честь Евтихіана IosPE. IV, 72, строки 21—24 нужно будетъ, вѣроятно, читать такъ:

ἀσ[υλεὶ ἀσπον]δεὶ αὐτῷ τε καὶ ἐκ[γο-
νοις καὶ χράμασιν αὐτοῦ], μετοχάν τε πάντων ὧ[ν
μέτεστι καὶ τοῖς Χερσονασ]είταις κἀπὸ γένους πο-
[λείταις κτλ.

[2]) *Ж. М. Н. Пр.* 1907 г., мартъ, отд. кл. фил. 142.

Со стр. 22 идетъ обозначеніе даты декрета. Обозначена она, какъ обычно въ это время, 1) годомъ „царствованія" богини Дѣвы, о чемъ см. у В. В. Латышева въ *Ж. М. Н. Пр.*, 1907, мартъ, отд. кл. фил., стр. 151 сл. (= Ποντικά, стр. 325), 2) именемъ жреца, очевидно, той же богини, и днемъ мѣсяца, 3) именемъ секретаря. Отъ обозначенія года остались только послѣдняя цифра 5 и черта сверху [1]). Имя жреца не сохранилось полностью: мы имѣемъ въ стр. 22 только Τίτου Φλαουίου, но къ тому же имени относится еще въ слѣдующей строкѣ -ου Ἀγεπό-λιδος, откуда какъ разъ возстановляется полное имя Τίτου Φλαουίου [Ἀρίστωνος υἱοῦ Φλαουί]ου Ἀγεπόλιδος. Эта личность встрѣчалась уже какъ отецъ перваго архонта 129/30 г. по Р. Хр. (въ надписи въ честь Діа---Гераклейца), который названъ тамъ Τίτος Φλάουιος Ἀρίστων υἱὸς Φλαυίου Ἀρίστωνος τοῦ Ἀγεπόλεως [2]).

Имя жреца-эпонима Тита Флавія Аристона, сына Агеполя, возстановлено уже В. В. Латышевымъ во фрагментѣ декрета IosPE. IV, 70 (см. *Изв. И. А. К.*, 23, стр. 57). Отъ имени мѣсяца сохранилась первая буква и, можетъ быть, вторая (ΔΙ), и возстановленіе Δι[ονυσίου] заполняетъ какъ разъ недостающее число буквъ и даетъ имя мѣсяца, уже извѣстнаго въ Херсонесскомъ календарѣ (IosPE. I, 185).

Имя секретаря—Ἀπολλωνίδας; имя отца его нельзя разобрать вполнѣ: вторая буква, по всей вѣроятности, Δ, первая, повидимому, Ι и третья—Ι или Ρ, такъ что все имя, кажется,—Ἰδί[ου] или Ἰδί[α], Ἴδ-[ρου] или Ἰδ[ρίου] или что-нибудь подобное. Этотъ Аполлонидъ можетъ быть отцомъ двухъ лицъ, отмѣченныхъ въ числѣ подписавшихъ декретъ въ честь Діа---Гераклейца: Φιλόμουσος Ἀπολλωνίδου (v. 28) и Ἀρίστων Ἀπολλωνίδου ἄρχων (v. 30 sq.); и такимъ образомъ и здѣсь, какъ и относительно жреца, мы видимъ, что въ нашей надписи фигурируютъ отцы лицъ, занимавшихъ важные посты въ 129/30 году, что даетъ возможность отнести нашу надпись лѣтъ на 20—30 раньше, т. е. къ самому началу II-го или концу I в. по Р. Хр.

[1]) Въ надписи въ честь Діа---, гдѣ сохранилось полное обозначеніе года, черты сверху нѣтъ.

[2]) О семействѣ Флавія Агеполя см. В. В. Латышева, *Ж. М. Н. Пр.* 1907, мартъ, отд. кл. фил., стр. 155 сл. (= Ποντικά, стр. 328 сл.). Конечно, разница въ склоненіи Ἀγεπόλιδος и Ἀγεπόλεως не должна быть истолковываема въ смыслѣ различія именъ или личностей, носившихъ ихъ, ср. Ἀττίνου и Ἀττίνα тамъ же, стр. 145 (=Ποντικά, стр. 319). Мы имѣемъ еще третью форму родительнаго падежа этого имени [Ἀγεπ]όλιος, принадлежащаго, правда, уже не отцу нашего секретаря, а сыну, являющемуся въ свою очередь секретаремъ въ надписи IosPE. I, 190 (см. *Изв. И. А. К.*, 23, стр. 50).

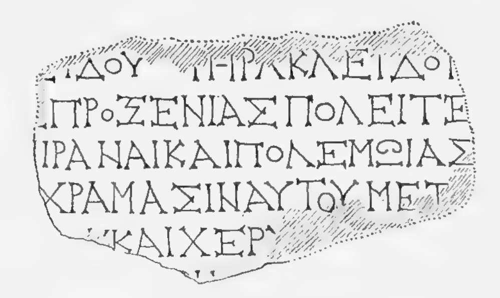
Мы сказали, что имя того же жреца, какъ и въ нашей надписи, возстановлено уже В. В. Латышевымъ въ фрагментѣ декрета IosPE. IV, 70 (*Изв. И. А. К.*, вып. 23, стр. 57). Но имя секретаря въ этомъ фрагментѣ иное, чѣмъ у насъ: В. В. Латышевъ возстановляетъ соотвѣтствующее мѣсто указанной надписи такъ: [γραμματεύοντος . . . . .]γείτου Τελ[α]μ[ῶνος?]. Если возстановленіе имени жреца и въ IosPE. IV, 70, и у насъ правильно, и если въ обѣихъ надписяхъ считать жреца за одно и то же лицо, то нужно признать, что жрецъ (богини Дѣвы) занималъ въ данную эпоху эту должность не одинъ годъ. Такое предположеніе, конечно, вполнѣ возможно въ виду того, что при датировкѣ жрецомъ всегда обозначается и годъ, и секретарь.

Со стр. 25 слѣдовало перечисленіе подписавшихъ декретъ, изъ числа которыхъ сохранилось только на первомъ мѣстѣ имя богини Дѣвы, остальное отбито. Подобный списокъ въ наиболѣе полномъ видѣ сохранился въ декретѣ въ честь Діа - - - Гераклейца и по аналогіи съ нимъ возстановленъ В. В. Латышевымъ въ цѣломъ рядѣ другихъ фрагментовъ.

Относительно языка нашей надписи нужно отмѣтить такія вторичныя формы съ ᾱ вмѣсто η, какъ πεπόαται (v. 4, ср. ἐποάσαντο, ποάσασθαι IosPE, IV, 71, vv. 5, 15), κεκοσμαμένος (v. 8); но правильно Ἡρακλεία, Ἡρακλεώτας, μηνός (v. 23), тогда какъ въ надписи въ честь Діа - - - Гераклейца Ἀρακλεώτας, μανός Ἀρακλείου. Ἀκρόπολις имѣетъ genit. ἀκροπόλιος (v. 21) и ματρόπολις—ματροπόλιος (v. 4), какъ и въ надписи въ честь Діа - - - Гераклейца и другихъ (напримѣръ, IosPE. IV, 95, ср. *Изв.* вып. 23, стр. 61), тогда какъ, напримѣръ, въ надписи Діофанта (IosPE. I, 185, col. II, 40) πόλεος. Отъ ἱερεύς genit. ἱερέος (v. 22), тогда какъ въ декретѣ въ честь Діа—ἱερέως (также IosPE. I, 190; ср. *Изв.* вып. 23, стр. 50). Въ надписи Діофанта опять-таки мы имѣемъ βασιλέος (col. I, 2 и col. II, 42) и βασιλεῖος (col. I, 17). I subscriptum по большей части соблюдается; но αὐτῶ (v. 15), στάλα (v. 20).

7. Фрагментъ мраморной плиты, обломанный со всѣхъ сторонъ; сохр. выс. 0,17 м., дл. 0,215 м., толщ. 0,08 м., буквы 1—1,2 см. Найденъ при раскопкахъ 1908 года въ с.-в. части городища въ византійскомъ слоѣ. По инвентарю № 2798/08.

Помѣщаемъ списокъ по фотографіи.

[. . . . ἐπαινέσαι τὸν δεῖνα Ἡρα-
κλεί]δου [τοῦ] Ἡρακλείδο[υ. . . .. δόμεν δὲ αὐ-
τῶ(ι)] προξενίας πολειτε[ίαν, ἔσπλουν τε καὶ ἔκπλουν
ἐν ε]ἰράναι καὶ πολέμωι ἀσ[υλεὶ ἀσπονδεὶ αὐτῶι τε
καὶ] χράμασιν αὐτοῦ, μετ[οχάν τε πάντων τῶν ἐν τᾶι πό-
λει ὧν] καὶ Χερ[σονασείταις μέτεστιν κτλ.

Фрагментъ представляетъ часть почетнаго постановленія, вполнѣ аналогичнаго съ предшествующимъ (№ 6), постановленіемъ въ честь Діа--- Гераклейца и рядомъ другихъ (см. *Изв. И. А. К.*, вып. 23, стр. 49 сл.), и строки 3—7 легко возстановляются вполнѣ согласно съ предшествующей надписью, съ тѣмъ единственнымъ исключеніемъ, что въ стр. 3-й нельзя помѣстить καὶ ἐκγόνοις; можетъ быть, чествуемое лицо было безсемейнымъ. Въ стр. 3-й мы имѣемъ то же выраженіе, которое отмѣтили въ предшествующей надписи,—προξενίας πολειτείαν.

Въ стр. 1—2 было имя лица, въ честь котораго составлено постановленіе: сохранилась часть имени его отца—είδου и затѣмъ опять имя въ родительномъ падежѣ Ἡρακλείδου, передъ которымъ должны были находиться еще 2 или 3 буквы, причемъ послѣдняя, повидимому, Ι или Υ, первая скорѣе Σ. Вся эта часть строки (послѣ -ΙΔΟΥ), повидимому, намѣренно сбита, такъ что, вѣроятно, представляла ошибку рѣзчика. Можетъ быть, ошибка состояла въ томъ, что повторено было имя отца (Ἡρακλείδου). Но что могли тогда обозначать 2—3 буквы между дважды написаннымъ именемъ отца? Можетъ быть, рѣзчикъ началъ уже имя города (ἐθνικόν) ΣΙΝ(ωπέα) или что-нибудь подобное, потомъ ошибочно написалъ вторично имя отца и оба уничтожилъ. Но такъ какъ слѣды этихъ трехъ буквъ до такой степени неясны, что на нихъ

никоимъ образомъ нельзя опираться, то мы предположили, что здѣсь вырѣзано было [τοῦ] Ἡρακλείδου, какъ имя дѣда чествуемаго лица, что для данной эпохи (II в. по Р. Хр.) вполнѣ возможно.

---

8. Фрагментъ тонкой мраморной плитки, обломанной со всѣхъ сторонъ. Величина: 18 см. высоты, 12 см. ширины, 6,5 см. толщины, буквы 1,7—1,8 см. Найденъ при раскопкахъ 1908 года въ с.-в. части городища вмѣстѣ съ фрагментомъ надписи № 3. По инвентарю № 4070/08.

Списокъ съ фотографіи.

-νό]μον π[ό]λε[ος-
-π]λαθύνοντα τὰ κ[α-
-μ]ασθαν ἀλογ-
-τ]ᾶ(ι) βουλᾶ(ι) καὶ τ[ῷ δάμῳ-
-ς Τ(ίτου) Φλ[αουίου].

Повидимому, обломокъ декрета; но если въ стр. 4 возстановлять [δεδόχθαι τ]ᾶ(ι) βουλᾶ(ι) καὶ τ[ῶι δάμωι ἐπαινέσαι. . . .], то въ стр. 5 представляется, если слѣдовать формулѣ цѣлаго ряда декретовъ времени Флавіевъ въ Херсонесѣ, единственно возможнымъ возстановленіе: [τὸν δεῖνα καὶ τὸν δεῖνα υἱοὺ]ς Τ(ίτου) Φλ[αουίου]. . ., но для этого потребовались бы слишкомъ большія строки. Чтобы считать это конечной формулой декрета ταῦτ' ἔδοξε τᾶ(ι)] βουλᾶ(ι) καὶ τ[ῶι δάμωι βασιλευούσας Παρθένου ἔτεος. . . ἱερέω]ς Τ(ίτου) Φλ[αουίου], этому препятствуетъ то, что обыковенно въ этой формулѣ при βουλᾷ и δάμῳ отсутствуетъ членъ и союзъ καί. Возможно, что здѣсь было упоминаніе о ранѣе состоявшемся декретѣ, что-нибудь въ родѣ [καθ' ἃ ἔδοξε τ]ᾶ(ι) βουλᾶ(ι) καὶ τ[ῶι δάμωι. . . ἐπὶ ἱερέω]ς Τ(ίτου) Φλ[αουίου] или [γραμματεύοντο]ς Τ(ίτου) Φλ[αουίου].

О чемъ говорилось въ стр. 1—3, трудно догадаться, такъ какъ сохранилось слишкомъ мало. Въ стр. 3-μ]ασθαν или-νασθαν, можетъ быть, слѣдуетъ понимать какъ третье л. мн. ч. aoristi passivi вмѣсто -]μάσθην = -μ]άσθησαν отъ [ἐθαυμ]άσθαν, [ὠνομ]άσθαν или чего-нибудь подобнаго.

9. Фрагментъ мраморной плиты, обломанной со всѣхъ сторонъ, выш. 14 см., шир. 11,5 см., толщ. 3,6—3,9 см.; задняя сторона гладко полирована. Буквы 1,7—1,8 см., буква О всего 0,6—0,7 см. Найденъ при раскопкахъ въ с.-в. части городища въ верхнемъ слоѣ. По инвентарю № 4241/08.

Списокъ съ фотографіи.

. . . . ἔτεος. . α′], ἱερ[έος δὲ . .
. . . . ἐγραμμάτευε -γέ]νης Διογ[ένους. .
ἐσφραγίσαντο α′ στίχωι θεὰ βασίλισ]σα Παρθ[ένος. . .
. . . . -]ς υἱὸς Φλ[αουίου
. . . . υἱὸς] Ζήθου . . . . . .

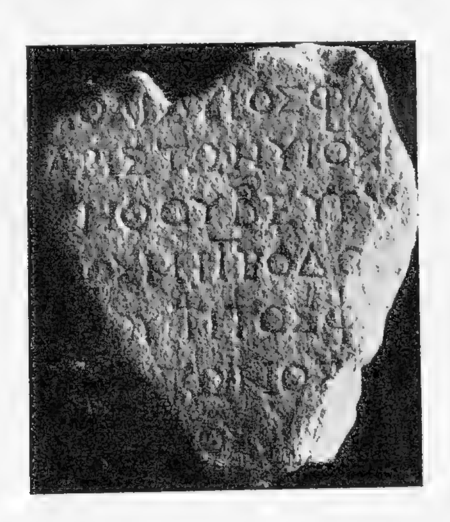
Передъ нами фрагментъ заключительной части декрета, принадлежащаго къ довольно многочисленной уже группѣ декретовъ II-го в. по Р. Хр. съ рядомъ именъ подписавшихся подъ ними должностныхъ и частныхъ лицъ, среди которыхъ часто попадаются Титы Флавіи: таковъ наиболѣе полный декретъ въ честь Діа---Гераклейца, а также IosPE. IV, 71, 72, 77, 95, 96, 97, 155; *Изв. И. А. К.*, вып. 18, стр. 118, № 29 (см. о всѣхъ нихъ *Изв. И. А. К.*, вып. 23, стр. 57 сл.); сюда же, вѣроятно, нужно отнести IosPE. I, 186 и 227. Отступаетъ отъ общей формы этихъ надписей въ нашемъ фрагментѣ строка 2-я, гдѣ имя, повидимому, секретаря приходится предполагать въ именительномъ падежѣ, т. е. [ἐγραμμάτευε -γέ]νης Διογ[ένους вмѣсто обычнаго [γραμματεύοντος - -γέ]νους. Повидимому, жрецъ Діогенъ, можетъ быть, нашъ секретарь [Διογέ]νης Διογ[ένους] или отецъ нашего называется въ IosPE. I, 186 [1]); Θεαγένης Διογένους называется въ числѣ архонтовъ въ декретѣ въ честь Діа---Гераклейца (v. 20) и безъ титула въ IosPE. IV, 95 (ср. *Изв. И. А. К.*, вып. 23, стр. 61). Имя Ζῆθος часто встрѣчается въ тѣхъ же надписяхъ.

[1]) Ея фрагментъ *b* можно возстановить такъ:
λευκολίθου] στά[λαι καὶ θέμεν ἐν τῶι ἐπισαμοτάτωι τᾶς] ἀκροπό[λιος τόπωι. Ταῦτ' ἔδοξε βουλᾶι δάμωι] βασιλευ[ούσας Παρθένου ἔτεος. . . . ἱερέος δὲ Δι]ογέν[ους . . .

Фрагментъ *a* начинался, можетъ быть, такъ: Οἱ Χερσονα[σειτᾶν τᾶν ποτὶ τᾶι Ταυρικᾶι πρόεδροι εἶ]παν съ перестановкой вмѣсто обычнаго οἱ πρόεδροι Χερσονασειτᾶν и т. д., что даетъ, правда, буквъ на 5—6 больше, чѣмъ въ строкахъ фрагмента *b*.

10. Фрагментъ надписи на мраморной плитѣ; камень сильно пострадалъ отъ времени, но буквы читаются хорошо. Величина фрагмента: выс. 20 см., шир. 18 см., толщ. 5 см. Буквы имѣютъ высоту отъ 0,8 см. до 1 см., нѣкоторыя же, имѣя величину до 2 и даже 2,2 см., выходятъ за строчку (стр. 3, 4, 7). Найденъ при раскопкахъ 1908 года въ с.-в. части городища въ насыпи. По инвентарю № 3164/08.

По фотографическому снимку.

[᾿Αγέπ]ολις υἱὸς Φλ[αουίου ᾿Αρίστωνος, Τ. Φλάουιος] ᾿Αρίστων υἱὸς [Φλαουίου ᾿Αρίστωνος, ᾿Αρίστων] Ζήθου. $\overline{\text{B}}$. Εὐρύ[δαμος Διοσκουρίδου, Γαζούρι]ος Μητροδώ[ρου ....
......]ου, Τίτος Φ[λάουιος..... υἱὸς Φλαουίου ᾿Αρίσ]τωνος [.......... ....
..... υἱ]ὸς Οὐ[λπίου...

Передъ нами опять обломокъ списка лицъ, подписавшихся подъ какимъ-нибудь декретомъ II в. по Р. Хр. Поименованные въ строкахъ 1—3, очевидно, относились къ 1-му столбцу (α′ στίχῳ); въ стр. 3 отмѣченъ 2-ой столбецъ посредствомъ $\overline{\text{B}}$ (=β′ στίχῳ). Среди поименованныхъ есть и старые знакомые: [᾿Αγέπ]ολις υἱὸς Φλ[αουίου и ᾿Αρίστων υἱὸς [Φλαουίου], можетъ быть, тождественны съ Τ. Φλάουιος ᾿Αρίστων υἱὸς Φλαουίου ᾿Αρίστωνος πρῶτος ἄρχων и его братомъ (?) Τ. Φλάουιος ᾿Αγέπολις υἱὸς Φλαουίου ᾿Αρίστωνος надписи въ честь Діа---Гераклейца (Ποντικά, стр. 315 сл.), гдѣ однако Агеполь названъ значительно позднѣе Аристона, который, какъ первый архонтъ, стоитъ во главѣ списка.

Если возстановить эти два имени, то получимъ длину строки въ 35 буквъ, что даетъ намъ возможность предположительно возстановить и нѣкоторыя другія имена списка. Можетъ быть, третій братъ Агеполя и Аристона или сынъ вышепоименованнаго (v. 2) Аристона упомянутъ былъ въ стр. 5—6. Въ стр. 2 названъ сынъ Зеѳа. Имя Зеѳа тоже не рѣдко въ надписяхъ подобнаго рода: 3 разныхъ лица съ этимъ именемъ въ одной только надписи въ честь Діа---Гераклейца. Аристонъ сынъ Зеѳа упоминается въ надписи IosPE. IV, 96 (ср. *Изв. И. А. К.*, вып. 23, стр. 62), и это имя по числу буквъ вполнѣ подходило бы; отецъ его (или сынъ) названъ былъ тогда въ надписи въ честь Діа---Гераклейца.

Въ стр. 3 можно возстановить имя Εὐρύ[δαμος Διοσκουρίδου], которое также значится въ спискѣ подъ декретомъ въ честь Діа---, но въ первомъ столбцѣ. Повидимому, тотъ же Евридамъ и такъ же, какъ въ нашей надписи, въ началѣ второго столбца названъ во фрагментѣ IosPE. I, 227 (v. 2), гдѣ надъ нимъ (v. 1) также Ἀρί[στων], а ниже въ 3-мъ столбцѣ Ζῆθος (v. 5).

Въ стр. 3—4 предполагаемъ [Γαζούρι]ος Μητροδώ[ρου], что подходитъ и по сохранившемуся окончанію имени и по числу недостающихъ буквъ. Газурій, сынъ Метродора, извѣстенъ какъ первый архонтъ изъ надгробной надписи IosPE. IV, 105; онъ же, повидимому, названъ какъ жрецъ Дѣвы въ надписи IosPE. IV, 85; можетъ быть отецъ его, сынъ Діоскурида, братъ вышеназваннаго Евридама, отмѣченъ какъ πρόδικος въ спискѣ подъ декретомъ въ честь Діа---.

Въ стр. 7 названъ, повидимому, [ὁ δεῖνα υἱ]ὸς Οὐ[λπίου такъ же, какъ въ спискѣ *Изв. И. А. К.* вып. 18, № 29 (ср. вып. 23, стр. 64). Μάρκος Οὔλπιος имѣется въ спискѣ лицъ, подписавшихся подъ декретомъ въ честь Гераклеотовъ (*Изв. И. А. К.* вып. 23, стр. 58 сл.), въ которомъ фигурируетъ также въ качествѣ секретаря совѣта Т. Флавій Агеполь, повидимому, тождественный съ названнымъ въ нашей надписи въ стр. 1-й (ср. *Изв. И. А. К.* вып. 23, стр. 50). Возможно, что то же имя Μάρκος [Οὔλπιος] слѣдуетъ возстановить и въ вышеупомянутомъ фрагментѣ IosPE. I, 227, v. 4.

Такимъ образомъ, повидимому, мы имѣемъ въ нашей надписи имена отчасти тѣхъ же самыхъ лицъ, что и въ надписи въ честь Діа---Гераклейца (Аристонъ и Агеполь, сыновья Аристона, Евридамъ), отчасти сыновей лицъ, названныхъ тамъ (сыновья Зеѳа и Метродора), и должны,

слѣдовательно, отнести ее лѣтъ на 10—15 позже декрета въ честь Діа---, т. е. приблизительно къ 140—145 г.г. Такой датировкѣ соотвѣтствовало бы и присутствіе имени Ульпія въ качествѣ уже имени отца подписавшагося въ нашемъ фрагментѣ лица, такъ какъ, очевидно, имя это не могло быть принято херсонесскимъ гражданиномъ раньше царствованія М. Ульпія Траяна (98—117 г.).

---

11. Небольшой фрагментъ сравнительно толстой мраморной плиты, выш. 9 см., шир. и толщ. 7 см. Лѣвый край сохранился и гладко отшлифованъ въ передней части. Найденъ среди кучи камней въ ямѣ на поверхности городища. По инвентарю № 5083/08.

По фотографическому снимку.

Διο[γένης...

Μητ[ρόδωρος...

Ζῆθο[ς...

᾿Ατ[τίνας...

Возможно, конечно, что то или другое изъ возстановленныхъ нами именъ стояло въ родительномъ падежѣ, какъ имя отца отмѣченнаго здѣсь лица. Фрагментъ представляетъ часть такого-же списка подписавшихся, какъ и два предшествующихъ, и, несмотря на всю отрывочность, имѣетъ нѣсколько точекъ соприкосновенія какъ съ этими двумя фрагментами, такъ и съ ранѣе извѣстными подобными: о Діогенѣ мы говорили по поводу нашей надписи № 9, о Метродорѣ—по поводу № 10; Зеѳъ встрѣчается въ нихъ обѣихъ и въ нѣсколькихъ подобныхъ. ᾿Αττίνας—имя отца извѣстнаго Аристона, которому Херсонесцами была поставлена статуя (IosPE. I, 199) и который въ надписи въ честь Діа--- Гераклейца отмѣченъ какъ секретарь совѣта (Ποντικά, стр. 316).

Но по написанію надпись, повидимому позднѣе разсмотрѣнныхъ раньше: О и Θ имѣютъ здѣсь овальную форму, допущена вязь МН (v. 2), что впрочемъ наблюдается и въ предшествующей надписи (v. 4) въ томъ же словѣ.

12. Надпись на передней сторонѣ обломка плоской базы изъ плотнаго лиловатаго известняка дл. 24 см., выш. 11 см. и шир. 15,5 см.; на верхней сторонѣ виденъ слѣдъ овальной выемки, глубиной до 6,5 см., сдѣланной, очевидно, для установки статуи. Край выемки подходитъ къ передней сторонѣ базы у праваго края фрагмента всего на 3,7 см., такъ что въ этомъ мѣстѣ можно предположить приблизительно середину базы; если сообразно съ этимъ прочертить овалъ выемки, то мы получимъ для него размѣры приблизительно 40×27 см., а для всего четырехугольника базы—приблизительно 50×35 см. Изъ этого разсчета видно, что отъ передней стороны базы, на которой находилась надпись, сохранилось менѣе половины, причемъ съ лѣвой стороны отбитъ только самый край, а съ правой недостаетъ по крайней мѣрѣ половины надписи. Сверху и снизу уцѣлѣли края, но верхняя строка почти вся сбита. Камень найденъ въ верхнемъ слоѣ насыпи с.-в. части городища при раскопкахъ 1908 года. По инвентарю № 2783/08.

По фотографическому снимку.

[Ἱ]ππ[ο]κ[λ - - ὑπὲρ
τᾶ]ς θυγατρὸς Σ.......
Παρθένωι [ἀνέθηκεν].

Точно опредѣлить величину недостающей части нельзя, и даже возможно, что слѣва во второй строкѣ недостаетъ еще одной-двухъ буквъ; сообразно съ этимъ толкованіе сохранившагося и возстановленіе недостающаго можетъ быть различное. Посвященій Дѣвѣ имѣемъ въ херсонесскихъ надписяхъ уже нѣсколько: см. IosPE. IV, 83—86. По письму надпись не позднѣе половины IV-го вѣка до Р. Хр.

13. Два куска известняка, съ отбитымъ правымъ верхнимъ угломъ. Камень имѣлъ 18 см. вышины, 23 см. длины и 16,5 см. толщины. Нижняя сторона его неровная, верхняя и у лѣваго фрагмента задняя отбиты; правая, лѣвая и передняя стороны обдѣланы зубаткой, задняя неровно сглажена. Буквы тщательно вырѣзаны, величиной 4,4—5,8 см. Найдены

при раскопкахъ 1908 г. въ с.-в. концѣ „главной“ улицы близъ с.-в. базилики. По инвентарю № 4491/08. По фотографическому снимку.

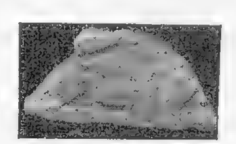

Διὶ [Ὑπ]-
άτω(ι).

Посвященіе Зевсу Верховному. По формѣ |Λ| надпись, вѣроятно, не раньше 2-ой половины II в. по Р. Хр.

14. Незначительный фрагментъ известняка съ надписью крупными буквами; камень обломанъ со всѣхъ четырехъ сторонъ; задняя сторона ровная. Величина: выс. 12 см., дл. 19 см., толщ. 10 см.; буквы 7,5 см. высоты тщательно вырѣзаны такъ, какъ будто предназначались для вложенія металлическихъ буквъ. Найденъ при раскопкахъ 1908 г. въ с.-в. части городища въ колодцѣ съ предметами поздне-римскаго времени. По инвентарю № 4340/08.

По фотографическому снимку.

– ƆIƧ-

Судя по величинѣ буквъ, надпись была посвятительная. Третья буква, повидимому, Σ (можетъ быть Z).

15. Фрагментъ мраморной плиты съ карнизомъ по нижнему краю, выс. 13,5 см., дл. 12,5 см., толщ. 2,8 см.; буквы — 3 см. Задняя сторона плиты гладкая; карнизъ очень плоскій. Повидимому, это обломокъ надгробной плиты, которая была окаймлена карнизомъ со всѣхъ четырехъ сторонъ. Найденъ при раскопкахъ 1908 г. въ обращенной къ морю средней части городища (въ монастырскомъ огородѣ), въ нижнемъ слоѣ съ краснолаковыми черепками. По инвентарю № 5035/08.

По фотографическому снимку.

-τε]λευτ[ησ-
-ατεσ-

Въ стр. 1 послѣ τ имѣется остатокъ буквы η, такъ что употреблена была форма уже не дорическая: ἐτελεύτησε, τελευτήσας или что-либо подобное; можетъ быть, надпись составлена была въ стихахъ. По письму II—III в. по Р. Хр.

16. Фрагментъ однострочной надписи на передней сторонѣ мраморнаго карниза отъ какой-то постройки. Высота карниза 15,5 см., ширина по верхней поверхности 25,5 см., длина фрагмента 28 см., ширина полосы карниза, на которой надпись, 5 см., буквы высотою 3,7—4 см. врѣзаны тщательно. Найденъ на полу часовни въ с.-в. части городища передъ с.-в. базиликой. По инвентарю № 5003/08.

По фотографическому снимку.

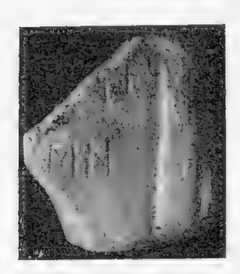
. . . ἐξ] εὐχῆς τ[οῦ . . .

Надпись принадлежитъ христіанскому времени и, очевидно, указывала, что зданіе, которому принадлежалъ карнизъ, построено „по обѣту такого-то“. Этимъ зданіемъ, можетъ быть, и была та часовня, въ которой найденъ карнизъ, хотя надпись, судя по письму, значительно древнѣе постройки, которая должна принадлежать поздневизантійскому времени.

*

17. Фрагментъ мраморной плиты выс. 10 см., шир. 9,5 см., толщ. 3,1 см.; обломанъ со всѣхъ сторонъ. Передняя поверхность шероховатая отъ позднѣйшей порчи; на ней справа сохранилась исполненная рельефно, но какъ бы вдавленная въ поверхность вертикальная перекладина, шириною 2,2 см., повидимому, часть креста; сохранившіяся буквы представляютъ, вѣроятно, часть христіанской надписи, которая находилась по четыремъ сторонамъ креста; буквы имѣютъ 1,7 см. высоты. Задняя сторона плиты гладкая, но часть ея грубо оббита; вѣроятно, здѣсь также было рельефное изображеніе. Найденъ при раскопкахъ 1908 г. въ с.-в. части городища въ византійскомъ слоѣ. По инвентарю № 3142/08.

По фотограф. снимку.

[Δόξα πατ]ρὶ [καὶ υἱῷ καὶ ἁγίῳ]
[πνεύματι, ἀ]μήν.

Во 2-й строкѣ MHN написано вязью; въ 1-й строкѣ, повидимому, сохранилось PI и передъ нимъ слѣдъ отъ T; при предложенномъ возстановленіи нужно предполагать, что слова ἁγίῳ πνεύματι были написаны сокращенно.

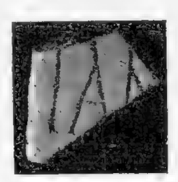
---

18. Маленькій фрагментъ мраморной плитки съ плоскимъ карнизикомъ съ верхней стороны: выш. 5,5 см., шир. 3 см., толщ. 1,6 см.; только верхній край цѣлъ; задняя сторона гладкая. Буквы величиной 1,2 см. сохранили слѣды красной краски. Найденъ при раскопкахъ 1908 г. въ большой цистернѣ къ западу отъ Уваровской базилики среди ранне-византійскихъ черепковъ и монетъ. По инвентарю № 2191/08.

[Θ]εο[ῦ].

Надпись не ранѣе конца II в. по Р. Хр., можетъ быть христіанская.

19. Маленькій фрагментъ мраморной плиты, выш.6,8 см., шир. 6,5 см., толщ. 2 см., обломанный со всѣхъ сторонъ; задняя сторона гладкая. Найденъ при раскопкахъ 1908 г. въ с.-в. части городища, въ цистернѣ съ поздне-римскими и византійскими черепками и монетами. По инвентарю № 3914/08. Буквы величиной 4,7 см., можетъ быть латинскія.

---

20. Фрагментъ крупнаго мраморнаго параллелепипеда до 0,31 м. высоты, 0,85 м. длины, 0,205 м. толщины. Обломанъ съ трехъ сторонъ. Задняя сторона грубо обработана, правая гладкая, причемъ край, образуемый передней и правой сторонами, округленъ; еще болѣе округленъ край между правой и задней сторонами. Съ лѣвой стороны передняя поверхность грубо стесана полосой приблизительно въ 24 см. ширины. Буквы величиной 4—5 см.

Камень вынутъ изъ стѣны постройки византійской эпохи въ с.-в. части городища, причемъ надпись обнаружена была М. И. Скубетовымъ: камень лежалъ переднею стороною (на которой надпись) внизъ. Раньше камень, вѣроятно былъ, въ употребленіи въ кладкѣ съ известью, такъ какъ на надписи сохранились слѣды извести. По инвентарю № 5081/08.

По фотографическому снимку.

-t]ur
[exercit]us devotione probatu[s
. . . . civit]ati paravit
. . . . . t]is(q)ue procellit
[. . publ]ica felicitate t(e)netur
. . . . . a ed[ixit. . .]tiv . . . . . .

Съ правой стороны мы имѣемъ концы строкъ надписи, причемъ нѣкоторыя строки не доходятъ до края и въ строкѣ 3 свободное мѣсто занято тремя косыми черточками. Въ стр. 6, повидимому, верхніе концы буквъ AEDIX. Рѣзчикъ очевидно, мало знакомый съ латинскимъ языкомъ, допустилъ двѣ ошибки: v. 3 O вмѣсто Q и v. 5 F вмѣсто E.

Фрагментъ представляетъ часть большой надписи, находившейся, вѣроятно, на крупномъ постаментѣ, сооруженномъ Херсонесцами въ честь какого-нибудь римскаго должностного лица, повидимому полководца, который „отмѣченъ преданностью [войска]" (v. 2), „доставилъ (Херсонесской) общинѣ [безопасность?]" (v. 3), „повергъ во прахъ [враговъ Римскаго народа и (Херсонесской) общины]" (v. 4). Болѣе прочныхъ и точныхъ возстановленій нельзя предложить, такъ какъ сохранились лишь слишкомъ общія выраженія, не заключающія намека на опредѣленные конкретные факты или имена.

Р. Леперъ.

Херсонесъ.

Терракотовый свѣтильникъ изъ Ольвіи (?), изображающій чету Бесовъ.

(Табл. II—IV).

Въ маѣ 1909 г., проѣздомъ изъ Египта, мнѣ удалось пріобрѣсти въ Одессѣ у извѣстнаго торговца древностями Л. Гаухмана прекрасно сохранившійся терракотовый свѣтильникъ, происходящій, по его словамъ, изъ Ольвіи [1]). Изображеніе его прилагается на табл. II въ натуральную величину (рис. 1). Нижняя часть его представляетъ собственно лампаду и имѣетъ три совершенно круглыхъ отверстія для вливанія масла и для фитилей, въ закругленныхъ, выдающихся частяхъ, а также два круглыхъ выступа вродѣ отверстій. Надъ всѣмъ этимъ помѣщены фигурки египетскаго такъ называемаго божества „Беса" [2]) и его супруги, совершенно нагихъ и сидящихъ на скамьѣ, нижняя часть которой видна спереди, а задняя намѣчена на обратной сторонѣ предмета. Женская фигура нѣсколько почернѣла отъ огня свѣтильника. На головѣ у Беса малый головной уборъ, встрѣчающійся чаще на бронзовыхъ статуэткахъ этого божества [3]), но вообще гораздо рѣже, чѣмъ корона изъ перьевъ, которая на нашемъ свѣтильникѣ украшаетъ голову его супруги. На обрат-

[1]) Упомянутъ мною въ числѣ предметовъ, о происхожденіи которыхъ нѣтъ документальныхъ данныхъ, въ статьѣ «Objets égyptiens et égyptisants trouvés dans la Russie méridionale». *Revue Archéologique* 1911, II, p. 24, 8.—Пользуясь случаемъ, вношу здѣсь три исправленія къ названной статьѣ: 1) Стр. 28, i. Bombylion или шаровидный арибаллъ, найденный въ 1902 г. въ Керчи В. В. Шкорпиломъ, несомнѣнно одного порядка съ №№ 3735—6 Каирскаго музея (Bissing, Fayencegefässe, Catal. VI, p. 41. Benedite, Objets de toilette, ibid. LV, pl. XXIII), имѣющими на себѣ такіе же картуши Амасиса (Хнум-иб-ра) подъ двумя перьями. 2) Упомянутый на стр. 29 и изображенный на стр. 30 предметъ № 22, вѣроятно, навкратійскаго происхожденія и напоминаетъ изданный Petrie, Naucratis II, pl. XVII, 6. 3) Скарабей, упомянутый на стр. 31, пр. 2, имѣетъ на себѣ A и Ω и изображеніе лука.

[2]) Я пока удерживаю это собирательное имя божествъ-карликовъ и уродцевъ въ виду его популярности среди какъ египтологовъ, такъ и археологовъ-классиковъ.

[3]) Напр. Krall, въ книгѣ Benndorf-Niemann, Das Heroon v. Gjölbaschi, стр. 89, рис. 84 (№ 56); №№ 38713, 38709 bis, 38718, 38723 Каирскаго музея (Daressy, Statues des divinités въ Catal. général); № 2618 собранія В. С. Голенищева и др.

ной сторонѣ (рис. 2)[1]) имѣется ушко для помѣщенія предмета на стѣнѣ, можетъ быть, священнаго сооруженія. Предметъ покрытъ краснымъ лакомъ.

Форма отверстій для фитилей, круглая, а не вытянутая, и помѣщеніе ихъ внизу, подъ изображеніемъ божества и въ обособленныхъ выступахъ, сближаютъ нашъ свѣтильникъ съ категоріей, описанной Лешке въ III главѣ его труда, посвященнаго древнимъ фонарямъ[2]), и изображенной на XXXIV таблицѣ этого изданія[3]). Они относятся Б. В. Фармаковскимъ къ I—II в. по Р. Х., въ отличіе отъ имѣющихъ вытянутыя отверстія, считающихся болѣе древними[4]). Указаніе продавца на происхожденіе предмета изъ Ольвіи нѣтъ основаній признавать ложнымъ. Нашъ свѣтильникъ, вѣроятно, представляетъ александрійское издѣлье, а торговыя сношенія Ольвіи съ Александріей и вліяніе Александріи на ольвійское искусство достаточно доказаны, особенно послѣ изслѣдованій Б. В. Фармаковскаго[5]) и Э. Р. фонъ-Штерна[6]). Краснолаковыя терракоты эллинистическаго и римскаго времени изъ Малой Азіи, острововъ и Египта не необычны въ числѣ ольвійскихъ находокъ[7]).

Не входя здѣсь въ разсмотрѣніе миѳологіи и иконографіи Беса[8]), отмѣчу, что на александрійскихъ терракотовыхъ лампочкахъ и другихъ фигуркахъ его изображеніе встрѣчается нерѣдко. Въ моей коллекціи имѣется верхняя часть небольшой недурной терракотовой статуэтки, представляющей Беса съ мечомъ и въ коронѣ изъ перьевъ. Бывшее собраніе В. С. Голенищева, извѣстное своимъ единственнымъ въ своемъ родѣ

[1]) Рисунки 2—13 къ настоящей статьѣ помѣщены на таблицахъ III и IV.

[2]) G. Loeschcke, Antike Laternen und Lichthäuschen (*Bonner Jahrbücher*, 118). Bonn 1910, pp. 395—8. О свѣтильникахъ-статуэткахъ см. Toutain въ словарѣ *Daremberg–Saglio*, 1324.

[3]) Taf. XXXIV, 1—3. Первая изъ этихъ терракотъ имѣетъ на себѣ два изображенія Беса; подобныя были уже извѣстны Кралю, Gjölbaschi, p. 93, № 96 (№ 73).

[4]) *Извѣстія И. Арх. Комм.* VIII, 57 и др.

[5]) Olbia 1901—8. *Изв. И. Арх. Комм.* XXXIII (1909), стр. 128—136. *Comptes rendus du Congrès international d'arch. classique. Le Caire*, p. 229.

[6]) *Comptes rendus du Congrès internat. d'arch. classique. Le Caire* 1909, p. 227—9.

[7]) Особ. извѣстный сосудъ-свѣтильникъ, изображающій Силена у амфоры (*Изв. И. К. А.*, вып. 8, табл. IV и вып. 33, fig. 56), признаваемый теперь Б. В. Фармаковскимъ за александрійскій (*Извѣстія*, вып. 33, p. 130).

[8]) Кромѣ старой, неоднократно указывавшейся статьи Краля, см. объ этомъ только что появившуюся статью Ф. В. Баллода, Глиняная ваза № 2185 (изъ б. коллекціи В. С. Голенищева), въ 1-мъ выпускѣ текста къ изданію «Памятники Музея изящныхъ искусствъ имени Имп. Александра III въ Москвѣ».

подборомъ изображеній Беса, обладаетъ, между прочимъ, тремя терракотовыми свѣтильниками, представляющими: а) Беса сидящимъ на гусѣ (рис. 3; № 2573; 6 см. д. × 7 см. ш.), б) голову Беса съ короной изъ перьевъ на головѣ (рис. 4; № 2351; 16 см. д. × 5,5 см. ш.), причемъ вытянутое отверстіе для фитиля указываетъ на время до Р. Х. [1]), в) женскую форму Беса въ греческомъ платьѣ и коронѣ изъ перьевъ, съ тимпаномъ въ рукахъ (рис. 5; № 2609; 12 см. д. × 5 см. ш.). Кромѣ того, въ Москвѣ имѣется свѣтильникъ терракота, представляющій голову Беса [2]); отверстія помѣщены внизу, какъ и на нашемъ свѣтильникѣ (рис. 6).

Женская форма Беса на № 2609 Московскаго собранія (рис. 5), какъ и на нашемъ свѣтильникѣ, является совершенно подобною мужской, а вовсе не самостоятельною богинею, какъ Хаторъ, Тауэртъ [3]) и т. п. Такую же женскую форму мы встрѣчаемъ на группѣ изъ зеленой пасты № 2658 (4,1 см. в. × 3 см. ш.) той же коллекціи (рис. 7). Бесъ и его супруга изображены въ коронахъ изъ перьевъ; они стоятъ обнявшись [4]). Подобная же поза придана имъ на небольшой бронзовой группѣ № 2637 (3 см. в.), помѣщенной на подставкѣ въ видѣ колонки, отъ которой сохранилась только верхняя часть (рис. 8). На такой же подставкѣ, но сохранившейся въ цѣломъ видѣ, имѣются въ той же коллекціи двѣ интересныя группы цѣлой семьи Беса (рис. 9 и 10): на головѣ стоящей съ зеркаломъ и младенцемъ въ рукахъ женской нагой фигуры изображенъ играющій и подплясывающій мужской Бесъ въ странномъ головномъ уборѣ [5]).

Затѣмъ слѣдуетъ указать на попадающіяся въ музеяхъ фигурки Беса, сидящаго на плечахъ своей паредры. Таковы фигурки № 2538 бывшей коллекціи В. С. Голенищева—деревянная, въ головномъ уборѣ изъ перьевъ, на половину обломанномъ, 16 см. в. (рис. 11), и № 2547 (9 см. в. × 3,5 см. ш.)—изъ бѣлой пасты съ черными точками, можетъ быть,

---

[1]) Б. В. Фармаковскій, *Изв. И. Археолог. Комм.* VIII, 57. Wiegand-Schrader, Priene, p. 458.

[2]) Изъ коллекціи Г. И. Лукіанова, въ Музеѣ изящныхъ искусствъ на правахъ храненія. Подобный же свѣтильникъ имѣется и въ б. коллекціи В. С. Голенищева.

[3]) См. Krall, Gjölbaschi, p. 82, 39.

[4]) Такая же фигурка, но худшей сохранности, имѣется въ Каирскомъ музеѣ. См. Daressy, Catal. général. Statues de divinités, II, pl. LIX, № 39269. Описаніе см. въ XXVIII томѣ Catalogue, p. 317. Относится къ птолемеевской эпохѣ.

[5]) Вѣроятно въ стилизованномъ уборѣ изъ перьевъ.

передающими шкуру пантеры (рис. 12). Прекрасная статуэтка этого рода пріобрѣтена проф. Н. И. Веселовскимъ въ Петербургѣ для музея факультета Восточныхъ языковъ. Она изъ синей пасты; издается нами (рис. 13*а* въ полуоборотѣ спереди и 13*б* — сзади) въ натуральную величину [1]).

Иногда фигурки Беса бываютъ двойныя — на обѣ стороны обращены сросшіяся спинами изображенія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ одно изъ нихъ представляетъ женскую форму, хотя также имѣющую бороду [2]). Гораздо чаще такія фигурки изображаютъ Бесовъ одного и того же пола.

Всѣ эти и другія подобныя изображенія ставятъ вопросъ о пардрахъ и потомствѣ Беса. До сихъ поръ еще имъ не занимались; на него не обратили вниманія ни Краллъ, ни Видеманъ, ни Ланцоне. Возможно, что четы и семейныя группы Беса, фигурки Беса съ младенцемъ въ рукахъ [3]) или его самого въ видѣ младенца [4]) и т. п. найдутъ себѣ объясненіе въ роли этого божества, какъ охранителя юнаго Гора [5]) и, подобно Тауэртъ, покровителя домашняго очага и семейнаго благополучія. Въ 1905—6 г. Quibell во время раскопокъ въ Саккара нашелъ въ одномъ изъ кварталовъ древняго Мемфиса „The Bes Chambers", которыя онъ считаетъ ἀφροδίσια; стѣны ихъ были „украшены" безобразными фигурами „Беса", держащаго женщину меньшей высоты. Quibell считаетъ женскія фигуры изображающими женскую форму Беса

[1]) Найденная на Кипрѣ подобная же фигурка была извѣстна еще Краллю, Gjölbaschi, p. 93, № 97 (Nr. 74). Интересна туринская бронзовая фигурка, изданная у Lanzone, Dizionario, tav. LXXV, 2: Бесъ играетъ на киѳарѣ, а богиня, на плечахъ которой онъ стоитъ, бьетъ въ тимпанъ.

[2]) Lanzone, Dizionario, tav. LXXV, 1 (Туринскій музей). Fabretti-Rossi-Lanzone, Regio Museo di Torino, p. 50. № 650.

[3]) Напр. Lanzone, Dizionario, p. 221, 33.

[4]) Напр. Krall, o. c., p. 93, № 101 (Nr. 71).

[5]) Ср. довольно многочисленныя статуэтки, представляющія Беса нянчащимъ младенца Гора. Напр. Krall, o. c. p. 89 (83—Nr. 60, 85—Nr. 54), Каирскій музей № 38729 (Daressy, o. c. pl. XL), № 2556 б. коллекціи В. С. Голенищева и др. Помѣщаемыя при фигуркахъ этого рода обезьяны едва ли обязаны своимъ присутствіемъ усматриваемому Кралемъ (l. c.) сближенію Беса съ «Achtgötter» — ермопольской огдоадой; скорѣе здѣсь можно видѣть тѣхъ обезьянъ, которыя вмѣстѣ съ Бесами-Хити были спутниками Хаторъ при ея шествіи изъ Нубіи и плясали въ то время, какъ «Бесы» ударяли въ тимпаны. См. Junker, Der Auszug der Hathor. *Abh. d. K. Preuss. Akad. Anhang.* 1911, p. 45.

(„goddess") [1]). Мы склонны полагать, что въ данномъ случаѣ скорѣе дѣло можетъ идти объ обитательницахъ этихъ спеціальныхъ помѣщеній. Бесъ былъ патрономъ ихъ. Ср. татуировку въ видѣ фигурки Беса на ногахъ купальщицы Московскаго собранія (статья проф. В. К. Мальмберга въ 1-мъ вып. текста къ изданію „Памятники Музея изящныхъ искусствъ). Супруга Беса всегда изображалась въ видѣ, близко подходящемъ къ его подобію. Поэтому и фигурки Беса на плечахъ у женской фигурки мы не можемъ признать изображеніемъ четы Бесовъ.

Б. Тураевъ.

[1]) Excavations of Saqqara. Service des antiquités de l'Egypte. Le Caire 1907. Pl. 12—14. 28—30. Pl. XXVI—XXVIII.

Двѣ панаѳинейскія амфоры, найденныя въ южной Россіи въ 1911 году.

(Табл. V и VI).

I.

Въ 1911 году среди находокъ изъ Керчи въ Императорскую Археологическую Коммиссію поступили подъ №№ 38—41 „панаѳинейская амфора съ изображеніемъ флейтиста, играющаго на двойной флейтѣ между двухъ судей, опирающихся на посохи; простой одноручный сосудъ изъ глины плохой сохранности и два желѣзныхъ наконечника отъ копій“ [1]). Эти предметы найдены были въ четырехугольной могилѣ дл. 1,65 м., шир. 0,67 м. и глуб. 0,56 м., суживающейся къ низу.

Форма найденнаго „панаѳинейскаго“ сосуда типична. Это—амфора съ сильно утолщеннымъ профилемъ, двумя вертикально поставленными ручками и широкимъ горломъ (см. табл. V). Высота сосуда—0,48 м., ширина горла—0,16 м., ширина внизу ножки—0,135 м. Глина, изъ которой сдѣлана ваза, ярко-краснаго оттѣнка, лакъ росписи черный, слегка переходящій въ оливковый тонъ, ровно обожженный, блестящій. Контуры и подробности въ рисункѣ фигуръ сдѣланы рѣзцомъ. Подъ высокимъ вѣнчикомъ вазы, покрытымъ черннымъ лакомъ, на горлѣ помѣщенъ орнаментъ, повторяющійся на обѣихъ сторонахъ сосуда и состоящій изъ стилизованныхъ листьевъ и цвѣтковъ лотоса, обращенныхъ вверхъ и внизъ отъ проходящей въ центрѣ плетенки. Подъ помянутымъ фризомъ за рельефнымъ валикомъ расположенъ рядъ окаймленныхъ черными полосками язычковъ. Нижняя, крытая чернымъ лакомъ часть вазы окаймлена внизу пурпурной полоской, подобной той, которая отдѣляетъ эту часть вазы отъ главнаго поля съ фигурами; у ножки ваза украшена вѣнцомъ стилизованныхъ листьевъ, исполненныхъ лакомъ по свѣтлому фону.

[1]) Изъ рапорта В. В. Шкорпила въ Имп. Археолог. Коммиссію отъ 30 апрѣля 1911 г., № 48.

Главное поле сосуда съ одной стороны (табл. V, *А*) занято изображеніемъ Аѳины, обращеннымъ влѣво (отъ зрителя). Богиня изображена идущей; въ лѣвой рукѣ она держитъ щитъ съ изображеніемъ Пегаса, въ поднятой правой—копье. На головѣ Аѳины шлемъ съ очень высокимъ гребнемъ, заходящимъ за полоску орнамента изъ язычковъ и украшеннымъ рядомъ процарапанныхъ крючковъ и пурпурной полоской, подчеркивающей верхній контуръ гребня (наложена по черному лаку). Грудь богини покрыта эгидой съ змѣями по краю. Длинный хитонъ ниспадаетъ вертикальными складками, помѣченными волнистыми, прерывающимися линіями, и оканчивается внизу волнообразной процарапанной чертой. Хитонъ украшенъ въ нижней части оборкой, изображенной посредствомъ вертикальныхъ процарапанныхъ полосокъ, между которыми находятся ряды кружковъ. Кромѣ того, по всему хитону разбросаны процарапанные кружки и крестики и кое-гдѣ пурпурныя точки. Такія же точки окаймляютъ щитъ между линіей края и двумя концентрическими кругами, заключающими изображеніе Пегаса, сдѣланное бѣлой краской, положенной сверхъ лака. Для нѣкоторыхъ деталей у Аѳины также примѣнена бѣлая краска: ею покрыты лицо, ноги, рука. Краска положена по черному лаку, небрежно.

Направо и налѣво отъ Аѳины изображены двѣ колонны съ дорическими сплющенными капителями. На колоннахъ стоятъ пѣтухи. У нихъ гребешки, бородки и пятна на бокахъ сдѣланы пурпуромъ, глаза—въ видѣ круговъ съ точками въ центрѣ, опереніе показано процарапанными черточками. Перья въ хвостахъ поставлены вѣерообразно; два верхнихъ пера больше остальныхъ. Ноги пѣтуховъ отдѣляются отъ абака капители ломаной линіей. Подъ колоннами и фигурой Аѳины идетъ пурпурная линія, окаймляющая сосудъ и съ обратной стороны. Параллельно этой линіи немного ниже идетъ другая такая же линія, сдѣланная по верхнему краю покрытой чернымъ лакомъ нижней части сосуда.

На другой сторонѣ вазы (табл. V, *Б*) изображены три фигуры. Посрединѣ, на черномъ пьедесталѣ, перерѣзанномъ тремя горизонтальными линіями (вѣроятно—ступени), стоитъ обращенный вправо флейтистъ—мужчина съ слабо намѣченной бородой, въ длинной бѣлой одеждѣ, окаймленной внизу черной полосой съ рядомъ процарапанныхъ крючковъ. Голова его повязана пурпурной лентой. Онъ держитъ въ рукахъ двойную флейту, поддерживаемую у рта повязкой.

По сторонамъ флейтиста двѣ фигуры: налѣво (за спиной музыканта) мужчина, стоящій грудью къ зрителю, съ головой, повернутой направо; мужчина съ другой стороны музыканта изображенъ со спины. Оба мужчины стоятъ въ одинаковыхъ позахъ, со скрещенными ногами, опираясь на палки, поставленныя на пьедесталъ, гдѣ стоитъ музыкантъ. Плащъ, накинутый на лѣвое плечо, ниспадаетъ спереди, образуя складки, напоминающія своимъ рисункомъ расположеніе перьевъ въ хвостѣ ласточки. Бороды мужчинъ сдѣланы пурпуромъ по черному лаку; такъ же сдѣланы разбросанныя по одеждѣ точки и повязки на головахъ. Эти двѣ фигуры, повидимому, изображаютъ судей, присутствующихъ при состязаніи [1]).

Изображеніе Аѳины между двумя колоннами съ пѣтухами, орнаментъ, распредѣленіе изображеній и форма сосуда являются типичными для панаѳинейскихъ амфоръ. Однако, на нашемъ сосудѣ не имѣется надписи, какъ на панаѳинейскихъ амфорахъ. Вслѣдствіе этого, какъ показалъ Браухичъ [2]), наша ваза должна быть отнесена къ разряду псевдо-панаѳинейскихъ. Конечно, это обстоятельство не уменьшаетъ интереса находки въ Керчи. Съ другой стороны, для опредѣленія времени нашей вазы мы должны естественно пользоваться указаніями настоящихъ панаѳинейскихъ амфоръ, новая классификація которыхъ предложена была Браухичемъ [3]). Результаты работы этого ученаго принимаетъ Б. Грефъ [4]).

То, что роспись нашей вазы исполнена въ чернофигурной техникѣ, еще не даетъ намъ права дѣлать заключенія о времени ея происхожденія, ибо росписи панаѳинейскихъ сосудовъ издавна дѣлались въ старомъ стилѣ, представляли намѣренную архаизацію. Это обстоятельство хорошо извѣстно. Наша амфора, однако, не представляетъ, очевидно, произведенія, подражающаго только архаическому. За это говоритъ прежде всего самая форма сосуда. Тяжелыя пропорціи, широкое горло и высоко поставленный широчайшій діаметръ туловища сосуда категорически

---

[1]) Ср. Стефани въ *Отчетѣ Имп. Археолог. Коммиссіи* за 1876 г., стр. 88—89.
[2]) G. v. Brauchitsch, Die Panathenaischen Preisamphoren, Leipzig, 1910, стр. 1.
[3]) Ср. Brauchitsch, ук. соч., стр. 2.
[4]) B. Graef, Die antiken Vasen von der Akropolis zu Athen, II, стр. 109.

указываютъ на происхожденіе нашей вазы еще изъ архаической эпохи [1]). Въ то же время характерные профили дѣйствующихъ лицъ агона, глаза фигуръ, поставленные въ фасъ, складки одежды судей, напоминающія рисункомъ расположеніе перьевъ въ хвостѣ ласточки, даютъ намъ указанія, что мы имѣемъ дѣло съ росписью времени конца чернофигурнаго стиля [2]). Но мы можемъ, благодаря труду Браухича и находкамъ съ аѳинскаго акрополя, изданнымъ Грефомъ, датировать нашу амфору точнѣе. Форма ея обычна для панаѳинейскихъ амфоръ конца VI вѣка до Р. Хр. [3]). Стиль рисунковъ на ней позволяетъ указать даже годы, на которые можетъ падать изготовленіе вазы.

Среди обломковъ, найденныхъ на аѳинскомъ акрополѣ, встрѣчаются близкія аналогіи изображеніямъ на нашей вазѣ; таковы въ изданіи Грефа №№ 938 [4]), 939 *b*, *a* [5]), 947 [6]), 1060 *a*, *b* [7]). Фрагменты подъ №№ 947 и 1060 *a*, *b* имѣютъ сюжетомъ, подобно нашей амфорѣ, мусическое состязаніе [8]). На первомъ фрагментѣ изображено было, повидимому, состязаніе на флейтѣ. Сохранились только стоящій слѣва судья и край бѣлой одежды флейтиста. На черепкѣ № 1060 *a*, *b* мы видимъ двѣ фигуры на пьедесталѣ, изъ которыхъ правая, очевидно, представляетъ флейтиста, а лѣвая, вѣроятно, пѣвца, поющаго подъ аккомпанементъ флейты [9]). Направо отъ нихъ—судья, опирающійся на посохъ, поставленный на верхнюю ступень пьедестала. Эта послѣдняя фигура по позѣ, характеру профиля и складокъ одежды какъ нельзя болѣе походитъ на фигуру судьи на нашей вазѣ. Мы получимъ полную аналогію, если къ сохранившейся верхней части фигуры дополнимъ ноги съ фрагмента № 939 *b*.

Предположеніе Грефа [10]), что фрагментъ 939 *a* принадлежалъ тому же сосуду, что и фрагментъ 939 *b*,—находитъ сильное подтвержденіе въ картинѣ нашей амфоры. Характеръ складокъ одежды Аѳины, укра-

[1]) См. Brauchitsch, ук. соч., стр. 85.
[2]) Ср., напр., стиль фигуръ и складокъ на мюнхенской гидріи, изданной у Furtwängler-Reichhold, Griechische Vasenmalerei, II, стр. 69.
[3]) Ср. Brauchitsch, ук. соч., № 31 (рис. 10) и № 27 (рис. 3 на таблицѣ).
[4]) Graef, ук. соч., II, табл. 56.
[5]) Тамъ же, табл. 58.
[6]) Тамъ же, табл. 61.
[7]) Тамъ же, табл. 62.
[8]) Тамъ же, II, текстъ, стр. 112.
[9]) Тамъ же, стр. 122.
[10]) Тамъ же, стр. 112.

шеній ея и края щита настолько близки къ нашему изображенію, что нельзя сомнѣваться въ одинаковости времени ихъ происхожденія. То же самое можно сказать и о черепкѣ № 938. Обломокъ щита съ Пегасомъ и эгида вполнѣ аналогичны изображеніямъ на нашей вазѣ.

Грефъ, распредѣляя эти черепки по классификаціи Браухича, относитъ ихъ къ разнымъ серіямъ. Обломки № 938, 939 *a*, *b* и 947 онъ считаетъ принадлежащими къ серіи IV-й, № 1060 *a*, *b*—къ серіи VI-й. Но съ этимъ раздѣленіемъ трудно согласиться. Не говоря о соблазнительной мысли соединить въ одну группу черепки, столь близкіе по стилю одинъ къ другому, мы во всякомъ случаѣ не можемъ отнести №№ 938 и 939*a* къ установленной Браухичемъ IV-й серіи [1]). Браухичъ на основаніи полной близости между собою вазъ этой серіи предполагаетъ даже, что всѣ онѣ вышли изъ одной мастерской. Акропольскіе обломки №№ 939 и 938 показываютъ, напротивъ, отсутствіе ряда характерныхъ признаковъ этой группы (складки одежды, исходящія изъ одной точки, красный край щита, детально сдѣланную чешую эгиды [2]). Сходство глины и лака, указываемое Грефомъ, намъ кажется недостаточнымъ, чтобы вести къ тѣмъ выводамъ, которые дѣлаетъ этотъ ученый.

Что касается классификаціи другихъ черепковъ съ аѳинскаго акрополя, то по ихъ репродукціямъ дѣлать какіе-либо точные выводы трудно, но дѣло облегчается, если принять во вниманіе стилистическую близость ихъ къ нашей амфорѣ. Мы уже указали на сходство формы и величины (44—48 см.) нашей амфоры съ амфорой № 31 изъ серіи VI Браухича. Красныя точки, окаймляющія щитъ на нашей амфорѣ и на обломкахъ № 938 и 939а, являются также типичными для этой группы [3]). Съ другой стороны Пегасъ, какъ украшеніе щита,—одинъ изъ отличительныхъ признаковъ панаѳинейскихъ вазъ, выдѣленныхъ Браухичемъ въ V-ю группу [4]). Къ несчастію, щитъ на обломкѣ № 939*a* настолько поврежденъ [5]), что мы не можемъ возстановить изображеннаго на немъ; но, мнѣ кажется, и приведенныхъ выше аналогій достаточно, чтобы, не рискуя ошибиться, отнести разсматриваемыя нами вазы къ V—VI серіи Браухича, т. е. къ 515—510 годамъ до Р. Хр.

[1]) Brauchitsch, ук. соч., стр. 17—18.

[2]) Тамъ же, стр. 17.

[3]) Тамъ же, стр. 26.

[4]) На другихъ вазахъ Пегасъ, какъ украшеніе щита, встрѣчается и позже, напр., на сосудахъ Оникима. Ср. Hartwig, Meisterschalen, табл. LVI.

[5]) Graef, ук. соч., текстъ, стр. 112.

II.

Браухичъ считаетъ псевдо-панаѳинейскими вазы, по росписи совершенно одинаковыя съ панаѳинейскими, но не имѣющія оффиціальной надписи, свидѣтельствующей объ ихъ отношеніи къ панаѳинейскимъ состязаніямъ и, стало быть, характерной для настоящихъ панаѳинейскихъ вазъ. Съ доводами Браухича нельзя не согласиться.

Опираясь на сообщеніе Аристотеля (см. ниже стр. 89) и эпиграфическихъ документовъ, Браухичъ замѣчаетъ: „Надо остерегаться дѣлать на основаніи ихъ (т. е. псевдо-панаѳинейскихъ амфоръ) какія-либо заключенія относительно панаѳинейскихъ состязаній“ [1]). Попутно Браухичъ дѣлаетъ выпадъ въ сторону Гейнце [2]), пытавшагося на основаніи изображеній мусическихъ агоновъ на амфорѣ безъ надписи выводить заключенія о призахъ на панаѳинейскихъ состязаніяхъ. Мы увидимъ ниже, что новая счастливая находка подлинной панаѳинейской амфоры съ изображеніемъ мусическаго агона является наглядным опроверженіемъ взглядовъ Браухича; однако, и независимо отъ этой находки, съ его предположеніями согласиться невозможно. Самъ Браухичъ говоритъ о существовавшемъ спросѣ на подражанія панаѳинейскимъ амфорамъ [3]). Было бы трудно предположить, что такія подражанія, предлагавшіяся покупателямъ, изображали состязанія, за которыя въ видѣ приза амфоры вообще не давались. Если художники не имѣли права ставить на амфорахъ, представлявшихъ подражаніе панаѳинейскимъ, государственное клеймо (извѣстную надпись), то во всемъ остальномъ украшеніи вазы они могли, очевидно, слѣдовать оригиналамъ. Наша пантикапейская амфора по своей формѣ, орнаменту, лицевому изображенію представляетъ типичный панаѳинейскій сосудъ. Сомнительно, чтобы художникъ на обратной сторонѣ вздумалъ изобразить агонъ, никогда не премировавшійся амфорами.

Вообще мы должны принять во вниманіе существованіе двухъ группъ подражаній, между которыми и Браухичъ намѣчаетъ различія. Съ одной стороны мы имѣемъ подражанія настоящимъ сосудамъ точно воспроизводящія настоящія панаѳинейскія амфоры, но опускающія

[1]) Brauchitsch, ук. соч., стр. 2.
[2]) Heinze, *Bonner Studien*, т. стр. 240.
[3]) Brauchitsch, ук. соч., стр. 1, 75

только надписи; съ другой—вазы, роспись которыхъ сдѣлана только какъ бы подъ вліяніемъ стиля панаѳинейскихъ. Къ таковымъ относятся сосуды, гдѣ рядомъ съ изображеніемъ Аѳины появляются другія фигуры, напр. Гермесъ [1]) или жрица [2]), или сосуды, расписанные въ краснофигурной техникѣ. Послѣдняя категорія вазъ, конечно, не можетъ служить для какихъ-либо выводовъ относительно панаѳинейскихъ состязаній. Она слишкомъ далека отъ настоящихъ амфоръ; здѣсь слишкомъ широкое поле заняла фантазія художниковъ, измѣнявшихъ часто и форму сосудовъ и традиціонное изображеніе Аѳины съ пѣтухами на колоннахъ. Такія вазы, очевидно,—не копіи и не воспроизведенія панаѳинейскихъ. Указанное разграниченіе дѣлаетъ уже Стефани [3]), правда, причисляя первую категорію подражаній къ настоящимъ панаѳинейскимъ сосудамъ, но исключая вторую, въ противоположность Гергарду.

Итакъ, наша пантикапейская амфора представляетъ копію панаѳинейскаго сосуда конца VI-го столѣтія, съ изображеніемъ мусическаго состязанія. Возможно даже, что наша ваза была изготовлена въ тѣхъ же мастерскихъ, гдѣ дѣлались панаѳинейскія вазы, и, можетъ быть, предназначалась даже для приза на панаѳинейскихъ состязаніяхъ, но по какимъ-то причинамъ надпись на вазѣ не была сдѣлана, и ваза такимъ образомъ осталась безъ государственнаго клейма.

Плутархъ [4]) говоритъ о реформѣ панаѳинейскихъ состязаній, произведенной Перикломъ. Ему приписывается введеніе мусическаго агона въ выстроенномъ для этой цѣли одеонѣ. Но, какъ доказалъ А. Моммсенъ [5]), мусическія состязанія происходили и раньше, и свѣдѣнія Плутарха, очевидно, не точны [6]).

Если фактъ, что въ до-перикловское время происходили мусическія состязанія, можетъ считаться общепризнаннымъ, то вопросъ о томъ, награждались ли побѣдители въ нихъ священнымъ масломъ въ амфорахъ, до сихъ поръ оставался открытымъ или рѣшался отрицательно (Браухичъ, Грефъ). Мы видѣли, что это послѣднее мнѣніе нельзя

[1]) *Annali dell'Instituto*, II, табл. 1; Gerhard, Auserlesene Vasenbilder, 66, 247.
[2]) Heinze, ук. соч., стр. 240.
[3]) *Отчетъ Имп. Арх. Коммиссіи* за 1876 г., стр. 56—57.
[4]) Plut., Pericl., 13.
[5]) Aug. Mommsen, Die Feste der Stadt Athen, стр. 62.
[6]) См. подробности у Cahen, Panathenaia, у Daremberg-Saglio, Dictionn. des antiquités grecques et romaines, IV, стр. 303 сл.

считать основательнымъ. Подтвержденіе нашимъ выводамъ даетъ картина на вновь найденной панаѳинейской амфорѣ, къ изученію которой мы и переходимъ.

III.

Въ 1909—11 годахъ раскопками А. А. Миллера въ Танаисѣ былъ обнаруженъ рядъ древнихъ погребеній разнаго времени[1]). Одною изъ самыхъ замѣчательныхъ находокъ 1911 года является большой панаѳинейскій сосудъ, который удалось собрать изъ множества черепковъ (табл. VI).

На лицевой сторонѣ сосуда (А), украшенной традиціонной фигурой Аѳины, лакомъ написано:

Τ Ο Ν Α … Ε Ν … Ε Θ Ε Ν … Α Θ Λ Ο Ν

Это—государственное клеймо, удостовѣряющее происхожденіе вазы, выданной, какъ призъ, съ священнымъ масломъ на панаѳинейскихъ играхъ побѣдителю.

Пропорціи сосуда, имѣющаго выс. 0,545 м. и наибольшую ширину въ діаметрѣ 0,35 м., болѣе легки, чѣмъ у описанной выше (гл. 1) амфоры. Горло выше и сравнительно тоньше, туловище образуетъ при переходѣ въ ножку небольшое цилиндрическое удлиненіе. Лакъ хорошей сохранности, черный, блестящій, глина свѣтлая, желтоватаго оттѣнка. Роспись исполнена въ чернофигурной техникѣ съ процарапанными линіями и примѣненіемъ для деталей накладныхъ бѣлой краски и пурпура. Подъ высокимъ вѣнчикомъ, покрытымъ сплошь чернымъ лакомъ, полоса довольно небрежно исполненнаго орнамента изъ цвѣтовъ лотоса и лепестковъ, обращенныхъ вверхъ и внизъ, какъ на вазѣ изъ Керчи. Ниже—полоса черныхъ язычковъ, очерченныхъ по сторонамъ линіями по свѣтлому фону.

Широкое поле, отведенное фигурнымъ изображеніямъ, занято на лицевой сторонѣ фигурой Аѳины между двумя колоннами съ пѣтухами на нихъ. Богиня, идущая налѣво, держитъ въ поднятой правой рукѣ копье, въ лѣвой—щитъ съ изображеніемъ лавроваго вѣнка, листья котораго, первоначально бѣлые, теперь съ трудомъ различимы; вѣтвь вѣнка обозначена рѣзнымъ кругомъ; два рѣзныхъ концентрическихъ круга обозначаютъ наружный край щита. Фигура Аѳины очень вытянутая,

[1]) См. *Изв. И. А. Ком.*, вып. 35, стр. 86 сл.

съ непропорціонально маленькой головой и длинными руками и ногами. На богинѣ длинный хитонъ, по всему полю котораго разбросаны обозначенные рѣзьбою крестики, окруженные точками, сдѣланными бѣлой краской. По низу хитона идутъ четыре обозначенныя рѣзьбою линіи. Поверхъ хитона наброшенъ гиматій. Складки его, обозначенныя рѣзьбою, идутъ отъ средины фигуры и образуютъ зигзаги въ видѣ рисунка перьевъ въ хвостѣ ласточки. Гиматій окаймленъ внизу пурпурной полосой и кое-гдѣ пересѣченъ короткими двойными линіями, обозначенными рѣзьбою. Грудь съ контурами, приближающимися къ трехугольнику, закрыта эгидой съ змѣями по внѣшнему краю и съ небрежно показанной чешуей, обозначенной процарапанными мелкими черточками. Рукавъ гиматія на правой рукѣ украшенъ большой звѣздой, сдѣланной рѣзьбою. Голова Аѳины съ неестественно выступающимъ подбородкомъ, длиннымъ носомъ и неправильно низко поставленнымъ глазомъ покрыта шлемомъ съ высокимъ гребнемъ, который украшенъ въ верхней части рядомъ бѣлыхъ кружочковъ между обозначенными рѣзьбою тремя линіями. По верху гребня идетъ пурпурная полоса. Длинная прядь волосъ спускается почти до пояса. Лицо, руки и ноги богини были первоначально покрыты бѣлилами (по черному лаку), но краска стерлась на всемъ лицевомъ изображеніи. По бокамъ Аѳины—колонны съ дорическими капителями, абаки которыхъ неестественно велики. Слѣва пѣтухъ и верхняя часть колонны сильно повреждены, но, насколько можно разобрать, вполнѣ соотвѣтствуютъ правой. Туловище праваго пѣтуха вытянуто въ вертикальномъ направленіи, хвостъ поставленъ почти перпендикулярно къ торсу. Гребень и бородка очень маленькой головы пѣтуха сдѣланы пурпуромъ. Справа отъ лѣвой колонны помѣщена приведенная выше надпись, хорошо сохранившаяся, кромѣ одной буквы. Художникъ не вполнѣ вѣрно разсчиталъ мѣсто и поэтому сдѣлалъ послѣднія буквы тѣснѣе и мельче другихъ. Буквы читаются слѣва направо (сверху внизъ) и написаны древнимъ аттическимъ алфавитомъ.

На обратной сторонѣ вазы (Б) изображены три фигуры. Посрединѣ — обращенный вправо киѳаристъ, всходящій на подмостки съ тремя ступенями. На длинныхъ волосахъ его лежитъ лавровый вѣнокъ, лицо окаймлено бородой; глазъ поставленъ правильно въ профиль. Въ правой рукѣ музыкантъ держитъ плектръ, готовясь ударить по струнамъ, лѣвая рука видна за струнами киѳары.

Все тѣло киѳариста закрыто длинной одеждой, сдѣланной бѣлой краской, наложенной, какъ и на подмосткахъ, прямо на глину. Складки одежды, насколько можно разобрать (это мѣсто амфоры повреждено), были обозначены рѣзьбою въ краскѣ и слѣдовали движеніямъ тѣла. По бокамъ киѳариста двѣ фигуры. Слѣва—стоящій судья [1]) въ длинной одеждѣ съ высокой палкой въ лѣвой рукѣ; правая рука скрыта за складками одѣянія. Верхняя часть лица судьи не сохранилась; видны только подбородокъ, покрытый бородой, и часть носа. Складки одежды, процарапанныя по лаку, сдѣланы свободно и по движенію формъ. Справа отъ киѳариста видимъ фигуру безбородаго юноши съ вѣнкомъ на головѣ, сидящую въ креслѣ съ высокою спинкою и выгнутыми ножками. Глазъ сдѣланъ въ профиль, волосы отдѣляются отъ лица бахромой процарапанныхъ черточекъ. Рукъ не видно подъ длинной одеждой, но движеніе ихъ чувствуется за свободно намѣченными складками. Повидимому, фигура изображаетъ отдыхающаго агониста, ибо отсутствіе бороды и жезла указываетъ, что она не могла изображать судью [2]). Пурпуръ нигдѣ не примѣненъ на этой сторонѣ амфоры; бѣлая краска—только на пьедесталѣ и одеждѣ музыканта.

Подъ фигурными изображеніями на обѣихъ сторонахъ вазы сплошная черная лаковая облицовка; между нею и ножкой, также сплошь покрытой лакомъ, изображенъ по свѣтлому фону вѣнецъ изъ островерхихъ листьевъ.

Раньше, чѣмъ датировать нашу вазу, мы должны остановиться на послѣдней датировкѣ панаѳинейскихъ сосудовъ, предложенной Браухичемъ. Этотъ ученый старался показать [3]), что начиная съ V столѣтія (съ Клисѳена) выдѣлка панаѳинейскихъ амфоръ прекращается приблизительно на сто лѣтъ. Какъ награждались побѣдители за этотъ періодъ времени, Браухичъ не былъ въ состояніи рѣшить на основаніи имѣвшагося у него матеріала. Тотъ фактъ, что въ спискѣ извѣстныхъ до сихъ поръ амфоръ есть лакуна съ начала V вѣка вплоть по IV вѣкъ [4]), кажется ему достаточнымъ, чтобы вывести заключеніе о прекращеніи выдѣлки сосудовъ на столѣтіе. При аргументаціи этого положенія Браухичу приходится, однако, объяснять нѣкоторые факты не вполнѣ удовлетво-

[1]) См. Стефани, ук. ст. стр. 88.
[2]) Ср. Стефани, тамъ-же, стр. 89.
[3]) Brauchitsch, ук. соч., стр. 75—79.
[4]) Тамъ-же стр. 75.

рительно. Препятствіемъ является стихъ Пиндара: «καρπὸν ἐλαίας ἐν ἄγγεων ἕρκεσι παμποικίλοις». (Nem. 10, v. 36). Браухичъ [1]) полагалъ, что эту оду Пиндара можно отнести къ первому десятилѣтію V вѣка, но его доказательства страдаютъ натяжками. Такіе авторитетные комментаторы Пиндара, какъ Шредеръ [2]), относятъ 10-ую немейскую оду ко второй четверти V-го столѣтія.

Грефъ среди черепковъ, найденныхъ на аѳинскомъ акрополѣ, отличаетъ два [3]), одинъ изъ которыхъ былъ извѣстенъ и Браухичу. Его Грефъ относитъ къ V вѣку. Какъ Браухичъ, такъ и Грефъ полагаютъ, однако, что амфоры, которымъ принадлежали эти черепки, были не настоящими панаѳинейскими, а псевдо-панаѳинейскими [4]).

Конечно, черепокъ № 992, о которомъ упоминаетъ Браухичъ, слишкомъ незначителенъ, чтобы основывать что-либо на фактѣ его находки. И датировка пиндаровскихъ одъ настолько спорна, что не можетъ дать какихъ-либо точныхъ выводовъ; но, намъ кажется, самая группировка вазъ у Браухича недостаточно убѣдительна. Если мы просмотримъ серіи сосудовъ, относимыхъ Браухичемъ къ V вѣку, то замѣтимъ между первой серіей и остальными такъ много различій, что хронологическая близость ихъ окажется по крайней мѣрѣ сомнительной. Дѣйствительно, только сосуды первой серіи не датированы именами архонтовъ, и на колоннахъ по бокамъ Аѳины только здѣсь еще встрѣчаются пѣтухи. Но если эти перемѣны могутъ быть объяснены обязательными правительственными указаніями и, такимъ образомъ, можно было бы думать, что онѣ произошли внезапно, то другое различіе глубже. На сосудахъ первой серіи художники старались „возможно точнѣе подражать старымъ образцамъ въ ихъ формѣ, украшеніяхъ и фигурныхъ изображеніяхъ“, и фигура богини „неестественно вытянута“ [5]). Все это является типичнымъ для амфоръ первой серіи, и предположеніе Браухича, что это могло измѣниться въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, мало вѣроятно.

---

[1]) Тамъ-же, стр. 80.

[2]) Pindari Carmina, coll. Bergk, recens. Otto Schröder, стр. 70: «Carmen ante foedus inter Athenienses et Argivos ictum pugnasque boeoticas compositum esse patet».

[3]) Graef, ук. соч., таблица II, №№ 992 и 993 (Prov. 721, 722).

[4]) Brauchitsch, ук. соч., стр. 75; Graef, ук. соч., текстъ, II, стр. 117.

[5]) Brauchitsch, ук. соч., стр. 44.

Если мы отвергнемъ группировку Браухича, то вазы этой группы могли бы быть классифицированы слѣдующимъ образомъ. Ближе всего къ сосудамъ послѣдующихъ серій стоитъ амфора № 81 (іонійскій алфавитъ надписи, профиль Аѳины, упадочныя формы пѣтуховъ). Эти же черты типичны и для сосуда № 80, близость котораго по стилю къ № 81 заставила Браухича предположить одну мастерскую для обѣихъ амфоръ. Черепокъ № 82 слишкомъ незначителенъ, а сосудъ № 77 слишкомъ плохо сохранился, чтобы рисковать какимъ-либо опредѣленнымъ мнѣніемъ относительно ихъ датировки. Амфору № 76 Браухичъ считаетъ первымъ сосудомъ, относящимся ко второй (младшей) группѣ амфоръ. Онъ основываетъ свое мнѣніе на сравнительно ограниченномъ примѣненіи бѣлой краски и простомъ украшеніи одежды богини. Іонійская надпись заставляетъ насъ отнести этотъ сосудъ къ концу V или началу IV вѣка, чтобы избѣгнуть слишкомъ тѣснаго сближенія съ сосудами №№ 80 и 81, столь отличными отъ даннаго по стилю.

Гораздо труднѣе было Браухичу отнести къ IV столѣтію №№ 78 и 79. Въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ аттическій алфавитъ надписи и изображеніе лавроваго вѣнка на щитѣ Аѳины. Главное основаніе считать второй изъ этихъ сосудовъ принадлежащимъ къ IV вѣку Браухичъ усматриваетъ въ томъ, что въ описаніи его (этотъ сосудъ не изданъ) упоминается о „неотчетливомъ, дрожащемъ рисункѣ“ и „кажется, остались слѣды бѣлой краски на одеждѣ“ [1]). И доводы, которые приводитъ Браухичъ въ пользу принадлежности № 78 къ IV столѣтію (низкое качество лака, небрежное исполненіе), кажутся не достаточно убѣдительными, въ особенности передъ такимъ категорическимъ указаніемъ, какъ лавровый вѣнокъ, служащій украшеніемъ щита. Самъ Браухичъ приводитъ рядъ вазъ V вѣка, гдѣ на щитѣ фигурируетъ лавровый вѣнокъ [2]). Прибавимъ къ перечисленнымъ имъ вазамъ еще двѣ вазы свободнаго краснофигурнаго стиля, изданныя у Furtwängler-Reichhold, Griechische Vasenmalerei, табл. 58 и 116. Съ другой стороны изъ IV вѣка мы не имѣемъ такихъ примѣровъ. Необходимый выводъ изъ этого былъ бы тотъ, что лавровый вѣнокъ былъ моднымъ украшеніемъ щита приблизительно въ срединѣ V вѣка, исчезнувшимъ впослѣдствіи [3]).

[1]) Brauchitsch, ук. соч., стр. 48.

[2]) Тамъ-же, стр. 47.

[3]) Мы соглашаемся съ Браухичемъ (ук. соч., стр. 115) въ его опроверженіи старой точки зрѣнія на изображенія на щитѣ, какъ на символическій знакъ.

Аналогіи этому мы имѣемъ хотя бы въ изображеніи Пегаса на щитѣ (см. выше). Къ несчастію, ни та, ни другая изъ разсматриваемыхъ нами амфоръ не изданы, и это мѣшаетъ намъ ближе познакомиться съ ихъ стилемъ, но и сказаннаго достаточно, чтобы датировать ихъ никакъ не позже второй половины V столѣтія.

Удлиненныя пропорціи и высокое горло нашего тананскаго сосуда не позволяютъ отнести его къ VI вѣку. Съ другой стороны отсутствіе имени архонта и пѣтухи на колоннахъ даютъ намъ самый широкій terminus ante quem—70-е годы IV столѣтія.

Сравнивая постановку фигуръ на задней сторонѣ нашей амфоры и рисунки ихъ профилей—глазъ и рукъ—съ изображеніями на другихъ вазахъ, мы убѣдимся, что ближайшія аналогіи по стилю нашей вазы даютъ краснофигурныя вазы середины V столѣтія.

Что касается постановки, то къ фигурамъ сидящаго юноши и стоящаго судьи нашей амфоры подходятъ аналогичныя изображенія на вазахъ еще эпохи Дуриса и его школы [1]). Но Дуриса мы должны считать за terminus post quem нашего сосуда; на это указываетъ нѣсколько болѣе поздній стиль профилей и рукъ. Аналогіи ему мы можемъ найти въ живописи вазъ перикловa времени [2]). Эти данныя какъ нельзя больше совпадаютъ съ тѣмъ, что мы говорили по поводу изображеній лавроваго вѣнка [3]).

Итакъ, въ нашемъ сосудѣ мы имѣемъ панаѳинейскую амфору съ изображеніемъ мусическаго агона.

Важности этого послѣдняго обстоятельства мы коснемся ниже, пока же интересно установить то, что въ V столѣтіи несомнѣнно давалось священное масло въ расписныхъ сосудахъ, какъ призъ побѣдителямъ на панаѳинейскихъ состязаніяхъ. Наша амфора, какъ мы старались показать, является не единственной въ своемъ родѣ. Въ перечнѣ Браухича мы нашли два сосуда (№№ 78 и 79), повидимому, при-

---

[1]) Furtwängler-Reichhold, I, 54, 105; Rayet-Collignon, Hist. de la ceram. grecque, стр. 179.

[2]) Трактовка рукъ киѳариста и руки лѣвой фигуры является очень типичной для искусства этой эпохи. См., напримѣръ, очень похожія руки на вазахъ перикловa времени, изд. у Furtwängler-Reichhold, I, 7 и 29. Такъ же ясно на середину V вѣка указываетъ рисунокъ профиля. Изъ множества примѣровъ укажемъ хотя бы на Furtwängler-Reichhold, II, 118, 116.

[3]) На послѣдней изъ перечисленныхъ вазъ эпохи Перикла фигурируетъ лавровый вѣнокъ на щитѣ амазонки.

надлежащіе V вѣку. У Грефа изданы два обломка[1], на одинъ изъ которыхъ ссылается Браухичъ (см. выше), которые самъ издатель относитъ ко времени свободнаго краснофигурнаго стиля. Въ описаніи второго изъ нихъ Грефъ упоминаетъ о лавровомъ вѣнкѣ, украшавшемъ горло сосуда, и отмѣчаетъ, что такого рода украшенія типичны только для времени краснофигурнаго стиля[2]). Это наблюденіе служитъ ему основаніемъ считать черепокъ частію панаѳинейскаго сосуда. Для отнесенія къ этой категоріи сосудовъ перваго изъ изданныхъ имъ черепковъ онъ имѣетъ аналогичныя данныя и дѣлаетъ это на основаніи принимаемой имъ теоріи Браухича. Мы видимъ, что самый фактъ находки нашей амфоры опровергаетъ эти аргументы, но и безъ этого трудно предположить, чтобы среди сосудовъ, посвященныхъ Аѳинѣ, находились поддѣлки панафинейскихъ амфоръ.

У насъ получилась, такимъ образомъ, небольшая группа панаѳинейскихъ сосудовъ, относящихся къ V столѣтію. Предположеніе о полномъ прекращеніи выдѣлки ихъ больше, чѣмъ на столѣтіе, можетъ теперь считаться опровергнутымъ.

IV.

При изслѣдованіи амфоры изъ Керчи мы высказали предположеніе, что и за мусическія побѣды давалось въ качествѣ приза священное масло въ амфорахъ. Если псевдо-панаѳинейскіе сосуды съ изображеніями мусическихъ состязаній были извѣстны и раньше, то подлинная панаѳинейская амфора найдена впервые въ Танаисѣ, и мы имѣемъ, такимъ образомъ документальное подтвержденіе нашего предположенія. Исторія сохранила намъ нѣсколько документовъ, относящихся къ мусическимъ агонамъ панаѳинейскихъ состязаній. Это, во-первыхъ, свидѣтельство Аристотеля (ἔστι γὰρ ἆθλα τοῖς μὲν τὴν μουσικὴν νικῶσι ἀργύριον καὶ χρυσᾶ, τοῖς δὲ τὴν εὐανδρίαν ἀσπίδες, τοῖς δὲ τὸν γυμνικὸν ἀγῶνα καὶ τὴν ἱπποδρομίαν ἔλαιον)[3]) и, во-вторыхъ, эпиграфическій документъ начала IV-го столѣтія, говорящій о распредѣленіи призовъ[4]). Мы узнаемъ изъ надписи о награжденіи музыкантовъ деньгами и вѣнками, и вопросъ о томъ.

---

[1]) Graef, ук. соч. Таблицы, II, №№ 992, 993.
[2]) Тамъ же, текстъ, II, стр. 117.
[3]) Arist. Ἀθ. Πολ., 60, 3.
[4]) C. I. A. II, 965, fragm. a.

награждались ли они масломъ въ амфорахъ, долженъ быть на основаніи обоихъ свидѣтельствъ рѣшенъ отрицательно. Но нельзя забывать, что мы имѣемъ дѣло со свѣдѣніями, происходящими изъ IV вѣка. Интересно, что изъ этой эпохи мы не имѣемъ ни настоящихъ панаѳинейскихъ амфоръ, ни подражаній имъ съ изображеніями мусическихъ агоновъ.

Согласовать свидѣтельства вышеупомянутыхъ документовъ со свидѣтельствомъ, представляемымъ нашею амфорой, возможно, если принять во вниманіе, что данныя Аристотеля и надписи относятся только къ IV столѣтію. Танаисская амфора можетъ быть поэтому отнесена къ періоду до IV вѣка, что согласуется съ результатами, полученными нами инымъ путемъ.

Такимъ образомъ вѣроятное предположеніе А. Моммсена[1]), что до IV столѣтія мусическіе агонисты награждались наравнѣ съ остальными священнымъ масломъ, получаетъ новое подтвержденіе.

Въ V столѣтіи, въ періодъ, когда выдѣлывались панаѳинейскія амфоры, побѣдители мусическихъ состязаній награждались священнымъ масломъ. Какъ мы старались доказать выше, псевдо-панаѳинейскія амфоры VI столѣтія заставляютъ предполагать существованіе оригиналовъ, и слѣдовательно, мы не имѣемъ права сомнѣваться, что тотъ же обычай былъ распространенъ и въ VI вѣкѣ до р. Хр.

Грефъ, описывая черепки № 947 и 1060 *b*, считаетъ ихъ обломками псевдо-панаѳинейскихъ сосудовъ[2]). Съ его аргументами, какъ мы видѣли выше, согласиться нельзя, и если мы и не можемъ установить категорически подлинность этихъ амфоръ, то возможность этого все же велика. По всей вѣроятности, эти два сосуда должны заполнить тотъ пробѣлъ въ керамическомъ матеріалѣ VI вѣка, недостаточность котораго наряду со свидѣтельствами IV столѣтія давала главныя основанія для предположеній Браухича и Грефа.

То обстоятельство, что изъ всей панаѳинейской керамики IV вѣка сохранились только обломки этихъ двухъ сосудовъ проблематической подлинности, не должно смущать насъ. Если мы примемъ гипотезу Авг. Моммсена [3]), что мусическія состязанія были введены въ полномъ

[1]) Aug. Mommsen, Die Feste der Stadt Athen, стр. 63.
[2]) Graef, ук. соч., текстъ II, стр. 112.
[3]) Ук. соч., стр. 63.

ихъ размѣрѣ только Гиппархомъ, то незначительное количество сохранившихся сосудовъ не будетъ казаться намъ слишкомъ страннымъ. Дѣло въ томъ, что и сосудовъ, относящихся къ борьбѣ, мы имѣемъ изъ VI вѣка съ начала основанія панаѳинейскихъ состязаній всего три[1], и это не давало никому права сомнѣваться въ существованіи этого рода агоновъ.

Весьма вѣроятно, что тотъ же моментъ около 370-го года, который, по мнѣнію Браухича[2], былъ поворотнымъ отъ стараго типа амфоръ къ новому типу съ именами архонтовъ, точно датирующими сосуды, былъ и моментомъ прекращенія награжденія амфорами съ священнымъ масломъ за мусическія побѣды.

Н. Радловъ.

---

[1]) Brauchtisch, ук. соч., стр. 145.
[2]) Тамъ же, стр. 83.

Іонійская амфора съ Таманскаго полуострова.

(Табл. VII—XI).

Среди предметовъ, пріобрѣтенныхъ въ 1911 г. Императорской Археологической Коммиссіей и происходящихъ съ Таманскаго полуострова, видное мѣсто занимаетъ амфора, изображенная на табл. VII и VIII. Амфора была найдена близъ г. Тамани. Подробныхъ свѣдѣній объ обстоятельствахъ находки не имѣется.

Форма сосуда, имѣющаго высоту 0,325 м., характеризуется рѣзкимъ переходомъ отъ туловища къ горлу (діам. 0,095 м.), оканчивающемуся у верхняго края вѣнчикомъ въ видѣ эхина дорической капители. Высота горла вмѣстѣ съ вѣнчикомъ ок. 0,07 м., діаметръ вѣнчика 0,155 м. Сверху вѣнчикъ имѣетъ сперва почти горизонтальный срѣзъ, за которымъ слѣдуетъ легкое углубленіе въ видѣ желобка у самаго края отверстія вазы; общая ширина срѣза и желобка 0,03 м. На мѣстѣ соединенія горла и туловища амфоры снаружи сдѣланъ узкій выпуклый валикъ. Гладкія, плоскія ручки (см. рис. 1) имѣютъ ширину около 0,03 м.; ихъ толщина—0,01 м. Ручки нѣсколько выступаютъ изъ профиля туловища амфоры. Наибольшій діаметръ туловища ниже ручекъ 0,225 м. Ножка небольшая (выступаетъ на 0,025 м.), плоская, со слегка вогнутымъ профилемъ (діаметръ ея 0,11 м.) Снизу внутри ножки есть небольшое углубленіе. Горло амфоры было сдѣлано отдѣльно и затѣмъ приставлено къ туловищу; это видно по выдавившейся глинѣ внутри отверстія амфоры, на мѣстѣ соединенія туловища съ горломъ. Есть небрежность въ выдѣлкѣ формы (см. табл. VII, внизу у ножки). Амфора совершенно цѣла.

Глина, изъ которой сдѣлана амфора, свѣтлокрасная съ желтоватымъ оттѣнкомъ, довольно блѣдная, не южная малоазійская, судя по крайне малому количеству мельчайшихъ блестокъ слюды [1]). Снаружи ваза

[1]) Ср. Б. В. Фармаковскій, *Изв. Имп. Археолог. Комм.*, XIII (1906), стр. 217 сл. и «Обивки палучій изъ кургановъ Ильинецкаго и Чертомлыцкаго» въ *Сборникѣ, поднесенномъ гр. А. А. Бобринскому*, стр. 66.

покрыта чрезвычайно тонкимъ слоемъ желтоватой обмазки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обмазка стерлась, и виднѣющаяся матовая глина можетъ быть сопоставлена со слегка блестящей поверхностью обмазки (см. табл. VII, между передними ногами оленя). Обмазка такъ тонка, что въ мѣстахъ, подвергшихся сильному обжигу, совершенно не видна.

Рис. 1 (1/3).

Поверхъ обмазки ваза расписана темнокоричневымъ блестящимъ лакомъ, перешедшимъ подъ вліяніемъ неравномѣрнаго покрытія и обжига въ разные переливы тоновъ отъ черно-коричневаго до ярко-краснаго; часто переходы отъ одного тона къ другому весьма рѣзки вслѣдствіе спѣшности работы. Сплошнымъ слоемъ лака покрыты слѣдующія мѣста на амфорѣ: внутренняя часть вѣнчика вазы приблизительно на 0,01 м., весь вѣнчикъ снаружи, горло съ выпуклымъ валикомъ, ручки снаружи и снизу и ножка. Лакомъ же покрыты боковыя части туловища, въ которыя упираются ручки сосуда. Полосы лака (ср. рис. 1) начи-

паются вверху подъ выпуклымъ валикомъ и идутъ внизъ по туловищу до перваго горизонтальнаго лаковаго пояска. Ниже роспись состоитъ изъ шести горизонтальныхъ поясковъ. Лакъ ихъ коричневаго тона, положенъ небрежно. Ширина поясковъ различна, болѣе широки первый 0,01 м., третій 0,04 м. и шестой 0,02 м.; остальные пояски значительно уже.

Съ обѣихъ сторонъ на туловищѣ амфоры, въ пространствѣ, обрамленномъ съ боковъ упомянутыми вертикальными полосами, крытыми лакомъ, у ручекъ сверху—выпуклымъ валикомъ и снизу—первымъ изъ описанныхъ выше горизонтальныхъ поясковъ, изображено по одному пасущемуся чубарому оленю (damas vulgaris [1]), идущему влѣво. Эти рисунки составляютъ главное украшеніе амфоры. Непосредственно подъ выпуклымъ валикомъ надъ фигурами оленей коричневымъ лакомъ исполненъ орнаментъ изъ палочекъ или зубчиковъ (шир. 0,01 м.). Фигуры оленей написаны сплошнымъ силуэтомъ, темно-коричневымъ лакомъ. Для обозначенія подробностей служатъ рѣзныя линіи, примѣненныя въ небольшомъ количествѣ и болѣе для внутреннихъ деталей, чѣмъ для контуровъ. Кромѣ того, детали оживлены еще бѣлой краской, теперь слегка пожелтѣвшей и во многихъ мѣстахъ облупившейся. Бѣлая краска положена частью по лаку, частью прямо по глинѣ. Рѣзными линіями обведены зубцы роговъ и уши. Рѣзьбой брошено нѣсколько коротенькихъ черточекъ въ расширеніи роговъ; двумя такими же черточками отдѣлены рога отъ головъ и головы отъ шей животныхъ. Рѣзьбой отмѣчены ноздри, рты и глаза. Двумя рѣзными линіями обозначены мускулы переднихъ лѣвыхъ ногъ. Рѣзьбой же отмѣчены сверху поверхности, покрытыя бѣлой краской на животахъ, лѣвыя заднія ноги и предѣлъ бѣлой краски на внутренней сторонѣ правыхъ заднихъ ногъ. У одного оленя (табл. VII) сдѣланы двѣ рѣзныхъ черточки на верхней части лѣвой задней ноги. Бѣлой краской, положенной по лаку, исполнены пятна на туловищѣ оленей и внутренняя сторона правой задней ноги; животы и части хвостовъ покрыты бѣлой краской, которая здѣсь положена частью по лаку, частью по глинѣ. У каждаго оленя изображено по одной вѣтви роговъ и по одному уху. Формы оленей не совсѣмъ одинаковы. Изображенный на табл. VII отличается болѣе стройными и красивыми пропорціями, тогда какъ у другого (табл. VIII) преувеличенно длинныя формы. Лучше

[1]) Ср. Брэмъ, Жизнь животныхъ, III, стр. 484. Опредѣленіе сдѣлано В. В. Шкорпиломъ въ рапортѣ Имп. Арх. Коммиссіи отъ 21 октября 1911 г. за № 97.

сохранился олень, изображенный на табл. VIII и IX. Вообще же животныя написаны очень умѣло и съ большимъ изяществомъ (см. табл. IX).

Амфора съ Таманскаго полуострова не является единственной вазой этого типа среди южно-русскихъ находокъ. Очень близка ей по формѣ, схемѣ росписи и техникѣ амфора, пріобрѣтенная Имп. Археолог. Коммиссіей въ Керчи въ 1910 г. (табл. X и XI[1]). Форма туловища этой

Рис. 2 (1/3).

амфоры (выс. 0,32 м.) внизу нѣсколько тяжелѣе туловища таманской. Наблюдается такой же, какъ у послѣдней, рѣзкій переходъ отъ горла (высота его вмѣстѣ съ вѣнчикомъ ок. 0,085 м.; діам. эхина

[1]) Ср. *Archäol. Anzeiger*, XXVI (1911), стр. 205 сл., рис. 14 и 13. Ваза была пріобрѣтена у А. В. Новикова и найдена была въ 1909 г. возлѣ Южнаго кордона за Таманью, приблизительно въ томъ мѣстѣ, откуда начинается Южная коса, Тузла (сообщеніе В. В. Шкорпила въ рапортѣ Имп. Арх. Коммиссіи отъ 11 марта 1910 г. за № 23).

ок. 0,15 м.) къ туловищу и выпуклый узкій валикъ между ними. Сверху срѣзъ вѣнчика имѣетъ большій наклонъ внутрь и такой же желобокъ, какъ у таманской амфоры (ширина срѣза съ желобкомъ ок. 0,03 м.). Такія же плоскія и гладкія ручки (рис. 2) не выдаются изъ профиля туловища амфоры (наиб. діам. тулов. 0,22 м.). Ножка по формѣ аналогична ножкѣ таманской амфоры (діам. ея 0,12 с.). Внутри ножки аналогичное небольшое углубленіе. Амфора сформована цѣликомъ, безъ приставного горла. Нынѣ она склеена изъ обломковъ, не достаетъ одного куска вверху туловища подъ ручкой. Глина керченской амфоры по цвѣту аналогична глинѣ таманской вазы, но безъ блестокъ.

Снаружи ваза покрыта прозрачнымъ лакомъ; роспись сдѣлана темнокоричневымъ лакомъ. На мѣстахъ, покрытыхъ сплошнымъ слоемъ этого лака (вѣнчикъ, горло съ выпуклымъ валикомъ, ручки, полосы вокругъ нихъ, горизонтальные пояса и ножка), онъ имѣетъ черноватые оттѣнки. Полосы подъ ручками сдѣланы очень небрежно (ср. рис. 2). Горизонтальныхъ поясковъ четыре. Верхніе пояски очень тонки (лакъ ихъ краснаго тона), нижніе шире.

На лицевой сторонѣ амфоры (табл. X) въ главномъ полѣ изображенъ сфинксъ съ женской головой, обращенной профилемъ влѣво, сидящій передъ росткомъ плюща. Туловище сфинкса исполнено силуэтомъ (здѣсь коричневый лакъ перешелъ въ красный). Лицо и шея покрыты бѣлой краской [1]) прямо по глинѣ и обведены рѣзнымъ контуромъ. Глазъ продолговатый, сдѣланъ рѣзьбой; зрачекъ сдѣланъ коричневымъ лакомъ [2]), такъ же и серьга (обведена рѣзьбой). На шеѣ ожерелье [3]) обозначено точками коричневаго лака между двумя рѣзными линіями. Рѣзными контурами обведены: передняя часть туловища, переднія лапы (съ черточками внутри) и часть задней лапы. Рѣзьбой сдѣланы и двѣ волнистыя линіи сзади на туловищѣ сфинкса; двумя рѣзными черточками отдѣленъ хвостъ отъ туловища; рѣзьбой же отмѣчены когти и пальцы лапъ, разграфлены перья на крыльяхъ, обозначены волосы на головѣ спереди и двѣ падающія на плечи пряди волосъ [4]). Крылья загнуты впередъ; кромѣ перьевъ, они украшены узоромъ изъ бѣлыхъ точекъ между двумя рѣзными

[1]) Ср. F. Dümmler, *Jahrbuch des Instituts*, X (1895), стр. 44, рис. 8.

[2]) Ср. глаза на фрагментѣ у Flinders Petrie, *Tanis* II (Nebesheh and Defenneh), London 1888, fifth memoir of the Egypt exploration fund, табл. XXIX,1.

[3]) Ср. Dümmler, ук. соч., стр. 43, рис. 5.

[4]) Пряди волосъ сфинкса ср. *Tanis II*, указ. табл.

линіями [1]). Вѣтка плюща (листья и стволъ) написана тѣмъ же коричневымъ лакомъ [2]). Бѣлой краской сдѣланы точки на стволѣ и ягодки плюща (по глинѣ); рѣзьбы нѣтъ. Надъ сфинксомъ, подъ выпуклымъ кольцомъ орнаментъ изъ палочекъ или зубчиковъ, исполненный коричневымъ лакомъ, бѣлой и пурпурной красками (бѣлая краска положена прямо по глинѣ, пурпурная по лаку). Между закругленными концами ячеекъ сдѣланы точки коричневымъ лакомъ [3]).

На другой сторонѣ керченской вазы (табл. XI) на главномъ полѣ видимъ орнаментальный узоръ изъ стилизованныхъ лотосовъ и вѣерообразныхъ пальметокъ, перекрещивающихся между собой [4]). Узоръ расцвѣченъ бѣлой и пурпурной красками (по лаку) и рядами бѣлыхъ точекъ между двумя рѣзными линіями; рѣзьбой обведенъ контуръ пальметокъ, обращенный внутрь, разграфлены зубчики по краямъ пальметокъ и лепестки лотосовъ. Подъ выпуклымъ валикомъ орнаментъ изъ палочекъ, аналогичный исполненному на лицевой сторонѣ.

Кромѣ описанной амфоры изданы еще два обломка этого стиля, найденные въ Ольвіи Б. В. Фармаковскимъ [5]). По техникѣ (большее количество рѣзьбы, роспись прямо по глинѣ) они стоятъ ближе къ керченской амфорѣ. Есть и еще цѣлый рядъ обломковъ этого же стиля вазъ, найденныхъ въ Ольвіи и на Березани. Но о нихъ трудно говорить, такъ какъ они еще не изданы. Среди находокъ внѣ Россіи есть также довольно большое количество фрагментовъ керамики, аналогичной по техникѣ и стилю съ нашими амфорами. Фрагменты вазъ этого стиля были находимы на мѣстахъ древнихъ поселеній грековъ въ Египтѣ—въ

[1]) Аналогичные узоры на крыльяхъ см. *Tanis*, II, табл. XXIX,1; XXX,1; XXXI,5.

[2]) См. H. Prinz, Funde aus Naucratis (*Klio, VII Beiheft*), стр. 49.

[3]) См. аналогичный орнаментъ *Tanis*, II, табл. XXIX,4.

[4]) Близкій узоръ см. тамъ же, табл. XXXI,4.

[5]) См. B. Pharmakowsky, Olbia 1900—1908, *Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. 33, стр. 118, рис. 26, 27; ср. *Archäol. Anz.*, XXIV (1909), ст. 171 сл., рис. 33 и 34. Глина яркая, оранжево-красная; роспись прямо по ней. Идущая влѣво пантера (голова en face); слѣва видна часть ограниченія поля для рисунка, покрытая темнымъ лакомъ. Техника аналогична таманской и керченской амфорамъ, но рѣзьбы больше, чѣмъ на таманской амфорѣ (волоски вдоль шеи и спины). Пятна на туловищѣ исполнены бѣлой краской въ видѣ тонкихъ колечекъ. Есть пурпурная краска. На другомъ обломкѣ (представляющемъ, вѣроятно, обратную сторону того-же сосуда) видимъ мотивъ изъ вѣерообразныхъ пальметокъ, похожій на узоръ, исполненный на амфорѣ изъ Керчи. Техника аналогична.

Дафнахъ [1]) и въ Навкратисѣ [2]), затѣмъ на территоріи древнихъ Клазоменъ [3]), на о. Родосѣ [4]) и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ [5]). Вполнѣ аналогичной формы нѣтъ среди сохранившихся амфоръ, причисляемыхъ къ этой группѣ керамики, но есть сосуды, довольно близкіе по формѣ къ таманской амфорѣ [6]). Изображенія чубараго оленя, вполнѣ аналогичныя нашимъ, не встрѣчаются. Среди фрагментовъ, найденныхъ въ Дафнахъ, есть одинъ (очень пострадавшій) съ изображеніемъ лани, близкій по стилю и техникѣ къ рисункамъ на нашей амфорѣ (рис. 3) [7]). Къ нему можно присоединить менѣе тонко и строго исполненныя два повторяющихся изображенія оленя на фризѣ животныхъ съ сосуда изъ Клазоменъ (рис. 4) [8]). Аналогичный орнаментъ „палочекъ“, исполненный однимъ коричневымъ

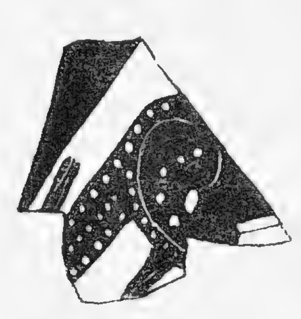

Рис. 3 ($^1/_3$). Flinders Petrie, Tanis, II, табл. XXXI, 21.

---

[1]) Изображенія см. *Tanis*, II, табл. 29—31; описаніе тамъ-же, стр. 61 слл.; H. B. Walters, Catalogue of the Greek and Etruscan vases in the British Museum, ч. II, London, 1893, стр. 89—97, №№ B. 107—129 (за исключ. №№ B. 117—121); Dümmler, *Jahrbuch d. Inst. X* (1896), стр. 35 и слл.; *Antike Denkmäler*, II, табл. 21; Prinz, ук. соч., стр. 45.

[2]) *Annual of the British School at Athens*, V (1898—9), табл. VI 9, a, b, c; VIII, 1, 2, a, b, 3, 4; *Journal of Hellenic Studies*, XXV (1905), табл. V 2, VI 3, стр. 117 и слл.; (болѣе подробно см. Prinz, ук. соч., стр. 45).

[3]) Zahn, *Athenische Mitteilungen*, XXIII (1898), стр. 38 и слл., табл. VI 1, 2; *Antike Denkmäler*, II, вып. 5, табл. 54—57.

[4]) C. Smith, *Journ. of Hell. Stud.* VI (1885), стр. 181, рис. 1 и 2; ср. Furtwängler, *Jahrbuch d. Instituts*, I (1886), стр. 150, Berlin 2932; тамъ-же, Berl. 2979; изобр. у Watzinger, Griechische Tonsarkophage, стр. 9, рис. 17.

[5]) См. перечень у Prinz, ук. соч. стр. 44 и слл.

[6]) Наиболѣе близка неловко нарисованная амфора на сосудѣ съ Родоса, C. Smith, ук. соч., стр. 181, рис. 1. Нѣкоторое сходство (въ формѣ горла, вѣнчика, туловища ниже ручекъ) имѣетъ амфора, изображенная у Watzinger, ук. соч. стр. 9, рис. 17.

[7]) *Tanis*, II, табл. XXXI, 21; *Brit. Mus.* II. B. 12510. Цвѣтъ глины неясенъ (по словамъ Flinders Petrie, Tanis, II, стр. 63, она имѣетъ сѣрый цвѣтъ, по H. Walters, Brit. Mus., II, стр. 95, она красная. Видна передняя часть пасущейся лани, идущей влѣво; налѣво видна часть обрамленія, покрытая темнымъ лакомъ. Техника вполнѣ аналогична техникѣ нашей амфоры.

[8]) *Antike Denmäler*, II, вып. V, табл. 55 3 a и b, текстъ стр. 8 (Kjellberg). Глина не отмѣчена; поверхность очень стерта. Олени идутъ влѣво (фрагментированы, рога загнуты назадъ). Техника аналогична таманской амфорѣ, но рѣзьбы больше (рога обведены рѣзкимъ контуромъ; рѣзьбой сдѣланы волоски вдоль контуровъ шеи), есть пурпурная краска (на брюшкѣ). Олени на фрагментахъ одного сосуда изъ Навкратиса (*Annual of the Brit. School*, т. V, табл. 9 a, b, c; опис. стр. 59, 60) принадлежатъ къ другому типу (изображено по 2 рога) и не могутъ быть сопоставлены съ оленями на изучаемой нами амфорѣ.

лакомъ, есть на двухъ фрагментахъ изъ Клазоменъ [1]). Вертикальныя полосы подъ ручками также встрѣчаются на сохранившихся сосудахъ [2]). Горизонтальные пояса подъ главнымъ полемъ для рисунка видны въ двухъ случаяхъ [3]). Полной аналогіи въ схемѣ росписи нѣтъ среди находокъ внѣ Россіи [4]).

Сосуды изучаемаго нами стиля выдѣлены были въ отдѣльную группу сравнительно недавно [5]). Глина, изъ которой дѣлались эти сосуды, желто-красная; поверхность сосудовъ бываетъ то сѣроватаго оттѣнка, то болѣе яркая, красно-оранжевая [6]); о блесткахъ въ глинѣ не упоми-

Рис. 4 (н. в.). Antike Denkm., II, 55, 3b.

нается; облицовка встрѣчается рѣдко [7]). Фигуры пишутся силуэтомъ, детали на нихъ обозначаются рѣзцомъ съ примѣненіемъ бѣлой и пур-

[1]) *Antike Denkmäler*, II, вып. 5, табл. 57,3.

[2]) *Journ. of Hellen. Studies*, VI (1885), стр. 181, рис. 2; Watzinger, ук. соч. рис. 17; кромѣ того на многихъ фрагментахъ можно предполагать ихъ остатки, см. *Tanis* II, табл, XXIX 4, XXX 1, 2, XXXI 21; *Athenische Mitteil.* XXIII (1898), табл. VII.

[3]) *Antike Denkm.* II, Heft 5, табл. 57,3; текстъ стр. 10. Видно 4 пояса—верхніе уже, нижніе шире; на амфорѣ у Watzinger, ук. соч. рис. 17, три пояса, крайніе узкіе, средній широкій.

[4]) Наиболѣе близка по схемѣ росписи амфора у Watzinger, рис. 17.

[5]) Prinz, ук. соч. стр. 57.

[6]) См. цвѣтную репродукцію въ *Ant. Denkm.* II, табл. 21. О глинѣ см. Tanis, II, стр. 63; Zahn, *Athen. Mitteilungen*, XXIII (1898), стр. 38, 49; Prinz, ук. соч., стр. 47; Miss Lorimer въ *Journ. of Hell. Stud.*, XXV (1905), стр. 120; Walters, *Brit. Mus.* II, стр. 89—97; Kjellberg въ *Antike Denkmäler*, II, вып. 5, текстъ, стр. 8. слл.; Dümmler, *Jahrbuch des Instit.*, X, стр. 38.

[7]) См. Prinz, ук. соч. стр. 47.

пурной красокъ. Рѣзьба въ контурахъ встрѣчается не всегда. Бѣлая краска кладется большею частью прямо по глинѣ. Контуры частей рисунка, исполненныхъ бѣлой краской, иногда обозначаются рѣзьбой или обводятся тонкими линіями коричневаго лака [1]).

По тщательности рисунка и отдѣлки между фрагментами наблюдается разница [2]). Одни принадлежатъ къ посудѣ съ очень тонкимъ рисункомъ и тщательной рѣзьбой (встрѣчаются волоски вдоль шеи и спины животныхъ); на нихъ преобладаютъ пестрые орнаменты „палочекъ“, сдѣланные коричневымъ лакомъ, бѣлой и пурпурной краской [3]). Другіе фрагменты отличаются небрежностью рисунка и меньшей пестротой въ раскраскѣ [4]). Горла этихъ сосудовъ часто дѣлались отдѣльно и приставлялись потомъ, тогда какъ сосуды первой категоріи формованы цѣликомъ [5]). У формъ сосудовъ вообще наблюдается рѣзкій переходъ отъ туловища къ горлу и выпуклый валикъ между ними [6]). На росписи постоянно встрѣчается узоръ изъ ряда бѣлыхъ точекъ между двумя рѣзными линіями [7]).

Вопросъ о центрѣ производства этой керамики до сихъ поръ не рѣшенъ окончательно. Раньше центромъ изготовленія ея считались Дафны [8]). Затѣмъ было выставлено мнѣніе о клазоменскомъ происхожденіи всей группы въ связи съ ея близостью къ изображеніямъ на клазоменскихъ саркофагахъ [9]). Болѣе осторожное мнѣніе называетъ эту керамику неопредѣленно „іонійской, можетъ быть милетской“ [10]). Вопросъ этотъ можетъ разрѣшиться только со временемъ, послѣ раскопокъ наиболѣе значительныхъ центровъ производства іонійской керамики.

---

[1]) См. подробности техники у Zahn, *Athen. Mitth.*, XXIII, стр. 38 слл.; Prinz, ук. соч., стр. 47; Dümmler, ук. соч., стр. 38.

[2]) См. Miss Lorimer, *Journ. of Hell. Stud.*, XXV, стр. 119 слл.

[3]) См. *Tanis*, II, табл. XXIX 1, 4; *Ant. Denkm.* II, табл. 21.

[4]) Prinz, ук. соч., стр. 47; Dümmler, ук. соч., стр. 42.

[5]) Lorimer, ук. ст. стр. 119 слл.

[6]) См. указанныя выше амфоры C. Smith, *Journ. H. St.* VI (1885), стр. 181, рис. 1, 2; Watzinger, ук. соч., рис. 17.

[7]) См. этотъ же узоръ на коринеской керамикѣ: Pottier, Vases du Louvre, I, табл. 41 E 516, табл. 43 E 588; Orsi, *Monumenti antichi pubbl. per cura della reale Academia dei Lincei*, t. XVII, стр. 115, 229.

[8]) Flinders Petrie, Tanis, II, стр. 62; Dümmler, *Jahrb. d. Instit.*, X (1895), стр. 36.

[9]) См. Zahn, ук. соч., стр. 55 и 57.

[10]) См. B. Pharmakowsky, *Archäol. Anzeiger*, XXVI (1911), стр. 205.

По своей техникѣ наша амфора является весьма типичной въ той группѣ вазъ, которыя представляются ей аналогичными. Исключеніе представляетъ лишь наличность тонкой обмазки поверхъ глины. Но и обмазка, однако, иногда встрѣчается на вазахъ изучаемой группы[1]). Рисунокъ оленей на нашей амфорѣ можетъ быть сопоставленъ съ изображеніемъ этого животнаго (въ милетской техникѣ) внизу обрамленія клазоменскаго саркофага, находящагося въ Ганноверѣ[2]), исполненнаго въ смѣшанной техникѣ (рис. 5)[3]). Общій обликъ, наклонъ головы, изгибъ шеи, форма рога (изогнутаго впередъ), тонкій рисунокъ ногъ,—все это (за исключеніемъ техники) ближе къ рисунку на нашей амфорѣ, чѣмъ упомянутыя выше изображенія оленей на сосудѣ изъ Клазоменъ (рис. 4).

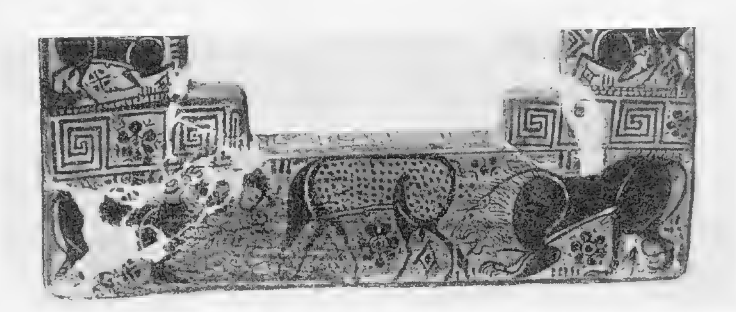

Рис. 5 (ок. 1/10). Antike Denkm., II, f. 27, 3.

Время, къ которому должны быть отнесены вазы группы таманской амфоры, вслѣдствіе ея развитой чернофигурной техники, опредѣляется не раньше начала VI в.[4]) Фрагменты изъ Дафнъ датируются эпохой не позже 560 г., когда приблизительно тамъ прекратило свое существованіе греческое поселеніе и мѣстопребываніе грековъ въ Египтѣ было ограничено однимъ Навкратисомъ[5]). Наиболѣе поздніе фрагменты, причисляемые къ этой группѣ, относятся приблизительно къ 520 году[6]).

[1]) См. упоминаніе о бѣлой облицовкѣ у Prinz, ук. соч., стр. 47: a) на диносѣ изъ Кумъ въ Эоліи; въ описаніи этихъ фрагментовъ Dümmler, *Römische Mitteilungen*, III, стр. 159 и сл., не упоминаетъ объ облицовкѣ; b) на фрагментѣ изъ Навкратиса (*Annual of Brit. School*, V, табл. VI, 9 и стр. 59 и сл.); эти фрагменты, судя по типу оленей, нѣсколько позднѣе таманской амфоры.

[2]) *Antike Denkmäler*, II, вып. 3, табл. 27,3.

[3]) См. Prinz, ук. соч., стр. 34, съ указаніемъ литературы.

[4]) Prinz, стр. 56; Zahn, *Athen. Mitteil.* XXIII, стр. 55; Dümmler, *Jahrbuch d. Inst.* X, стр. 36; J. Endt, Beiträge zur ionischen Vasenmalerei, Prag 1899, стр. 69.

[5]) Herod. II, 154, 179; ср. Flinders Petrie, Tanis, II, стр. 52.

[6]) Dümmler, *Röm. Mitt.* III, стр. 159 и сл.

Такимъ образомъ развитіе этой керамики падаетъ на первую половину VI в. и заходитъ нѣсколько и во вторую половину этого вѣка. За такую датировку говоритъ и связь этихъ вазъ съ клазоменскими саркофагами [1]).

Время таманской амфоры и ея мѣсто среди керамики того же типа точно опредѣлить невозможно, такъ какъ ходъ развитія техники и стиля этой группы еще недостаточно выясненъ [2]). Есть рядъ данныхъ, заставляющихъ предполагать сравнительно раннее происхожденіе нашей амфоры. За это говоритъ: 1) наличность тонкой обмазки, которой нѣтъ на амфорѣ изъ Керчи и на ольвійскихъ фрагментахъ; 2) малое примѣненіе гравировки въ сравненіи съ употребленіемъ ея на изображеніи оленей на сосудѣ изъ Клазоменъ, на керченской амфорѣ и на ольвійскихъ обломкахъ; 3) строгость рисунка оленя, близкая къ изображенію лани на упомянутомъ фрагментѣ изъ Дафнъ, который вмѣстѣ съ другими найденными тамъ обломками датируется не позже приблизительно 560 г.; 4) наибольшая близость къ изображенію оленя на клазоменскомъ саркофагѣ, исполненному еще въ милетской техникѣ. Кромѣ того, благодаря своей отличной сохранности, наша амфора въ смыслѣ основной схемы росписи на туловищѣ позволяетъ намъ видѣть нѣкоторую связь съ милетской схемой декоровки амфоръ (изображеніе по одному аналогичному животному съ каждой стороны въ верхней части туловища и горизонтальные пояски въ нижней) [3]). На таманской амфорѣ обѣ стороны расписаны одинаково, и въ этомъ смыслѣ она стоитъ нѣсколько ближе къ милетскимъ образцамъ, чѣмъ нарушающіе старый пріемъ (украшеніе обѣихъ сторонъ вазы идентичными изображеніями) амфора изъ Керчи и ольвійскіе фрагменты [4]). Всѣмъ этимъ соображеніямъ нѣсколько мѣшаетъ небрежность, съ которой исполнена остальная роспись на нашей амфорѣ и которой трудно ожидать въ начальную эпоху. Небрежность сказывается въ неравномѣрности слоя лака въ разныхъ частяхъ росписи, въ томъ, что поверхность сосуда до покрытія лакомъ была засорена

---

[1]) Prinz, ук. соч., стр. 52 и сл., стр. 56; Zahn, ук. соч., стр. 55 и сл.

[2]) См. Prinz, ук. соч., стр. 57.

[3]) Ср. Furtwängler, *Jahrbuch d. Instit.* I, стр. 140; Berl. 2944. Интересно, что вслѣдствіе отсутствія на Западѣ аналогичныхъ по схемѣ росписи цѣльныхъ сосудовъ Prinz (ук. соч., стр. 49) говоритъ о второстепенной роли животныхъ въ декоровкѣ сосудовъ этой группы.

[4]) См. указаніе на нарушеніе болѣе строгаго распредѣленія росписи въ этой же группѣ керамики у Dümmler, *Jahrbuch d. Inst.* X, стр. 43.

(см. на горлѣ); видны кое-гдѣ подтеки; надъ рогомъ одного оленя (табл. VII) есть пятно отъ капнувшаго лака; пояски сдѣланы не совсѣмъ прямо и спѣшно, въ рѣзныхъ линіяхъ тоже чувствуется торопливость работы. Однако, эта небрежность исполненія можетъ быть объяснена массовымъ изготовленіемъ посуды, тѣмъ болѣе, что въ главномъ рисункѣ наблюдается большое чувство стиля, невозможное въ позднее время, когда стиль вырождается, и чувство его начинаетъ утрачиваться.

Если время дафнійской керамики опредѣляютъ 595—565 годами [1]), то наша амфора, по простотѣ своей росписи, а также строгости рисунка, можетъ быть поставлена не позже конца дафнійскаго періода, т. е. не позже приблизительно 560 года. За это говоритъ и схема ея декоровки, въ которой еще до нѣкоторой степени чувствуются болѣе ранніе образцы. Амфора изъ Керчи и ольвійскіе фрагменты должны быть отнесены къ эпохѣ нѣсколько болѣе поздней.

Дальнѣйшія находки помогутъ, можетъ быть, точнѣе опредѣлить художественно-историческое значеніе нашихъ рѣдкихъ, единственныхъ по сохранности амфоръ, являющихся типичными представительницами чрезвычайно интересной группы керамики, выдѣлывавшейся, очевидно, въ какомъ-то большомъ художественномъ іонійскомъ центрѣ и завозившейся, вѣроятно, милетской торговлей на югъ Россіи.

Наталія Энманъ.

---

[1]) См. Zahn, ук. соч., стр. 55; Flinders Petrie, Tanis, II, стр. 58.

Амфора милетскаго стиля изъ окрестностей станицы Таманской.

(Табл. XII и XIII).

Небольшая амфора (табл. XII), купленная Императорской Археологической Коммиссіей въ 1911 году въ Керчи, была найдена въ окрестностяхъ Таманской станицы. Подробныхъ свѣдѣній объ обстоятельствахъ находки не имѣется.

Высота сосуда—0,235 м. Невысокое горлышко (0,06 м. выс., 0,09 м. въ діаметрѣ) съ слегка отогнутымъ, сверху плоскимъ краемъ отдѣляется отъ туловища узкимъ выпуклымъ валикомъ. Двуствольныя ручки (см. рис. 1) длиною 0,09 м. соединяютъ туловище съ горлышкомъ. Діаметръ туловища пониже ручекъ, т. е. въ самомъ широкомъ мѣстѣ сосуда, 0,175 м. Подставка (кругъ толщиной въ 0,01 м.) выступаетъ на 0,005 м.

Глина амфоры свѣтлая, розовато-желтая, съ рѣдкими мелкими блестками. Весь сосудъ снаружи былъ покрытъ очень непрочной и тонкой бѣлой облицовкой, которая почти вездѣ облупилась, мѣстами унося съ собой положенный на нее черный лакъ. Горло изнутри было покрыто еще болѣе тонкимъ слоемъ облицовки, который, однако, не стерся, вѣроятно, благодаря меньшему вліянію сырости и тренія. По бѣлой облицовкѣ на сосудѣ исполнена чернымъ лакомъ роспись. Работа небрежная; лакъ положенъ очень неровно, такъ что при обжигѣ измѣнилъ мѣстами свой цвѣтъ и представляетъ переливы отъ ярко-оранжеваго и краснаго до чернаго. Лакъ мѣстами (напр. на горлышкѣ) совсѣмъ матовый, мѣстами же слегка еще блеститъ.

Росписи на амфорѣ распредѣляются слѣдующимъ образомъ. На плоскомъ отгибѣ горла—группы черныхъ пятенъ (по 3—4 пятна); край отгиба черный. На горлышкѣ, между черной полоской надъ отгибомъ сверху и чернымъ же выпуклымъ валикомъ внизу,—простая плетенка съ каплями сверху и снизу. На ручкахъ (рис. 1) по пяти паръ пятенъ. У основанія ручекъ на туловищѣ по одному большему пятну. Середина

туловища опоясана широкой полосой (0,065—0,070 м.), исполненной чрезвычайно небрежно, такъ что мѣстами кажется, что полосъ нѣсколько, болѣе или менѣе узкихъ. По сторонамъ ручекъ отъ выпуклаго валика къ широкому поясу идутъ узкія полосы орнамента (0,02 м. шир.), состоящаго изъ 4-хъ вертикальныхъ полосокъ съ точками между центральными полосками. Отъ подставки къ широкому поясу идутъ стилизованные остроконечные листья, такъ называемые „лучи“. Сама подставка покрыта чернымъ лакомъ.

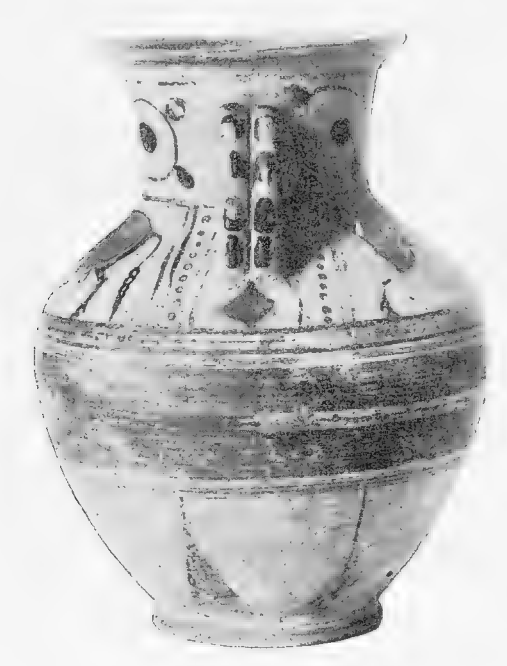

Рис. 1 (1/3).

На полѣ, обрамленномъ сверху выпуклымъ валикомъ, снизу широкимъ поясомъ и съ боковъ орнаментомъ, который находится по сторонамъ ручекъ, съ обѣихъ сторонъ вазы изображено по животному. На одной сторонѣ вазы (*А*) рисунокъ сохранился значительно хуже рисунка на другой сторонѣ (*Б*).

На сторонѣ *А* (табл. XII) изображенъ бѣгущій вправо горный козелъ, обернувшій назадъ голову. Сохранились только задняя нога, хвостъ, передняя часть туловища съ ногой и длинный рогъ. На мѣстѣ головы сохранились слѣды контуровъ и зрачка глаза. Глазъ былъ изображенъ въ контурахъ. Голова козерога несомнѣнно была сдѣлана въ контурахъ, которые легко облупились и теперь не замѣтны. Вокругъ козла

едва замѣтны слѣды заполнительныхъ орнаментовъ: криволинейной свастики (подъ задней частью туловища), розетки изъ точекъ (около кончика рога), ряда изъ нѣсколькихъ палочекъ (у выпуклаго круга надъ спиной козла), простой точки (у задней ноги) и кое-гдѣ другихъ заполнительныхъ орнаментовъ, форму которыхъ точно опредѣлить нельзя. На краю широкаго пояса двѣ группы по 4 палочки; это можетъ быть или орнаментъ, подобный тому, который сдѣланъ у выпуклаго валика, или остатки половинокъ розетокъ. Рисунокъ 2-й даетъ реконструкцію изображенія на сторонѣ *А* на основаніи того, что съ трудомъ наблюдается на оригиналѣ.

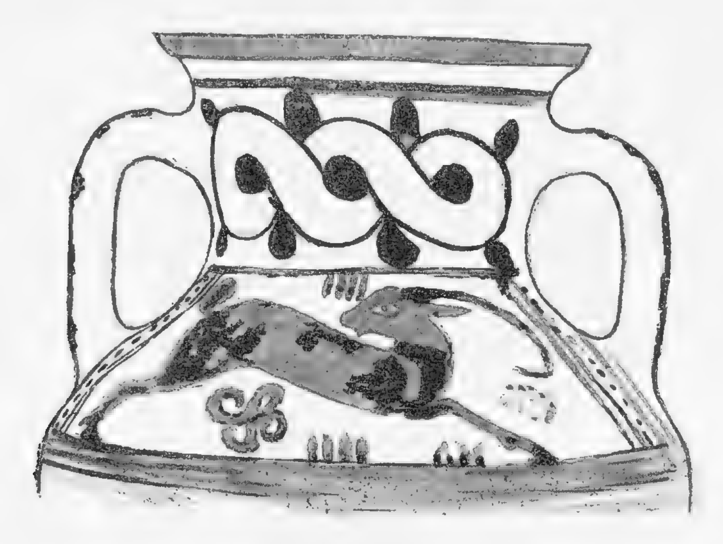

Рис. 2 (½).

На сторонѣ *Б*, сохранившейся лучше (табл. XII и XIII), изображенъ быкъ, идущій влѣво, выставивъ рога и наклонивъ голову. Непокрытыми лакомъ остались: полоса подъ брюхомъ и линія, отдѣляющая правую заднюю ногу отъ лѣвой. Голова исполнена силуэтомъ; отъ глаза наблюдаются свѣтлые слѣды. Никакихъ слѣдовъ заполнительныхъ орнаментовъ на свободномъ полѣ не замѣтно.

Существуетъ цѣлый рядъ амфоръ милетскаго стиля, совершенно аналогичныхъ нашей по формѣ и по стилю росписи, а нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ аналогіи также и рисунку стороны *А*. Это, во-первыхъ, амфора съ Родоса, представляемая на рис. 3 [1]). Высота ея—0,20 м.

[1]) Находится въ Берлинскомъ музеѣ (Invent. 2944). Издана въ *Jahrb. d. Instituts* I (1886), стр. 140.

Работа тщательная. Форма и схема росписи аналогична росписи на нашемъ сосудѣ. Съ обѣихъ сторонъ изображено по бѣгущему вправо козлу; изображенія очень похожи на изображеніе на сторонѣ *A* нашей амфоры. Мелкія отличія состоятъ въ слѣдующемъ: у выпуклаго валика упрощенный орнаментъ „палочекъ"; орнаментъ у ручекъ изъ двухъ (а не изъ 4-хъ) полосъ съ точками; широкій поясъ раздѣленъ на нѣсколько болѣе узкихъ, по которымъ проведены узкіе пояски бѣлой и пурпурной красками; заполнительныхъ орнаментовъ больше.—2) На Ренеѣ найдено около 20 амфоръ милетскаго стиля, похожихъ по формѣ и росписи на описанную амфору съ Родоса [1]).—3) Амфора съ Кипра (рис. 4) [2]). Низъ отбитъ. Высота

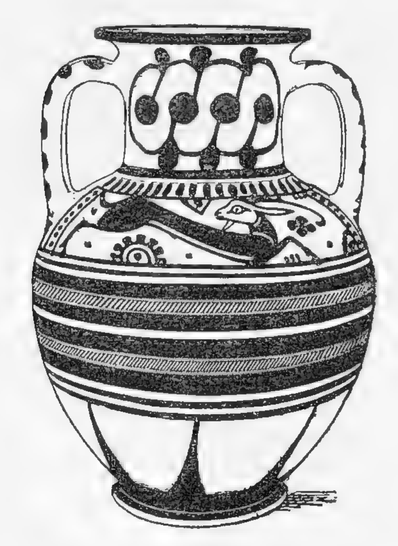

Рис. 3 (¼). *Jahrb. d. Instituts,* I (1886), 140.

Рис. 4. Murray, Excavations in Cyprus, 104, рис. 151,5.

сохранившейся части 0,255 м. Очень похожа на амфору съ Родоса, но работа небрежна; заполнительныхъ орнаментовъ значительно меньше; орнамента у ручекъ и „палочекъ" нѣтъ. Бѣлой и пурпурной красокъ, повидимому, не употреблено.—4) Амфора (рис. 5) съ Березани изъ бывшей коллекціи о. Н. Л. Левицкаго въ Очаковѣ, нынѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ (инв. № 12995) [3]). На обѣихъ сторонахъ изображенъ пасущійся козелъ. Въ общемъ сосудъ похожъ на амфору съ Родоса (рис. 3), но бѣлой и пурпурной красокъ нѣтъ.

[1]) Prinz, Funde aus Naucratis (*Klio*, siebentes Beiheft), стр. 132. Амфоры не изданы.

[2]) Murray, Smith, Walters, Excavations in Cyprus, стр. 104, рис. 151,5.

[3]) Амфора поступила въ Эрмитажъ въ 1901 г. изъ Имп. Археологической Коммиссіи, которою была пріобрѣтена коллекція о. Левицкаго.

Всѣ поименованныя амфоры—древне-милетскаго стиля, и рисунки ихъ типичны для этого стиля [1]): мы видимъ на нихъ и заполнительные орнаменты, и обозначеніе контурами головъ животныхъ, и оставленныя полосы бѣлаго фона для обозначенія подробностей. Высшій расцвѣтъ этого стиля относится, какъ извѣстно, къ серединѣ VII вѣка до Р. Хр.

Рис. 5 (½).

На нѣкоторыхъ сосудахъ эпохи процвѣтанія стиля, относящихся къ позднѣйшему періоду, появляются уже признаки вырожденія: наблюдается небрежность въ заполнительныхъ орнаментахъ, уменьшеніе ихъ числа, менѣе тщательный и строгій рисунокъ животныхъ. Такова, напр.,

---

[1]) Ср. объ этомъ стилѣ Böhlau, Aus jonischen und italischen Nekropolen, стр. 73 сл., и Prinz, Funde aus Naukratis, стр. 15 сл.

амфора съ Кипра (рис. 4) и нѣкоторыя блюда [1]). Подобные этимъ сосуды представляютъ образцы послѣдняго періода древне-милетскаго стиля. Поздне-милетскія вазы являются уже съ совершенно новыми чертами и характеромъ [2]). Типичными примѣрами поздне-милетскаго стиля могутъ служить фрагменты съ Березани, изданные Н. Э. Радловымъ [3]). Рисунокъ на нихъ исполненъ сплошнымъ силуэтомъ; подробности обозначены рѣзьбой, бѣлой и пурпурной красками; поле совершенно свободно отъ заполнительныхъ орнаментовъ. На поздне-милетскихъ сосудахъ мы видимъ вліянія керамики иныхъ фабрикъ, которыя въ концѣ концовъ вытѣсняютъ пріемы и формы древне-милетской фабрики. Эти вліянія выражаются прежде всего въ усвоеніи употребленія гравировки для деталей, а также въ примѣненіи силуэтнаго рисунка для головы и конечностей фигуръ и въ оставленіи поля свободнымъ отъ заполнительныхъ орнаментовъ. Промежуточной стадіи—между сосудами, подобными березанскимъ фрагментамъ поздне-милетскаго стиля, и произведеніями древне-милетскаго стиля—мы до сихъ поръ не знали. Не были извѣстны сосуды, на которыхъ можно было бы прослѣдить постепенное подчиненіе старыхъ формъ новымъ и наблюдать частичное примѣненіе новыхъ пріемовъ наряду со старыми. Издаваемая нами амфора является какъ разъ памятникомъ, у котораго въ стилѣ ясенъ отпечатокъ переходности, выражающійся въ различіи пріемовъ росписи на двухъ сторонахъ. Если на сторонѣ *А* изображеніе совершенно совпадаетъ съ изображеніями на амфорахъ древне-милетскаго стиля и опредѣляетъ милетское происхожденіе сосуда, то рисунокъ на сторонѣ *Б* рѣзко отличается отъ древне-милетскихъ отсутствіемъ заполнительныхъ орнаментовъ и силуэтнымъ рисункомъ головы; кромѣ того, повидимому, онъ отличался отъ нихъ еще одной технической подробностью: какъ уже было упомянуто, у быка глазъ былъ сдѣланъ бѣлой краской, которая отъ времени исчезла. Употребленія бѣлой краски для подробностей въ чисто милетскомъ искусствѣ мы не встрѣчаемъ, но находимъ этотъ пріемъ въ Клазоменахъ, гдѣ онъ употреблялся на саркофагахъ [4]). Техника накладныхъ бѣлыхъ линій

[1]) Напр., у Pottier, Vases peints du Louvre, табл. II, А 304. Ср. Prinz, указ. соч., стр. 30.

[2]) Ср. Böhlau, ук. соч., стр. 79 сл.

[3]) См. *Изв. Имп. Арх. Коммиссіи*, вып. 37, табл. III и IV.

[4]) Prinz, ук. соч., стр. 43. Бѣлыя накладныя линіи мы встрѣчаемъ также на вазахъ, составляющихъ такъ называемую клазоменскую группу. См. Prinz, ук. соч., стр. 47.

значительно проще техники оставленныхъ линій, требующей громадной тщательности и осторожности, а потому заимствованіе ея на милетскомъ сосудѣ въ переходное время вполнѣ вѣроятно и возможно [1]).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что рисунокъ *Б* нашей амфоры, еще не совсѣмъ порвавъ съ старыми пріемами (есть оставленныя линіи) и не употребляя рѣзьбы, принялъ въ себя совершенно чуждыя древне-милетскому стилю черты—силуэтный рисунокъ головы, бѣлыя линіи для подробностей и отсутствіе заполнительныхъ орнаментовъ. Отличаясь отъ чисто милетскихъ, роспись нашей амфоры на сторонѣ *Б* не можетъ быть, однако, поставлена рядомъ съ поздне-милетскими произведеніями (вслѣдствіе отсутствія рѣзьбы). Переходный характеръ изображеній на сторонѣ *Б* еще больше подчеркивается различіемъ техники на сторонѣ *А* [2]). Это послѣднее обстоятельство вводитъ насъ какъ-бы въ самый процессъ борьбы старыхъ пріемовъ съ новыми и даетъ указанія на путь, которымъ древне-милетское искусство перешло къ поздне-милетскимъ формамъ.

Въ зависимости отъ этой переходности стиля, нашу амфору и по времени придется поставить между сосудами древне-милетскими и поздне-милетскими. Такъ какъ производство первыхъ приходитъ въ упадокъ къ началу VI столѣтія [3]), а вторые по особенностямъ ихъ рисунка и техники надо отнести къ серединѣ того же вѣка [4]), то время нашей амфоры опредѣляется приблизительно серединой первой половины VI вѣка.

С. Руднева.

---

[1]) О сношеніяхъ Клазоменъ съ Милетомъ см. Zahn, *Athen. Mitteilungen*, XXIII (1898), стр. 68. О близости стиля клазоменскихъ саркофаговъ и «родосской» (милетской) керамики см. тамъ-же, стр. 70, примѣч. 6.

[2]) На нашей амфорѣ мы наблюдаемъ смѣшеніе разныхъ маперъ росписи, вполнѣ аналогичное тому, что часто наблюдается на аттическихъ вазахъ эпохи перехода отъ чернофигурной техники къ краснофигурной. Какъ извѣстно, имѣется много вазъ съ росписью въ одной техникѣ на одной сторонѣ и въ другой техникѣ на другой сторонѣ одного и того же сосуда.

[3]) Prinz, Funde aus Naucratis, стр. 37.

[4]) Ср. Н. Э. Радловъ, *Изв. Имп. Арх. Коммиссіи*, в. 37, стр. 84.

Серебряные сосуды съ золоченымъ орнаментомъ изъ Чмырева кургана.

I.

Около с. Большой Бѣлозерки Мелитопольскаго у. Таврической губ. разбросано много большихъ кургановъ, давно уже обратившихъ на себя вниманіе изслѣдователей своимъ богатымъ содержаніемъ. Среди вещей, найденныхъ въ нихъ, многіе предметы—явно не мѣстнаго происхожденія и обнаруживаютъ признаки эллинскаго стиля. Одинъ изъ этихъ кургановъ, извѣстный подъ именемъ „Цимбалки", еще въ 1867—8 г.г. былъ раскопанъ И. Е. Забѣлинымъ [1]). Верстахъ въ трехъ къ востоку отъ него расположена группа въ 17 насыпей различной величины (отъ 0,35 до 0,70 метра вышины). Самая большая изъ нихъ носитъ названіе „Чмыревъ курганъ". Въ 1898 г. проф. Ѳ. А. Браунъ предпринялъ изслѣдованіе этого кургана [2]). Курганъ обращалъ на себя вниманіе своей нѣсколько неправильной формой. Въ планѣ онъ имѣлъ видъ овала, продолговатаго къ юго-западу [3]); сѣверо-восточный склонъ его крутой, юго-западный болѣе отлогій; высота кургана достигала 5,70 м., діаметръ съ сѣверо-запада на юго-востокъ 57, а съ сѣверо-востока на юго-западъ 70 метровъ. Во многихъ мѣстахъ насыпи видны были слѣды хищническихъ раскопокъ. Въ центральной части была огромная яма отъ грабительскаго колодца, впущеннаго нѣкогда въ центръ кургана. При раскопкѣ у основанія кургана были обнаружены большія неотесанныя плиты (до 6 пудовъ вѣсомъ) днѣпровской породы. Особенно много было ихъ у окружности насыпи, ближе къ центру и выше онѣ исчезали. Безпорядокъ, въ которомъ онѣ лежали, не позволялъ предполагать здѣсь какого-либо сооруженія или хотя бы стѣны. Въ раскопкахъ попадались

---

[1]) *Отчетъ Имп. Археолог. Коммиссіи* за 1867 г., стр. XIX, и за 1868 г., стр. XIV.

[2]) Подробный отчетъ о раскопкахъ его см. въ *Извѣстіяхъ Имп. Археолог. Коммиссіи*, вып. XIX, стр. 96 слл.

[3]) *Изв. Имп. Арх. Комм.*, ук. вып., стр. 97, рис. 32.

лошадиныя кости и черепки амфоръ безъ клеймъ, а въ засыпи грабительскаго колодца, кромѣ того, человѣческія кости. По очисткѣ колодца стало ясно, что грабители своимъ раскопомъ совершенно уничтожили какъ самую погребальную камеру, такъ и спускъ въ нее; такимъ образомъ не было возможности установить ни формъ, ни размѣровъ ея. Вещей не было найдено никакихъ. На высотѣ 0,70 м. надъ материкомъ въ юго-западной стѣнѣ колодца обнаружена была мина, имѣвшая около 1,05 м. въ діаметрѣ. Какъ оказалось впослѣдствіи, черезъ эту мину было ограблено и второе погребеніе, которое находилось подъ юго-западной полой насыпи.

Эта часть насыпи была сооружена впослѣдствіи, причемъ способъ ея сооруженія опредѣляется безъ всякаго сомнѣнія. Въ готовой уже насыпи была сдѣлана выемка, расчищена площадка и на ней приготовлены могилы; послѣ погребенія насыпь кургана была возобновлена, причемъ въ составъ ея вошла и материковая земля, извлеченная при приготовленіи могилъ, и эта свѣжая присыпка къ насыпи придала кургану его своеобразный продолговатый видъ. Первой была вскрыта конская могила. Она представляла собою продолговатую четыреугольную яму съ закругленными углами, длиной 7 м., шириной 3 м. и глубиной 2,13 м. Въ юго-восточномъ углу ея былъ сдѣланъ отлогій спускъ въ могилу, длиной 1,55 и шириной 1,06 метра[1]). Поверху вдоль могилы было положено огромное бревно и поперекъ нѣсколько небольшихъ бревенъ; все это было прикрыто досками и толстымъ слоемъ лубка, который выходилъ за края могилы и придерживался тутъ огромными камнями, сплошь окружавшими могилу.

Картину погребенія проф. Ѳ. А. Браунъ представляетъ себѣ такъ: лошади живыми были введены въ могилу, которая послѣ этого была покрыта, какъ описано выше, досками и лубкомъ и засыпана; въ тѣсномъ помѣщеніи могилы лошади начали скоро задыхаться и стали инстинктивно рваться къ выходу. Этимъ проф. Ѳ. А. Браунъ объяснялъ то обстоятельство, что большинство костяковъ было найдено вблизи отъ входа, тогда какъ въ остальной части могилы оказалась лишь одна уздечка безъ черепа, а также безпорядокъ въ расположеніи лошадей. Эта картина погребенія лошадей является совершенной новостью, такъ какъ во всѣхъ остальныхъ раскопанныхъ до сихъ поръ

[1]) *Изв. Имп. Арх. Комм.*, ук. в. стр. 99, рис. 33 и 34.

курганахъ того же времени и типа лошади всегда погребались убитыми и кости ихъ лежали въ опредѣленномъ порядкѣ [1]). Въ виду безпорядка въ расположеніи лошадей было крайне трудно разобраться и въ вещахъ. Часто почти невозможно было рѣшить, къ какому изъ костяковъ слѣдуетъ относить ту или другую вещь. Тѣмъ не менѣе было обращено серьезное вниманіе на расположеніе вещей и удалось выяснить, что наибольшее вниманіе въ украшеніяхъ обращалось на голову и на грудь. Почти всѣ золотыя и серебряныя вещи были найдены около череповъ. Все же въ точности возстановить наборъ не удалось. Отсутствіе сѣделъ говоритъ за то, что лошади эти были упряжныя, быть можетъ тѣ, которыя привезли къ могилѣ трупъ своего владѣльца. На шеяхъ лошадей Ѳ. А. Браунъ усмотрѣлъ остатки хомутовъ въ видѣ истлѣвшаго войлока (?) и кожи. Найдены были слѣдующія вещи.

Налобники: на лошади № 3 золотой литой съ надчеканомъ, представляетъ голову пантеры, выходящую изъ гривы львиной головы (*Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. XIX, стр. 106—110, рис. 46, 47). На № 2 серебряный массивный въ видѣ головки грифона съ длинными ушами (рис. 73). На № 8 серебряный литой, покрытый тонкимъ электровымъ листкомъ, изображающій голову оленя (рис. 65). На № 9 серебряный съ головкой козла, снабженной двумя длинными загнутыми назадъ рогами (типа рис. 73). На уздечкѣ, найденной безъ черепа, золотой съ изображеніемъ птичьей головки съ короткими и широкими ушами; нижняя часть представляетъ схематизованныя крылья, поверху пройденъ рѣзцомъ (рис. 71 [2]).

На щекахъ у лошадей находились плоскія бляхи, покрытыя гравированнымъ орнаментомъ, называемыя обычно нащечниками. На № 3 найдены два золотыхъ нащечника изъ толстаго листа, исполненные чеканомъ и пройденные рѣзцомъ; подкладка мѣдная, прикрѣплена золотыми гвоздями; орнаментъ изображаетъ птицу изъ породы хищниковъ съ неяснымъ туловищемъ и крайне схематизованными крыльями (рис. 41 и 43). На № 4 найдены два нащечника того же типа, но сдѣланные

[1]) Въ истекшемъ 1911 г. проф. Н. И. Веселовскимъ былъ раскопанъ аналогичный курганъ въ томъ же Мелитопольскомъ у., и костяки коней лежали въ могилѣ въ строгомъ порядкѣ; очевидно, лошади были положены въ могилу уже убитыми.

[2]) Въ то время какъ всѣ остальныя лошади были найдены въ уздечкахъ, лошадь № 6 лежала безъ уздечки, но уздечка съ украшеніями была найдена отдѣльно въ с.-з. углу могилы.

изъ серебра и съ изображеніемъ въ одну и ту же сторону (рис. 49). На № 1 найдены обломки такихъ же серебряныхъ нащечниковъ. Наконецъ на уздечкѣ отъ № 6 найдены два золотыхъ нащечника того же типа.

Остальной наборъ украшеній состоялъ изъ различныхъ золотыхъ и серебряныхъ бляхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ особенно интересны своей техникой и орнаментомъ. Такъ, на № 1 была найдена большая тисненая золотая бляха съ изображеніемъ головы рогатаго силена. Проф. Ѳ. А. Браунъ, а затѣмъ и проф. Н. И. Веселовскій принимаютъ это изображеніе за Пана[1]). Три точно такія же бляхи найдены на № 10 (рис. 42). На № 3 найдены четыре золотыя штампованныя и пройденныя рѣзцомъ бляхи съ изображеніемъ головы Геракла съ львиной шкурой (рис. 45). На № 5 также найдены двѣ золотыя бляхи съ головой Геракла того же мотива, но съ нѣкоторой разницей въ трактовкѣ (рис. 44). На № 3, кромѣ бляхъ съ головой Геракла, были найдены еще двѣ золотыя бляхи съ изображеніемъ головы Медузы и змѣями по ободку (рис. 50) и двѣ съ тѣмъ же, но нѣсколько иначе трактованнымъ изображеніемъ и безъ змѣй (рис. 48). Наконецъ, на №№ 4 и 5 найдено по двѣ золотыхъ бляхи съ изображеніемъ головы Медузы третьяго типа (рис. 51). Всѣ бляхи художественной работы, штампованы по тонкому золотому листу, подбиты мѣднымъ листомъ, на которомъ укрѣплены ушки для ремней. Кромѣ описанныхъ бляхъ, на № 1 и № 8 были найдены по двѣ причудливыхъ ажурныхъ золотыхъ бляхи, которыя также могли играть роль нащечниковъ. При всѣхъ уздечкахъ находилось еще множество золотыхъ ворворокъ, золотыхъ и серебряныхъ бусъ и пр. На груди у лошадей были мѣдныя лунницы различной величины, мѣдные колокольчики съ желѣзными язычками, мѣдныя и, изрѣдка, серебряныя бляхи. При уздечкахъ были найдены желѣзныя удила и мѣдныя псаліи обычнаго типа.

Въ разстояніи 4,25 м. къ сѣверо-западу отъ конской могилы былъ обнаруженъ спускъ въ погребальную камеру, представлявшій въ планѣ прямоугольникъ длиной 4,52 и шириной 2,50 м. Къ низу этотъ колодецъ постепенно расширялся, такъ что внизу достигалъ размѣровъ 5,50 на

[1]) Съ конца III в. до Р. Хр. типъ Сатира и Силена сливается съ типомъ Пана и получаетъ отъ послѣдняго рога. Ср. W. H. Roscher, Ausführliches Lexikon d. griechischen und römischen Mythologie, т. III, стр. 1433—1433 и т. IV, стр. 488. Ср. Klein, Geschichte der griech. Kunst, III, стр. 234.

3,45 м. Глубина колодца 12 м.[1]). Въ сѣверо-западной стѣнѣ колодца была устроена короткая галлерея, ведшая въ камеру. Длина ея 1,25, ширина 1,86 м. Самая камера была расположена вправо отъ входа. Къ сожалѣнію, ни точной формы ея, ни размѣровъ установить не было возможности, такъ какъ обвалившіеся стѣны и потолокъ уничтожили всякіе слѣды обрѣзовъ. Ѳ. А. Браунъ предполагаетъ, что она имѣла форму прямоугольника, длиной 3,70, шириной 2,50 м. Колодецъ до самаго верха оказался заваленнымъ дикарными камнями одинаковой породы съ камнями въ насыпи. Первоначальное впечатлѣніе, что камера не ограблена, исчезло при самомъ началѣ работъ по очисткѣ ея отъ земли. Нижній слой, покрывавшій дно камеры, толщиной около 0,70 м., былъ темнѣе материка и значительно сырѣе его. Какъ потомъ выяснилось, эта земля попала въ камеру черезъ мину, которая еще раньше была замѣчена въ центральномъ грабительскомъ колодцѣ. Эта мина, какъ и самый колодецъ, очевидно, нѣкоторое время оставались открытыми, и черезъ нихъ вода проникала въ камеру и приносила съ собой верхнюю темную землю. Камера представляла полную картину разграбленія. По дну ея въ полномъ безпорядкѣ валялись человѣческія кости и отдѣльныя вещи. Въ виду рыхлости земли, нависшей надъ камерой, не было возможности произвести правильную расчистку ея; пришлось землю, покрывавшую дно, выносить въ мѣшкахъ наверхъ и тамъ тщательно просѣивать. Такимъ путемъ были добыты слѣдующія вещи: четырехугольная бляшка изъ тонкаго золотого листка съ штампованнымъ изображеніемъ двухъ борющихся человѣческихъ фигуръ, четыре небольшія золотыя овальныя бляшки съ изображеніемъ человѣка въ остроконечномъ головномъ уборѣ и въ одеждѣ, рукава которой свѣшиваются съ плечъ, сидящей передъ нимъ собаки и птицы надъ головой ея; четырехугольныя золотыя бляшки съ двумя грифонами въ геральдической позѣ, золотые трехугольнички обычнаго типа, золотая овальная зубчатая буса, золотая маленькая пронизка, золотой ободокъ, орнаментированный овами, мѣдные наконечники стрѣлъ, одинъ костяной наконечникъ стрѣлы, обломокъ костяной рукояти ножа, мѣдные и желѣзные обломки, два костяные альчика, одинъ изъ которыхъ просверленъ двумя отверстіями, и пр.

Всѣ вещи были найдены въ южномъ углу камеры близъ входа. Середина ея была ограблена дочиста. Оставалась еще не изслѣдованною

[1]) *Изв. Имп. Арх. Комм.*, в. XIX, стр. 105, рис. 35 и 36.

часть сѣверо-восточной стѣны камеры и ея крайній сѣверный уголъ, но на этотъ разъ эта часть такъ и не могла быть разслѣдована, такъ какъ образовавшіеся наколы на стѣнѣ и потолкѣ грозили обваломъ. Надо было бы примѣнить очень медленный и дорогой пріемъ—снять всю массу нависшей надъ камерой земли и освободить такимъ образомъ отъ земли неразслѣдованный уголъ. Недостатокъ средствъ и времени не позволилъ сдѣлать это.

Въ 1909 г. проф. Н. И. Веселовскій продолжилъ изслѣдованіе Чмырева кургана и открылъ эту камеру сверху[1]). При этомъ выяснилось, что колодецъ упирался въ уступъ около аршина вышиной. Выяснилось также, что камера имѣла видъ неправильнаго четыреугольника; у входа ширина ея была около 4,50 м., а у задней стѣнки всего 2,13 м.; длина камеры отъ уступа до задней стѣнки 4,26 м. Входъ въ камеру былъ заваленъ большими известковыми камнями. Дно ея отличалось правильностью обработки и было покрыто бѣлымъ веществомъ, какъ бы оштукатурено. Здѣсь опять стали попадаться золотыя нашивныя бляшки, о которыхъ проф. Н. И. Веселовскій говоритъ, что онѣ „не только блестятъ, а прямо горятъ". Кромѣ тѣхъ, которыя были уже найдены Ѳ. А. Брауномъ, т. е. съ геральдической группой грифоновъ, съ группой состоящей изъ человѣка, собаки и птицы, попадались также бляхи, найденныя и въ конской могилѣ, съ головой Медузы, Геракла, и новыя съ головкой Аѳины, съ львиной мордой, въ видѣ хищнаго звѣря, терзающаго лань, зерневые трехугольники и пр. Затѣмъ были найдены дутыя бусы изъ блѣднаго золота и женское ожерелье изъ низкопробнаго золота, состоящее изъ четырехугольныхъ основаній, на которыхъ укрѣплены поочередно то розетки, то уточки, а отъ розетокъ и уточекъ спускаются внизъ дутыя удлиненныя привѣски на короткихъ цѣпочкахъ. У западной же стѣны былъ обнаруженъ женскій черепъ и по бокамъ его двѣ золотыя серьги, состоящія изъ дутаго кузова въ видѣ калачика съ птичками на концахъ, держащими въ клювахъ маленькіе кружочки; отъ кузова спускаются 19 цѣпочекъ, на которыхъ подвѣшены птички. Кромѣ этого были найдены опять золотые ободки, орнаментированные овами, небольшая серебряная чашечка, серебряная двуствор-

[1]) Краткій отчетъ о раскопкахъ см. въ журналѣ «*Гермесъ*», т. VII, за 1910 г., стр. 302 слл. Н. И. Веселовскій. «Чмыревъ курганъ».

чатая коробочка, желѣзный перстень, обтянутый золотомъ, обломки желѣзнаго меча и костяные обломки.

Въ западной стѣнѣ камеры былъ открытъ тайникъ въ видѣ небольшой продолговатой ниши, устроенной вровень съ поломъ, длиной 0,70, шириной 0,45 и глубиной 0,35 м. Въ этомъ тайникѣ было найдено 10 серебряныхъ сосудовъ. Сосуды оказались сильно поврежденными, такъ какъ, послѣ того какъ они были положены въ тайникъ, онъ опять былъ забитъ землей. Нѣкоторые сосуды такъ погнулись и поломались, что отломанныя части не всегда приходятся къ своимъ мѣстамъ. Найдены: чаша съ двумя дутыми ручками съ вытисненными по борту плавающими птицами, ловящими рыбокъ; киликъ съ двумя ручками и съ золоченной накладкой по дну съ изображеніемъ Нереиды, везущей на гиппокампѣ шлемъ; два гладкихъ сосуда въ видѣ флаконовъ, одинъ сосудъ того же типа, но украшенный каннелюрами, одинъ ковшикъ, одинъ сосудъ въ видѣ кружки съ двумя золотыми ручками и золотой крышкой и, наконецъ, три фіалы съ золочеными умбонами (омфалосами) и золоченымъ же орнаментомъ вокругъ нихъ.

При съемкѣ земли надъ камерой съ сѣверной стороны раскопа произошелъ обвалъ, обнаружившій небольшую ямку, въ которой оказались мѣдныя украшенія отъ лошадиной сбруи, но безъ костей. Здѣсь были найдены обычныя круглыя, слегка позолоченныя бляхи, подобныя же фигурныя бляхи и мѣдные колокольчики. Къ какому погребенію относятся эти вещи, сказать трудно; особенно должно смущать отсутствіе при этихъ вещахъ костей.

II.

Изъ всѣхъ вещей, найденныхъ въ могилахъ Чмырева кургана, наибольшій интересъ представляютъ бляшки съ миѳологическими изображеніями и серебряные сосуды, найденные въ тайникѣ. Нѣкоторыя изъ бляшекъ уже извѣстны изъ другихъ кургановъ того же типа. Такъ, бляшки съ головкой Аѳины были найдены въ Семибратнемъ курганѣ [1]); бляшки съ головой Медузы извѣстны изъ Большой Близницы [2]) и др.; бляшки съ борющимися фигурами близки по типу и формамъ къ бляшкамъ Куль-обскаго кургана [3]) и т. д. Наконецъ слѣдуетъ отмѣтить, что

---

[1]) *Отчетъ Имп. Арх. Коммиссіи* за 1876 г., табл. III, рис. 4, 5 и 6.
[2]) *Отчетъ Имп. Арх. Коммиссіи* за 1865 г., табл. III, рис. 6, 7 и 29.
[3]) Толстой и Кондаковъ, Русскія древности, вып. 2, рис. на стр. 12.

недавно Н. Е. Макаренко въ одномъ изъ кургановъ близъ с. Мастюгина, Коротоякскаго у. Воронежской губ., нашелъ бляшки, являющіяся полной копіей съ бляшекъ Чмырева кургана съ грифонами [1]. Сходство такъ велико, что кажется, будто обѣ бляшки сдѣланы однимъ штампомъ. Нѣкоторой новостью являются лишь бляхи съ головой Геракла и головой Силена, а также бляшки съ фигурами человѣка, собаки и птицы.

Гораздо больше интереса представляютъ серебряные сосуды. Особенности ихъ техники, богатство орнаментаціи, стиль и форма,—все даетъ цѣнныя указанія насчетъ времени древностей Чмырева кургана. Въ настоящей статьѣ мы обратимъ спеціальное вниманіе на три фіалы и на киликъ, которые отличаются отъ прочихъ сосудовъ какъ своей техникой, такъ и орнаментаціей. Какъ мы упомянули выше, орнаментъ фіалъ вокругъ умбона и орнаментъ на днѣ килика позолочены. Техника, какой нанесена эта позолота, намъ хорошо извѣстна. Самый орнаментъ чеканенъ по дну сосудовъ, прямо по серебру; затѣмъ сверху былъ наложенъ тонкій листъ золота и при посредствѣ какого-либо мягкаго матеріала плотно прибитъ къ нему, такъ что весь орнаментъ четко отпечатался и на золотѣ. Это особенно ясно выступаетъ на сломанной фіалѣ, гдѣ отставшее отъ серебра золото позволяетъ ясно видѣть всѣ детали техники (см. ниже рис. 4). Каждый штампъ легко замѣчается на всѣхъ фіалахъ. Границы его настолько ясны, что сомнѣній въ этомъ быть не можетъ. Нѣсколько отличается по техникѣ орнаментація килика (см. ниже рис. 6). Здѣсь нѣтъ рельефа, вычеканеннаго по дну сосуда, тѣмъ не менѣе орнаментъ изготовленъ тѣмъ же способомъ, т. е. чеканка сдѣлана на отдѣльномъ дискѣ, позолоченномъ затѣмъ такъ же, какъ и фіалы, и все это укрѣплено на днѣ килика. Небольшое поврежденіе диска съ орнаментомъ вполнѣ обнаруживаетъ эту технику. Намъ нѣтъ надобности долго останавливаться на техникѣ, такъ какъ она вполнѣ понятна и хорошо извѣстна. Детально она разработана въ статьѣ Б. В. Фармаковскаго, помѣщенной въ сборникѣ, посвященномъ графу А. А. Бобринскому [2]. Укажемъ только, что это—исконная техника греческаго

---

[1] *Извѣстія Имп. Арх. Комм.*, вып. 43, табл. I, рис. 12, текстъ стр. 47—76.

[2] Золотыя обивки налучій (горитовъ) изъ Чертомлыцкаго кургана и изъ кургана въ м. Ильинцахъ, стр. 68 слл.

искусства, одинаково примѣнявшаяся какъ въ микенскую эпоху, такъ и въ эллинистическое время [1]).

Хотя орнаменты на фіалахъ и близки другъ къ другу, но каждый представляетъ самостоятельный мотивъ. На одной фіалѣ (рис. 1 на табл. XIV) непосредственно у умбона послѣ выпуклаго ободка идетъ бисерный шнурокъ, надъ которымъ помѣщенъ главный фризъ. Его составляютъ прекрасныя юношескія головки съ рожками, обрамленныя волосами, спадающими на плечи красивыми локонами. Эти локоны заканчиваются

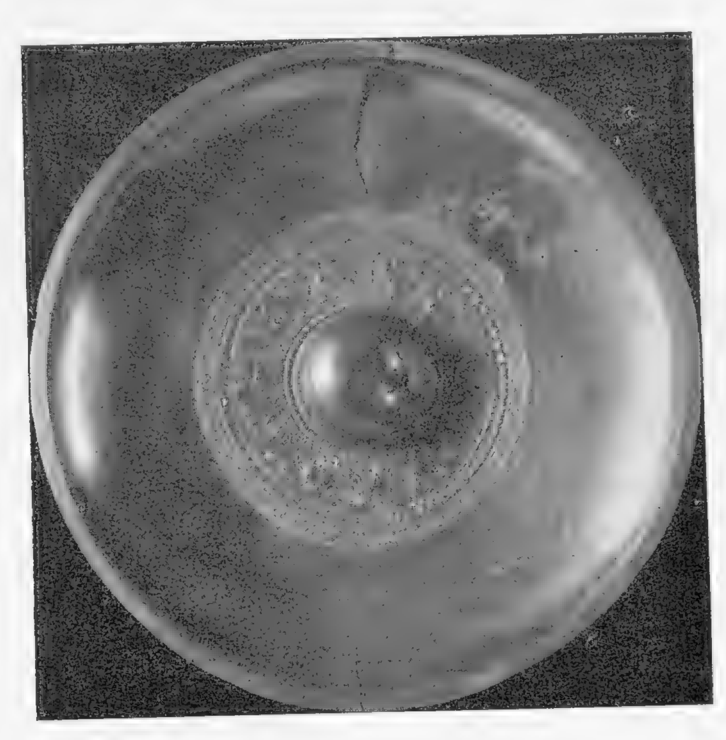

Рис. 2 (½).

завитками, изъ которыхъ выходятъ цвѣты лотоса, отдѣляющіе головки одну отъ другой. Сверхъ главнаго фриза, отдѣленный отъ него бисернымъ шнуркомъ, идетъ рядъ схематизованныхъ листьевъ (лесбійскій киматій). Наконецъ, верхнюю полосу, опять отдѣленную отъ предыдущихъ бисернымъ шнуркомъ, составляютъ два ряда меандровъ, перекрещивающихся и дающихъ въ мѣстахъ перекрещиванія свастику. Въ промежуткахъ, образуемыхъ меандрами, въ четырехугольникахъ, сдѣланныхъ

1) E. Saglio, Caelatura y Daremberg-Saglio, Dictionnaire des antiquités, т. I, стр. 785.

пунктиромъ, помѣщены миніатюрныя изображенія птичекъ въ родѣ уточекъ. Этотъ послѣдній рядъ въ свою очередь окаймленъ бисернымъ шнуркомъ.

Орнаментація другой фіалы (рис. 2 и на табл. XIV рис. 3) вполнѣ тожественна съ только что описанной, за исключеніемъ главнаго фриза и нижняго бисернаго шнурка, отдѣляющаго его отъ умбона. Главный фризъ здѣсь составляютъ фантастическія головки со схематизованными крылышками и пальметками на головѣ. Внизу крылышки заканчиваются

Рис. 4 (2/3).

завитками, на которые опираются пальметки, отдѣляющія эти головки одну отъ другой. Нижній бисерный шнурокъ отличается отъ другихъ тѣмъ, что зерна его нѣсколько крупнѣе и отдѣлены одно отъ другого двумя рубчиками. Въ остальной части внутренность этихъ двухъ фіалъ совершенно гладкая и не имѣетъ никакихъ орнаментальныхъ украшеній.

Орнаментъ третьей фіалы (рис. 4), наиболѣе пострадавшей, отличается отъ описанныхъ тѣмъ, что онъ состоитъ изъ двухъ фризовъ, по-

мѣщенныхъ одинъ надъ другимъ, и другихъ поясовъ, съ меандрами и лесбійскимъ киматіемъ, не имѣетъ. Нижній фризъ составляютъ пальметки, чередующіяся съ цвѣтами лотоса. Мотивъ верхняго фриза заключается въ двухъ сидящихъ другъ противъ друга сфинксахъ, имѣющихъ одну общую голову съ обычнымъ высокимъ украшеніемъ на ней. Фризы отдѣлены одинъ отъ другого и окаймлены съ наружной стороны бисерными шнурками. Вся внутренность фіалы покрыта гравированнымъ орнаментомъ, содержаніе котораго трудно опредѣлить въ виду того, что фіала сильно пострадала.

На днѣ килика (рис. 5), какъ сказано выше, укрѣпленъ позолоченный дискъ, на которомъ изображена Нереида, везущая на гиппокампѣ

Рис. 5 (½).

шлемъ Ахиллу (рис. 6). Изображеніе окаймлено, какъ-бы рамой, разводами аканѳа. Киликъ имѣетъ высокую ножку, въ верхней части которой бисерный шнурокъ и узкая золотая пластинка, сдѣланная въ техникѣ орнамента фіалъ и орнаментированная стилизованными листьями, маскируютъ мѣсто спайки ея съ туловищемъ сосуда. Туловище украшено каннелюрами. Верхній бортъ его изготовленъ отдѣльно и припаянъ къ нему, причемъ припайка опять замаскирована золотымъ бисернымъ шнуркомъ типа нижняго шнурка фіалы съ крылатыми головками. Сосудъ имѣетъ двѣ длинныя, красиво изогнутыя ручки.

Всѣ мотивы растительныхъ орнаментовъ на описанныхъ сосудахъ обычны въ греческомъ искусствѣ. Формы этихъ орнаментовъ не остаются неподвижными, но развиваются, и притомъ, повидимому, развитіе идетъ параллельно въ искусствѣ монументальномъ и прикладномъ. Поэтому

для сосудовъ Чмырева кургана можетъ быть опредѣлено время, или во всякомъ случаѣ terminus post quem, по типамъ ихъ орнаментовъ. Первое, такъ сказать, доминирующее мѣсто въ орнаментикѣ этихъ сосудовъ занимаютъ стилизованные листья, такъ называемый лесбійскій киматій. Въ фіалахъ этотъ орнаментъ занимаетъ одинъ изъ поясовъ вокругъ умбона, а въ киликѣ покрываетъ пластинку, маскирующую спайку сосуда съ ножкой. Во всѣхъ случаяхъ эти листья имѣютъ одинаковыя формы. Сами листья намѣчены весьма схематически одной сплошной извилистой линіей. Прожилки не отмѣчены совсѣмъ, за исключеніемъ одной основной продольной. Промежутки между листьями заполнены трехлистными пальметками, изображенными также схематически.

Рис. 6 (2/3).

Въ архитектурѣ этотъ орнаментъ встрѣчается довольно часто въ различныя эпохи греческаго искусства и развивается въ связи съ общимъ развитіемъ стиля. Такъ, мы видимъ его въ орнаментикѣ ѳолоса въ Эпидаврѣ, зданія VI в. до Р. Хр.[1]). Тамъ листья изображены также схематически, но прожилки отмѣчены въ гораздо большемъ количествѣ и много яснѣе. Промежутки между листьями заполнены концами другихъ листьевъ, какъ бы прикрытыхъ первыми. Такую же схему, но лишь съ двумя прожилками, сходящимися къ концу листа, видимъ на двухъ зеркалахъ изъ Эретріи, изданныхъ Милонасомъ и относимыхъ имъ къ концу V или началу IV вѣка до Р. Хр.[2]). Лесбійскій киматій того же типа найдемъ еще на саркофагѣ съ печальными женщинами изъ Сидона[3]) и на такъ называемомъ саркофагѣ Александра Македонскаго[4]). Въ половинѣ III вѣка на Птолемейонѣ на Самоѳракѣ мы видимъ киматій того же типа, съ той только разницей, что три прожилки, нанесенныя на листъ, почти сливаются вмѣстѣ[5]). Наконецъ, на

[1]) Defrasse et Lechat, Epidaure, Paris, 1895, стр. 114.

[2]) К. Δ. Μυλωνᾶς, Πτυκτὸν ἐξ Ἐρετρίας κάτοπτρον въ Ἐφημερὶς Ἀρχαιολογική 1893 г., табл. 15, стр. 213—222.

[3]) Hamdy-bey et Th. Reinach, Une nécropole royale à Sidon, табл. V.

[4]) Тамъ же, табл. XXIV.

[5]) M. Schede, Antikes Traufleisten-Ornament, табл. VIII, рис. 51.

базахъ колоннъ восточнаго портика Дидимейона[1]), относящихся къ половинѣ II вѣка до Р. Хр.[2]), находимъ такой же киматій съ двумя прожилками, сходящимися вмѣстѣ къ концу листа. Въ 1882 г. въ станицѣ Благовѣщенской, близъ Анапы, былъ раскопанъ курганъ, въ гробницѣ котораго былъ найденъ деревянный саркофагъ, украшенный фигурами Нереидъ на морскихъ чудовищахъ. Саркофагъ этотъ можетъ быть датированъ половиной III вѣка до Р. Хр. на основаніи найденной въ немъ монеты Лисимаха Ѳракійскаго, а также на основаніи сходства аканѳовыхъ разводовъ, украшавшихъ его, съ аканѳами храма Кавировъ на Самоѳракѣ[3]). Фризъ съ Нереидами былъ окаймленъ полосой лесбійскаго киматія[4]). Въ этомъ случаѣ листья были схематизованы гораздо сильнѣе, чѣмъ на ѳолосѣ въ Эпидаврѣ, прожилки замѣнены тремя рубчиками въ верхней части листа, промежутки заполнены концами листьевъ. Въ курганѣ Карагодеуашхъ была найдена серебряная позолоченная бляха съ отверстіемъ посрединѣ и обломанными краями[5]). Проф. В. К. Мальмбергъ привелъ вполнѣ достаточныя основанія въ пользу того, что эта бляха представляетъ дно фіалы[6]), сравненіе же ея съ фіалами Чмырева кургана должно, по нашему мнѣнію, разсѣять послѣднія сомнѣнія по вопросу объ ея назначеніи. Бляха эта имѣетъ орнаментъ, сдѣланный въ техникѣ фіалъ Чмырева кургана и близкій къ нему по формамъ. Нижній поясъ вокругъ отверстія, оставшагося отъ исчезнувшаго умбона, занимаютъ, послѣ обычнаго бисернаго шнурка, овы, слегка удлиненныя, съ змѣиными язычками на нихъ; слѣдующій фризъ составляютъ пальметки, раздѣленныя цвѣтами лотоса; надъ ними идетъ вѣнокъ изъ виноградныхъ листьевъ, а послѣдній поясъ покрытъ лесбійскимъ киматіемъ. По формамъ и схемѣ листьевъ этотъ киматій почти тожественепъ съ киматіемъ чмыревскихъ фіалъ: та же схема листьевъ, та же трехлистная пальметка между ними, только поверхность листьевъ украшена тремя прожилками, сходящимися вмѣстѣ къ концу листа. А. С. Лаппо-Данилевскій и В. К. Мальмбергъ опредѣляли время кургана концомъ IV или нача-

---

[1]) E. Pontremoli et B. Haussoullier, Didymes, Paris, 1904, стр. 145.
[2]) Ср. Б. В. Фармаковскій въ *Сборникѣ, поднесенномъ гр. А. А. Бобринскому*, стр. 107.
[3]) Schede, ук. соч. табл. VIII, рис. 48.
[4]) *Отчетъ Имп. Арх. Коммиссіи* за 1882—88 г.г., табл. VI, рис. 5.
[5]) *Матеріалы по археологіи Россіи, изд. Имп. Арх. Комм.*, № 13, табл. VI, рис. 4.
[6]) Тамъ же, стр. 152—153.

ломъ III вѣка до Р. Хр.[1]). Но, конечно, вѣрнѣе будетъ, основываясь на близкой аналогіи обивки его горита съ обивками ильинецкой и чертомлыцкой[2]), опредѣлить его концомъ III или даже началомъ II вѣка. Тотъ же типъ киматія имѣется и на обивкахъ горитовъ какъ карагодеуашхскаго[3]), такъ и ильинецкаго и чертомлыцкаго[4]). На всѣхъ перечисленныхъ памятникахъ мы видимъ два типа лесбійскаго киматія: помимо измѣненія характера прожилокъ на листьяхъ, характерными отличіями ихъ можно считать изображенія, заполняющія промежутки между листьями. Въ IV в. и первой половинѣ III вѣка до Р. Хр. это концы листьевъ, во второй половинѣ III-го и во II вѣкѣ—трехлистныя пальметки. Эти послѣдніе киматіи хорошо извѣстны: они, вѣроятно, іонійскаго происхожденія и весьма распространены на издѣліяхъ торевтики эллинистической эпохи. Датируются они концомъ III, началомъ II вѣка[5]).

Именно этотъ типъ киматія мы имѣемъ и на фіалахъ Чмырева кургана. Такимъ образомъ уже эта аналогія даетъ возможность установить для разбираемыхъ сосудовъ время, во всякомъ случаѣ, уже послѣ конца III вѣка или даже начала II вѣка до Р. Хр.

Самый крайній поясъ въ двухъ фіалахъ занятъ полосой двухъ перекрещивающихся меандровъ. Меандры—довольно обычный мотивъ въ архитектурѣ. Мы видимъ ихъ почти на всемъ протяженіи греческаго искусства. Видимъ ихъ на фронтонѣ храма Зевса Олимпійскаго[6]) и въ орнаментикѣ ѳолоса въ Эпидаврѣ[7]), встрѣчаемъ на саркофагѣ Александра Македонскаго[8]), на нѣкоторыхъ деревянныхъ саркофагахъ[9]). Есть меандры и на базахъ колоннъ Дидимейона[10]). Въ римское время меандры встрѣчаются въ орнаментикѣ Maison carrée въ Нимѣ[11]). На фіалахъ въ

---

[1]) Тамъ же, стр. 95 и 191.

[2]) Ср. Б. В. Фармаковскій, Золотыя обивки налучій (горитовъ) изъ Чертомлыцкаго кургана и изъ кургана въ м. Ильинцахъ. *Сборникъ, поднес. гр. А. А. Бобринскому*, стр. 45—118.

[3]) *Матеріалы по арх. Россіи*, № 13, табл. IX, рис. 1 и стр. 57 и 123.

[4]) Указанная статья Б. В. Фармаковскаго, табл. I и II.

[5]) Ср. Б. В. Фармаковскій, ук. ст. стр. 108—109.

[6]) Schede, ук. соч., табл. III, рис. 5.

[7]) Defrasse et Lechat, ук. соч., стр. 123.

[8]) Hamdy-bey et Th. Reinach, Une nécropole royale à Sidon, таб. XXIV.

[9]) C. Watzinger, Griechische Holzsarkophage aus der Zeit Alexanders des Grossen, рис. 56 на стр. 32.

[10]) E. Pontremoli et B. Haussoullier, Didymes, табл. XIV.

[11]) Schede, ук. соч., табл. XII, рис. 74.

промежуткахъ, образуемыхъ меандрами, въ четырехугольникахъ, сдѣланныхъ пунктиромъ, помѣщены миніатюрныя изображенія птичекъ. Между тѣмъ, на всѣхъ указанныхъ памятникахъ промежутки эти заполнены геометрическими орнаментами: квадратъ, раздѣленный двумя линіями на четыре части, квадратъ, раздѣленный на девять квадратиковъ, окрашенныхъ въ шахматномъ порядкѣ, квадратъ съ точкой внутри его и т. п. Въ архитектурѣ такое заполненіе пустого пространства вполнѣ естественно, но въ торевтикѣ, наоборотъ, естественно стремленіе оживить орнаментику какимъ-либо изображеніемъ изъ міра животнаго или растительнаго. Это могъ быть цвѣтокъ, какое-либо животное или же, наконецъ, розетка. Такія розетки встрѣчаются среди меандровъ Дидимейона, причемъ слѣдуетъ отмѣтить, что и сами меандры здѣсь болѣе развиты и элегантны и самое переплетеніе ихъ болѣе изысканно [1]). Такія же розетки найдемъ и на калаѳѣ изъ „Большой Близницы" [2]). Всѣ разсмотрѣнные случаи употребленія меандровъ нашего типа въ орнаментикѣ указываютъ на обычность ихъ отъ древнѣйшихъ временъ до римской эпохи, значитъ, и присутствіе меандровъ на фіалахъ вполнѣ естественно.

На всѣхъ сосудахъ мы отмѣтили значительное распространеніе бисерныхъ шнурковъ, служащихъ для раздѣленія отдѣльныхъ поясовъ орнамента, а также для маскированія техническихъ пріемовъ при соединеніи отдѣльныхъ частей сосудовъ. При этомъ встрѣчаются два типа этихъ шнурковъ: 1) чаще встрѣчающійся, состоящій изъ ряда мелкихъ зеренъ, посаженныхъ вплотную одно къ другому, и 2) ограничивающій орнаментъ фіалы съ крылатыми головками снизу, а также маскирующій спайку борта килика съ его тѣломъ, состоящій изъ зеренъ болѣе крупнаго калибра, отдѣленныхъ одно отъ другого двумя рубчиками.

Этотъ второй типъ бисернаго шнурка часто встрѣчается въ архитектурѣ. Обычно онъ сопровождаетъ киматій. На храмѣ Зевса Олимпійскаго видимъ его въ сочетаніи съ меандрами и дорическимъ киматіемъ [3]). На ѳолосѣ въ Эпидаврѣ онъ встрѣчается вмѣстѣ съ меандрами и лесбійскимъ киматіемъ [4]). Въ сочетаніи съ лесбійскимъ кима-

---

[1]) Pontremoli-Haussoullier, Didymes, табл. XIV.
[2]) *Отчетъ Имп. Арх. Коммиссіи* за 1865 г., табл. I.
[3]) Schede, ук. соч. табл. III, рис. 15.
[4]) Defrasse et Lechat, ук. соч. стр. 112.

тіемъ—на Артемисіонѣ въ Магнезіи[1]). Съ іонійскимъ и съ лесбійскимъ киматіями—на Птолемейонѣ на Самоѳракѣ[2]). На саркофагахъ такой шнурокъ очень распространенъ. На такъ называемомъ саркофагѣ Александра Македонскаго онъ встрѣчается съ меандрами[3]). На деревянномъ саркофагѣ изъ Египта онъ украшаетъ крышку[4]). На саркофагѣ изъ станицы Благовѣщенской онъ въ сочетаніи съ лесбійскимъ и іонійскимъ киматіями окаймляетъ фризъ съ Нереидами[5]). На саркофагѣ изъ Тамани онъ окаймляетъ фризъ съ грифонами[6]). На саркофагѣ изъ Ольвіи этотъ шнурокъ составляетъ единственное украшеніе[7]). Видоизмѣненіе шнурка заключается въ разстояніи между зернами и въ формѣ самихъ зеренъ. На Артемисіонѣ въ Магнезіи есть два вида шнурка: въ одномъ случаѣ зерна совершенно круглыя и посажены близко одно къ другому, въ другомъ—зерна продолговатыя и отстоятъ одно отъ другого довольно далеко. На сосудахъ Чмырева кургана встрѣчается именно первая форма. Наиболѣе близкій къ формамъ орнаментики сосудовъ Чмырева кургана бисерный шнурокъ имѣется, кромѣ Артемисіона, еще на Птолемейонѣ на Самоѳракѣ, на Дидимейонѣ[8]) и на саркофагѣ съ Нереидами.

Такимъ образомъ эти три орнаментальные мотива,—лесбійскій киматій, перекрещивающіеся меандры и бисерный шнурокъ,—выходятъ изъ IV вѣка и получаютъ распространеніе въ эллинистическое время, причемъ типы ихъ, наиболѣе близкіе къ сосудамъ Чмырева кургана, относятся не ранѣе, какъ къ концу III или началу II вѣка до Р. Хр.

На фіалѣ со сфинксами нижній фризъ заполненъ пальметками, чередующимися съ цвѣтами лотоса. Характерную черту этого орнамента составляетъ то, что крайніе лепестки лотоса, очень длинные, выгнуты наружу такимъ образомъ, что образуютъ какъ-бы медальонъ, въ которомъ помѣщены пальметки. Это—дальнѣйшее развитіе того мотива, который мы видимъ на симѣ Парѳенона[9]), но тамъ этотъ медальонъ

---

[1]) Schede, ук. соч. табл. XI, рис. 65 и 66.
[2]) Тамъ же, табл. VIII, рис. 51.
[3]) Hamdy-bey—Th. Reinach, ук. соч. табл. XXIV.
[4]) Watzinger, Griech. Holzsarkophage, рис. 56 на стр. 32.
[5]) *Отчетъ Имп. Арх. Коммиссіи* за 1882—88 гг., табл. VI, рис. 5.
[6]) Watzinger, ук. соч., рис. 65 на стр. 37.
[7]) Watzinger, ук. соч., рис. 67 и 68 на стр. 38.
[8]) Pontremoli-Haussoullier, Didymes, табл. X.
[9]) Schede, ук. соч. табл. III, рис. 16.

образованъ не лепестками лотоса, а продолженіемъ завитковъ, на которые опираются пальметки. Но на Мавсолеѣ Галикарнасскомъ этотъ мотивъ разрабатывается уже въ томъ же духѣ, какъ и на фіалѣ[1]). Въ эллинистическое время пальметный фризъ, совершенно аналогичный нижнему фризу фіалы со сфинксами, найдемъ на базахъ колоннъ восточнаго фасада храма Аполлона Дидимейскаго[2]): тѣ же девятилистныя пальметки, окаймленныя листьями лотоса, опирающагося на листья и завитки. Пальметный фризъ карагодеуашхской бляхи совершенно тожественен съ фризомъ фіалы[3]). Наконецъ, укажемъ еще на двѣ золотыя пластинки изъ кургана „Малая Близница", орнаментированныя пальметками совершенно того же типа[4]). Слѣдуетъ отмѣтить еще то обстоятельство, что пальметки ильинецкаго и чертомлыцкаго горитовъ очень близки по типу къ описываемымъ[5]). Эти примѣры говорятъ въ пользу того, что данный мотивъ пальметнаго фриза былъ довольно обыченъ въ эллинистическое время въ издѣліяхъ торевтики, особенно среди находимыхъ въ южной Россіи. Такимъ образомъ и въ пальметномъ фризѣ фіалы со сфинксами мы находимъ подтвержденіе того, что сосуды Чмырева кургана должны быть отнесены ко времени не ранѣе III—II в.

Характерной чертой аканѳовыхъ разводовъ вокругъ изображенія Нереиды на киликѣ надо считать ихъ простоту и элегантность. Цвѣтовъ аканѳа нѣтъ совсѣмъ. Единственнымъ украшеніемъ являются листья и завитки. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они отдѣляются отъ главнаго ствола, послѣдній имѣетъ одинъ мягкій перехватъ. Листья изображены крайне схематически—тремя или четырьмя слегка изогнутыми линіями. Уже самое изящество и легкость аканѳа говорятъ за его сравнительно позднее время. Ближайшую аналогію ему находимъ на колоннахъ Птолемейона на Самоѳракѣ[6]). Тамъ, однако, аканѳовые разводы богаче и пышнѣе. Хотя болѣе близкой аналогіи мы и не находимъ, но и эта приводитъ насъ къ намѣченному уже времени.

Изъ остальныхъ орнаментальныхъ мотивовъ особый интересъ представляютъ юношескія головки съ рожками, занимающія главный фризъ

---

[1]) Тамъ же, табл. IV, рис. 25.
[2]) Pontremoli-Haussoullier, Didymes, стр. 68, 144 и табл. XVIII.
[3]) *Матеріалы по арх. Россіи*, № 13, табл. VI, рис. 4.
[4]) *Отчетъ Имп. Арх. Коммиссіи* за 1882—88 г.г., табл. VII, рис. 2 и 13.
[5]) Б. В. Фармаковскій, ук. соч., табл. I и II.
[6]) Schede, ук. соч., табл. VIII, рис. 51.

одной изъ фіалъ. Простой ли это орнаментальный мотивъ, или головки эти изображаютъ сатира? Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что здѣсь изображенъ именно сатиръ. Фіала служила сосудомъ, изъ котораго пили вино, и потому вполнѣ естественно ожидать на ней изображенія вакхическихъ сюжетовъ. Повидимому, одинъ изъ такихъ сюжетовъ изображенъ и на фіалѣ со сфинксами, къ сожалѣнію сильно пострадавшей именно въ этомъ мѣстѣ. Все же на ней можно разобрать вѣнокъ изъ виноградныхъ листьевъ и пляшущія фигуры, быть можетъ, менадъ. На карагодеуашхской бляхѣ, которая тоже служила дномъ фіалы, одинъ изъ фризовъ ея занятъ вѣнкомъ изъ виноградныхъ листьевъ [1]). На фіалѣ Семибратняго кургана единственный фризъ занятъ изображеніями головы силена [2]). Наконецъ, на кульобской фіалѣ также имѣются изображенія силена [3]). Эти примѣры позволяютъ и на данной фіалѣ искать изображеніе, имѣющее отношеніе къ вакхическому культу. Кромѣ того, необходимо обратить вниманіе еще на одну деталь, именно на изображенія на бляхахъ изъ конской могилы. Какъ сказано выше, вѣроятнѣе принимать эти изображенія за головы силена. Тамъ онъ изображенъ съ рогами, что и заставляетъ насъ относить время изготовленія ихъ не ранѣе какъ къ концу III вѣка до Р. Хр., такъ какъ именно съ этого времени начинается смѣшеніе типовъ Пана и сатира, въ виду чего сатиры и силены получаютъ рога. Но разъ мы склонны въ изображеніяхъ на бляхахъ видѣть силена, то ничто не можетъ препятствовать намъ признать въ головкахъ на фіалѣ сатира. Это обстоятельство для датировки сосуда имѣетъ большое значеніе: благодаря ему, мы вправѣ относить сосудъ ко времени не ранѣе конца III и скорѣе даже къ первой половинѣ II вѣка до Р. Хр.

Что касается остальныхъ изображеній на сосудахъ, то сфинксы, составляющіе мотивъ верхняго фриза поврежденной фіалы, также не являются новостью въ орнаментикѣ. Такъ, на рукояти зеркала, изданной де-Риддеромъ, изображены два сфинкса, обращенные лицомъ другъ къ другу, но имѣющіе каждый отдѣльную голову [4]). Въ той же позѣ изображены грифоны на фризѣ и капителяхъ антъ въ Дидимейонѣ [5]).

[1]) *Матер. по арх. Россіи*, № 13, табл. VI, рис. 4.

[2]) *Отчетъ Имп. Арх. Коммиссіи* за 1876 г., табл. IV, рис. 9.

[3]) *Древности Босфора Киммерійскаго*, табл. XXV.

[4]) A. de-Ridder, Δύο κάτοπτρα μετὰ λαβῶν въ Ἐφημερὶς Ἀρχαιολογική 1898 г., табл. VII, стр. 121—136.

[5]) Rayet et Thomas, Milet et le golfe Latmique, табл. 37, 49, 51.

Мотивъ двухъ фантастическихъ существъ съ одной общей головой[1]) видимъ, между прочимъ, на бляшкахъ изъ Куль-обскаго кургана[2]). Что касается крылатыхъ головокъ съ пальметкой на головѣ, то въ нихъ, повидимому, слѣдуетъ видѣть сирену, на подобіе той, которая изображена на фронтонѣ деревяннаго саркофага изъ Капра[3]).

На накладкѣ по дну килика имѣется изображеніе Нереиды, везущей на гиппокампѣ шлемъ. Это изображеніе, повидимому, выхвачено изъ какой-либо композиціи, передающей миѳъ объ Ахиллѣ. Миѳъ этотъ былъ весьма любимъ, и различные моменты изъ него довольно часто иллюстрировались на всевозможныхъ предметахъ. Отдѣльныя фигуры часто встрѣчаются на предметахъ украшенія. Такъ, на одномъ изъ упомянутыхъ уже зеркалъ изъ Эретріи изображена Ѳетида на конѣ, скачущемъ по морю, которое характеризовано дельфиномъ, плывущимъ у ногъ коня, и волнистыми линіями, символизирующими волны[4]). На другомъ зеркалѣ, изданномъ тѣмъ же Милонасомъ, изображена Нереида, везущая поножь на гиппокампѣ[5]). Тѣ же изображенія встрѣчаемъ на серьгахъ изъ „Большой Близницы“[6]) и на нашивныхъ бляшкахъ изъ „Малой Близницы“[7]). Какъ мы уже упоминали, въ курганѣ станицы Благовѣщенской былъ открытъ деревянный саркофагъ, на которомъ имѣлся цѣлый фризъ, покрытый изображеніями Нереидъ, везущихъ предметы вооруженія на тритонахъ, тритонидахъ, гиппокампахъ, морскихъ драконахъ и чудовищахъ[8]). Всѣхъ изображеній на саркофагѣ было 15, причемъ нѣкоторыя Нереиды везли одинаковые предметы. Баронъ В. Г. Тизенгаузенъ высказалъ вполнѣ допустимое предположеніе, что изображенія, вдохновившія мастера этой композиціи, могутъ восходить къ группѣ Скопаса, о которой сообщаетъ Плиній и которая изображала на ряду съ Нептуномъ, Ѳетидой и Ахилломъ Нереидъ, сидящихъ на морскихъ чудовищахъ[9]). Впрочемъ баронъ Тизенгаузенъ считаетъ нужнымъ оговориться, что врядъ-ли мастеръ пользовался только одной

[1]) Ср. A. S. Murray, *Journ. of Hellenic Studics*, II (1881), стр. 318 слл.
[2]) Ср. *Древности Босфора Кимм.*, табл. XXII, 11.
[3]) Watzinger, Griech. Holzsarkophage, рис. 57 на стр. 38.
[4]) K. Δ. Μυλωνᾶς, Ἐφημ. Ἀρχαιολογ. 1893 г., табл. 15, стр. 213—222.
[5]) Ἐφημ. Ἀρχαιολογική, 1894 г., табл. 6.
[6]) *Отчетъ Имп. Арх. Коммиссіи* за 1865 г., табл. II, рис. 1 и 2.
[7]) *Отчетъ Имп. Арх. Коммиссіи* за 1882—88 г.г., табл. VII, рис. 7.
[8]) *Отчетъ Имп. Арх. Комм.* за 1882—88 г.г., табл. III, IV и V (рис. 15, 17 и 18)
[9]) Тамъ же, стр. 49.

композиціей; въ этомъ отношеніи имѣетъ значеніе то, что нѣкоторыя Нереиды везутъ одинаковые предметы вооруженія, тогда какъ самыя фигуры сильно отличаются одна отъ другой. Изображеніе Нереиды на киликѣ не имѣетъ себѣ подобнаго среди изображеній саркофага. Гораздо важнѣе для насъ изображеніе на базѣ одной изъ колоннъ восточнаго портика храма Аполлона Дидимейскаго. Тамъ также изображены Нереиды на тритонахъ [1]). Важно это изображеніе для насъ въ силу того, что мы признали время изготовленія нашихъ сосудовъ не ранѣе конца III или даже первой половины II вѣка до Р. Хр. На этомъ основаніи мы вправѣ искать и первоисточника для нашихъ изображеній близъ этого времени. Въ этомъ отношеніи и имѣетъ большое значеніе изображеніе Нереидъ на базахъ колоннъ Дидимейона, время которыхъ опредѣляется точно (около 150 г. до Р. Хр.). Можетъ быть, даже какъ мастеръ килика, такъ и мастеръ саркофага черпали вдохновеніе изъ искусства, которому обязана своимъ происхожденіемъ орнаментика Дидимейона. Если это такъ, то это обстоятельство можетъ отодвинуть время изготовленія сосудовъ Чмырева кургана даже во вторую половину II вѣка.

Мы уже отмѣчали, что многіе мотивы орнаментаціи этихъ сосудовъ ведутъ начало изъ IV вѣка. Въ этомъ отношеніи характерно сочетаніе лесбійскаго киматія, меандровъ и бисернаго шнурка, встрѣчающееся на ѳолосѣ въ Эпидаврѣ [2]). Не менѣе типиченъ также самый мотивъ пальметнаго фриза, примѣръ котораго имѣется на Мавсолеѣ Галикарнасскомъ [3]). Можно указать еще на одно обстоятельство, именно на форму фіалъ, прототипъ которой найдемъ въ орнаментикѣ ѳолоса въ Эпидаврѣ. Тамъ мы встрѣтимъ вогнутые круглые медальоны съ шарообразнымъ возвышеніемъ въ центрѣ. Это какъ разъ та форма, которую имѣютъ фіалы. Эти медальоны занимаютъ фризъ [4]). На нѣкоторыхъ изъ нихъ вокругъ умбона имѣется орнаментъ въ видѣ пальметокъ, который еще болѣе увеличиваетъ сходство ихъ съ фіалами [5]). Такимъ образомъ, не только орнаментальные мотивы, но даже самая форма фіалъ въ прототипѣ выходитъ изъ IV вѣка. Это обстоятельство очень характерно для искусства II вѣка. Вспомнимъ, сколь многимъ обязано хотя бы искусство Пергама IV вѣку.

---

[1]) Rayet et Thomas, Milet et le golfe Latmique, табл. 30 и 44.
[2]) Defrasse et Lechat, табл. VII.
[3]) M. Schede, ук. соч., табл. IV, рис. 25
[4]) Defrasse et Lechat, рис. на стр. 114 и 123 и табл. VI.
[5]) Defrasse et Lechat, рис. на стр. 114.

Вопросъ о мѣстѣ изготовленія сосудовъ, кажется, не можетъ вызвать большихъ разногласій. Почти всѣ орнаментальные мотивы ихъ ведутъ свое начало изъ Малой Азіи. Большинство ихъ имѣетъ довольно близкія и тѣсныя аналогіи съ орнаментикой храма Аполлона Дидимейскаго. Наконецъ, нѣкоторыя особенности стиля и техники сосудовъ, а также близость ихъ къ обивкамъ горитовъ ильинецкаго и чертомлыцкаго— все это ведетъ ихъ въ одно мѣсто съ послѣдними, вѣроятнѣе всего, къ Милету. Изготовлены сосуды, по всей вѣроятности, въ самомъ Милетѣ и черезъ Пантикапей или Ольвію попали въ руки одного изъ варварскихъ сарматскихъ царьковъ, могилу котораго представляетъ Чмыревъ курганъ. Судьба сосудовъ, вѣроятно, аналогична судьбѣ обивокъ горитовъ, найденныхъ въ курганахъ Ильинецкомъ и Чертомлыцкомъ и разобранныхъ Б. В. Фармаковскимъ въ неоднократно названной нами статьѣ его, помѣщенной въ сборникѣ, посвященномъ графу А. А. Бобринскому.

Всев. Саханевъ.

---

*

Замѣтки къ херсонесскимъ надписямъ, изданнымъ Р. Х. Леперомъ.

Р. Х. Леперу при самомъ началѣ археологическихъ изслѣдованій въ Херсонесѣ, возложенныхъ на него въ 1908 г. Имп. Археологической Коммиссіей послѣ кончины К. К. Косцюшко-Валюжинича, посчастливилось открыть рядъ новыхъ эпиграфическихъ документовъ, которые теперь обработаны и изданы имъ въ этомъ выпускѣ „Извѣстій" (стр. 23—70). Въ числѣ новыхъ находокъ есть документы весьма важные и интересные, какъ, напр., договорныя клятвы херсонесцевъ съ царемъ Фарнакомъ (№ 1), новые обломки декрета въ честь писателя Сириска (№ 3) и др., но большинство надписей найдено, по обыкновенію, въ искалѣченномъ видѣ, чаще всего въ ничтожныхъ обломкахъ. Издатель отнесся съ весьма пристальнымъ вниманіемъ ко всѣмъ мельчайшимъ вопросамъ, связаннымъ съ возстановленіемъ испорченныхъ документовъ, и не только предложилъ вполнѣ удачныя въ большинствѣ случаевъ возстановленія, но и сдѣлалъ попутно цѣлый рядъ поправокъ къ прежде изданнымъ мною херсонесскимъ надписямъ, для объясненія которыхъ его находки представляли какія-либо новыя данныя. Однако, всѣ эпиграфисты хорошо знаютъ, какъ трудно при первомъ же изданіи попорченныхъ документовъ возстановлять ихъ вполнѣ безукоризненно. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если и у насъ, при чтеніи корректурныхъ листовъ статьи г. Лепера по обязанности редактора „Извѣстій", накопилось нѣсколько мелкихъ замѣтокъ къ опубликованнымъ имъ документамъ, которыя мы и предлагаемъ вниманію читателей.

Декретъ № 2 (стр. 40 сл.) интересенъ, между прочимъ, тѣмъ, что окончательно опредѣляетъ численный составъ коллегіи номофилаковъ и указываетъ, какъ слѣдуетъ возстановлять тѣ фрагменты, въ которыхъ, какъ казалось, число ихъ было больше трехъ. Р. Х. Леперъ, конечно, не преминулъ обратить вниманіе на такіе фрагменты и предложить болѣе

правильное возстановленіе ихъ (стр. 42—43). Однако, съ отрывкомъ декрета, изданнымъ нами въ „Извѣстіяхъ", в. 14, стр. 101, всетаки выходитъ затрудненіе: въ концѣ стр. 1-й и началѣ 2-й для отчества перваго номофилака и имени съ отчествомъ второго, т. е., иначе говоря, для трехъ личныхъ именъ, изъ коихъ одно стояло въ имен. и два въ род. падежахъ, по разсчету Р. Х. Лепера остается всего 11—13 буквъ. Конечно, возможно допустить вмѣстѣ съ издателемъ, что всѣ три имени были очень короткія, въ родѣ приводимыхъ имъ Ἴων, Βίων, Λέων, Νικίας, Ῥινίας, Σιμίας, Ζῆθος и т. п., но все же такое случайное совпаденіе нарочито краткихъ именъ мало вѣроятно, а другое предположеніе Р. Х. Лепера („можетъ быть двое изъ нихъ были братьями и имя отца было поставлено только одинъ разъ") намъ кажется и вовсе не пріемлемымъ для оффиціальнаго документа [1]), гдѣ каждое должностное лицо, естественно, должно было обозначаться своимъ полнымъ именемъ, при чемъ родственныя связи не имѣли никакого значенія. Поэтому мы скорѣе склонны думать, что въ данномъ отрывкѣ, въ видѣ исключенія, были названы только два номофилака: третій могъ не участвовать въ предложеніи декрета по болѣзни или отсутствію изъ города.

№ 3, декретъ въ честь писателя Сириска, благодаря счастливой находкѣ двухъ новыхъ обломковъ возстановляется почти цѣликомъ, за исключеніемъ конца, содержавшаго въ себѣ датировку. Къ сожалѣнію, самъ издатель не вполнѣ увѣренъ въ полной точности всѣхъ предложенныхъ имъ возстановленій, и мы должны признаться, что кое въ чемъ раздѣляемъ эту неувѣренность (напр. хотя бы насчетъ возстановленія строкъ 24 и 25). Къ неменьшему сожалѣнію, мы въ настоящее время лишены возможности провѣрить по эстампажу (если онъ и сохранился) перваго обломка, дѣйствительно ли на немъ ясно видны смущающія почтеннаго издателя буквы ΤΟΤΑ въ стр. 6-й. Однако, тотъ фактъ, что я при вторичномъ изученіи эстампажа (при обработкѣ addenda et corrigenda къ IosPE. IV) не сдѣлалъ никакой оговорки насчетъ этихъ буквъ, заставляетъ думать, что я видѣлъ ихъ и вторично. Кромѣ того, зоркій глазъ М. В. Фармаковскаго, сдѣлавшаго facsimile

---

[1]) Тѣмъ болѣе, что при такомъ предположеніи мы почти ничего не выиграемъ, такъ какъ придется выдѣлить 5 буквъ для необходимо нужныхъ союза καὶ и члена οἱ. Примѣримъ хотя бы такія имена: Λάμαχ[ος καὶ Βίων οἱ Σιμία],—получимъ въ скобкахъ 14 буквъ, не считая окончанія имени Λάμαχος.

для изданія съ присланнаго Р. Х. Леперомъ не особенно удачнаго фотографическаго снимка, усмотрѣлъ еще слабые слѣды верхней перекладинки буквы Т и частицы буквы О (см. facsimile на табл. I б). Стало быть, съ этими буквами пока надо считаться.

Что касается до другихъ частностей, то въ стр. 20-й между ἀναγράψαι и τοὺς нужно, кажется, вставить δέ, а въ стр. 22—23 мы считаемъ излишнимъ мѣстоименіе αὐτὰν, такъ какъ въ херсонесскихъ декретахъ оно въ этомъ мѣстѣ обыкновенно не ставится; если же его выпустить, то вполнѣ возможно будетъ по аналогіи съ IosPE. IV, 67,— на которую обратилъ вниманіе и Р. Х. Леперъ на стр. 49,—возстановить καὶ θέμε[ν ἐν|τὸς τοῦ προ]νάου τᾶς Παρθένου κτλ.

Наконецъ, намъ кажется страннымъ, что Р. Х. Леперъ ни однимъ словомъ не обмолвился о значеніи декрета въ честь Сириска для культурной исторіи Херсонеса, какъ свидѣтельствующаго о существованіи въ Херсонесѣ своего мѣстнаго писателя по религіознымъ и политическимъ вопросамъ, а также и объ обычаѣ публичныхъ чтеній литературныхъ произведеній и о томъ, какъ въ этомъ захолустьѣ (съ точки зрѣнія древнихъ) умѣли цѣнить и поощрять литературную дѣятельность.

Къ № 6. Предложенныя Р. Х. Леперомъ возстановленія этого декрета и объясненія къ нему даютъ поводъ къ нѣсколькимъ замѣчаніямъ. 1) Въ стр. 2-й членъ τᾶν (встрѣтившаяся уже въ нѣсколькихъ декретахъ форма вмѣсто τῶν) пропущенъ, безъ сомнѣнія, просто по ошибкѣ рѣзчика, объясняемой тѣмъ, что тѣ же три буквы были имъ уже вырѣзаны раньше (какъ окончаніе слова Χερσονασιτᾶν).—2) Въ стр. 7-й въ буквахъ ΞΥΝΟΙΑΝ мы предпочитаемъ видѣть (ε)ὔνοιαν вмѣсто ξύν(ν)οιαν какъ по смыслу (εὔνοια πατέρων πρὸς υἱούς, ср. εὔνοος φιλοστοργία въ IosPE. IV, 72, v. 15), такъ и по грамматическому сочетанію (годится ли предлогъ πρὸς съ вин. при ξύννοια?). Подобная же ошибка рѣзчика (Σ вмѣсто Ε) встрѣтилась уже въ обломкѣ надписи, изданномъ нами въ *Изв. И. Арх. К.* в. 27, стр. 23, № 12. Далѣе въ той же строкѣ замѣтные на фотографическомъ снимкѣ, хотя и весьма слабо, слѣды буквъ заставляютъ думать о чтеніи εἴ τις τὰν вмѣсто μεγίσταν (εἴ τις = εἰ ἄλλος τις = μᾶλλον ἄλλου τινός]. Въ лакунѣ стр. 8-й еще довольно явственно замѣтны на фот. снимкѣ буквы ΔΕΤ и передъ Δ нижніе концы двухъ

вертикальныхъ черточекъ, могущихъ принадлежать буквѣ Н. Въ виду всего этого, признавая возможнымъ принять ΟΙΑ въ стр. 6-й не за мѣстоименіе вмѣстѣ съ Р. Х. Леперомъ, а за союзъ причинный (= ἐπειδὴ, καθότι), мы позволяемъ себѣ предложить вниманію почтеннаго издателя слѣдующее пробное возстановленіе строкъ 6—9:

[κα]ί, οἷα πατέρων ἀγαθῶν πρὸς υἱοὺς φιλοστόργους
[εἶχ]εν (ε)ὔνοιαν, [εἴ τ]ις τὰν κα[λ]οκαγαθίαν δείξας σε-
[μ]νοτάτοις θύμ[ασιν ἥ]δετ[ο, καθ]ότι εὐγενείαι διασά-
[μ]ωι κεκοσμαμένος [πάντας εὐεργετεῖ]ν δεδίδακται κτλ.

Смыслъ всего пассажа будетъ таковъ: „и такъ какъ онъ имѣлъ благосклонность добрыхъ отцовъ къ любящимъ сыновьямъ, то съ удовольствіемъ выказалъ (дословно: радовался, выказавъ) величайшее благонравіе пышнѣйшими жертвами, посколику, будучи украшенъ отмѣннымъ благородствомъ, привыкъ всѣмъ благодѣтельствовать“ и т. д.—3) Въ стр. 10-й предпочитаемъ читать διά вмѣсто предлагаемаго Р. Х. Леперомъ δι' ἅ и весь пассажъ отъ ἀνθ' ὧν до ἔδοξεν ἔμμεν (стр. 9—12) понимаемъ такъ, что тутъ докладчики напоминали о данной ранѣе Θрасимеду (а не всему городу Гераклеѣ, какъ думаетъ г. Леперъ) исополитіи. Смыслъ напоминанія таковъ: „За все это, т. е. за изложенныя выше добродѣтели, (уже ранѣе) рѣшено было дать Θрасимеду исополитію, съ одной стороны какъ мужу (лично) достойному всякой похвалы [1]), а съ другой—ради Гераклеи, которая намъ мать, а ему родина; посему (и нынѣ) да будетъ угодно совѣту и народу“ и т. д. Правда, рѣчь въ стр. 6—12 и при нашемъ пониманіи остается не вполнѣ стройною, но не хуже, чѣмъ при толкованіи г. Лепера.

Замѣтимъ еще, что въ стр. 12-й вмѣсто ἔμμεν къ величинѣ лакуны скорѣе подходилъ бы inf. γενέσθαι.

Къ № 8. Отъ этого декрета сохранилась такая ничтожная частица, что о прочныхъ возстановленіяхъ нечего и думать. Но и тѣ немногія попытки объясненія, которыя предложилъ г. Леперъ, не вполнѣ удались ему. Такъ, для объясненія комплекса буквъ ΜΑΣΘΑΝ или ΝΑΣΘΑΝ въ стр. 3-й онъ прибѣгаетъ къ предположенію объ окончаніи 3 л.

[1]) Очень намъ не нравится выраженіе πάμ[παν ἐπαίνου ἄ]ξιον ὄντα вмѣсто обычнаго παντὸς ἐπαίνου ἄξιον ὄντα, но, повидимому, буква Μ передъ лакуною несомнѣнна.

мн. ч. aor. passivi -άσθαν вмѣсто -άσθησαν (ἐθαυμάσθαν и т. п.), но при этомъ обходитъ молчаніемъ слѣдующія буквы ΑΛΟΓ. Между тѣмъ, дѣло обстоитъ гораздо проще: присоединивъ буквы ΑΝ къ ΑΛΟΓ, мы получимъ нарѣчіе ἀναλόγ[ως], подсказываемое, напр., декретомъ въ честь Фарнака Амастріанца (IosPE. IV, 71). Буквы ΑΣΘ тогда можно будетъ принять за принадлежащія къ infinitiv'у въ родѣ τιμᾶσθαι, съ элизіею конечнаго дифтонга передъ слѣдующимъ гласнымъ. Для стр. 4-й г. Леперъ предлагаетъ два возможныхъ возстановленія, но противъ обоихъ самъ находитъ основательныя возраженія. И тутъ аналогіи, на этотъ разъ даже многочисленныя (напр. и въ изданномъ самимъ г. Леперомъ декретѣ № 4, стр. 13), дадутъ намъ третье возстановленіе, противъ котораго врядъ ли встрѣтятся возраженія: [δεδόχθαι τ]ᾶι βουλᾶι καὶ τ[ῶι δάμωι ἐπαινέσαι μὲν ἐπὶ τούτοι]ς Τ(ίτον) Φλ[άουιον κτλ.].

Въ № 16 лучше предполагать (опять таки по имѣющимся аналогіямъ) не [ἐξ] εὐχῆς, а [ὑπὲρ] εὐχῆς съ непосредственно слѣдующимъ личнымъ именемъ, а не членомъ.

В. Латышевъ.

НОВЫЙ УСТАВЪ

Австрійской Центральной Коммиссіи попеченія о памятникахъ [1]).

(Утвержденъ 31 іюля 1911 года).

Общія положенія.

§ 1.

Ц. К. попеченія о памятникахъ призвана къ непосредственному осуществленію государственнаго попеченія объ изслѣдованіи и сохраненіи художественныхъ и историческихъ памятниковъ.

Дѣятельность ея простирается на всѣ памятники древнѣйшаго времени въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, сохраненіе которыхъ имѣетъ государственный интересъ по причинѣ ихъ историческаго, культурно-историческаго или художественно-историческаго значенія, или по причинѣ ихъ эстетической цѣнности.

Исключаются письменные памятники (архивные документы), для которыхъ будутъ установлены особыя опредѣленія.

Въ кругъ дѣятельности Ц. К. входятъ также дѣла по охранѣ родины, поскольку они связаны съ попеченіемъ о памятникахъ.

§ 2.

По отношенію къ памятникамъ доисторическимъ, раннеисторическимъ и античнымъ забота о сохраненіи лежитъ на Ц. К. лишь въ случаѣ, если эти памятники не помѣщены въ государственные музеи.

---

[1]) Переводъ нѣмецкаго текста, напечатаннаго въ Mitteilungen der K. K. Zentral-Kommission fur Erforschung und Erhaltung der Kunst-und histor. Denkmale. Dritte Folge, Band X. Nr. 7. Juli 1911.

Ц. К. завѣдываетъ находками и раскопками. За Австрійскимъ археологическимъ институтомъ остаются Высочайше утвержденные статуты по отношенію къ систематическимъ научнымъ раскопкамъ и прочимъ изслѣдованіямъ, равно какъ и вообще научныя публикаціи въ области археологіи.

§ 3.

Во главѣ Ц. К. стоитъ назначаемый императоромъ Покровитель, который въ подлежащихъ случаяхъ представляетъ интересы Ц. К. предъ Его Величествомъ.

Ц. К. имѣетъ мѣстопребываніе въ Вѣнѣ и состоитъ изъ предсѣдателя и вице-предсѣдателей, совѣта о памятникахъ, какъ совѣщательнаго органа, и государственно-служебнаго персонала.

Для отдѣльныхъ королевствъ и областей или для нѣсколькихъ изъ нихъ назначаются областные хранители, подчиненные Ц. К. О служебныхъ отношеніяхъ областныхъ хранителей къ мѣстной администраціи областей будутъ установлены особыя правила.

Въ связи съ Ц. К. будетъ учрежденъ художественно-историческій институтъ, а по возможности также институты для доисторическихъ и нумизматическихъ изслѣдованій.

§ 4.

Должностныя лица Ц. К. подвѣдомственны министерству культовъ и нар. просвѣщенія, къ которому они обращаются непосредственно во всѣхъ вопросахъ бюджетныхъ, административныхъ, обозначенныхъ въ настоящемъ уставѣ личныхъ и въ случаяхъ, если потребуетъ министерство.

§ 5.

Императорско-королевскія власти должны поддерживать Ц. К. и ея органы въ ихъ дѣятельности и вступать съ ними въ сношенія какъ по спеціальнымъ просьбамъ, такъ и по собственному усмотрѣнію, когда они получаютъ, въ кругѣ ихъ дѣятельности, свѣдѣнія о существованіи, сомнительномъ состояніи или какой-либо опасности того или другого памятника. Они должны въ кругѣ своей дѣятельности обращать вниманіе на желанія и мнѣнія Ц. К. въ дѣловомъ отношеніи. Содержимыя или вспомоществуемыя государствомъ учрежденія призываются содѣйствовать Ц. К.

Предсѣдательство.

§ 6.

Предсѣдатель и вице-предсѣдатели назначаются Императоромъ по предложенію Покровителя на основаніи представленія министра культовъ и нар. просвѣщенія.

Предсѣдатель ведетъ дѣла, представляетъ Ц. К. во внѣшнихъ сношеніяхъ и предсѣдательствуетъ въ засѣданіяхъ совѣта о памятникахъ.

Въ случаѣ его отсутствія его замѣняетъ одинъ изъ вице-предсѣдателей.

Совѣтъ о памятникахъ.

§ 7.

Совѣтъ о памятникахъ состоитъ изъ членовъ въ числѣ не болѣе 50, назначаемыхъ Покровителемъ по представленію предсѣдателя на 5-лѣтній срокъ, по истеченіи котораго они могутъ быть назначаемы вновь.

Члены не получаютъ за занимаемую ими почетную должность никакого вознагражденія.

§ 8.

Въ члены совѣта о памятникамъ призываются лица, имѣющія общепризнанныя заслуги по изслѣдованію памятниковъ, попеченію о памятникахъ и охранѣ родины.

При выборѣ ихъ должно быть обращаемо вниманіе на отдѣльныя королевства и области по отношенію къ численности ихъ населенія и важности для попеченія о памятникахъ.

§ 9.

Совѣтъ о памятникахъ, который долженъ созываться предсѣдателемъ по меньшей мѣрѣ разъ въ годъ для обсужденія принципіальныхъ вопросовъ попеченія о памятникахъ, представляетъ Ц. К. отчетъ о важнѣйшихъ актахъ своей дѣятельности.

Изъ совѣта о памятникахъ могутъ быть назначаемы предсѣдателемъ особыя коммиссіи для обсужденія отдѣльныхъ вопросовъ или комплекса вопросовъ.

Предсѣдатель имѣетъ право требовать отъ членовъ мнѣнія о конкретныхъ вопросахъ попеченія о памятникахъ. Члены обязаны въ такомъ случаѣ представлять эти мнѣнія въ возможно кратчайшій срокъ.

Членамъ предоставляется во всякое время свободное право дѣлать предсѣдателю представленія о почпнѣ; онп обязаны дѣлать предсѣдателю пли областнымъ хранителямъ сообщенія о такпхъ предпріятіяхъ въ мѣстѣ пхъ жительства или также и внѣ мѣста жительства, которыя заключаютъ въ себѣ посягательства противъ Ц. К.

Государственное управленіе памятниковъ.

§ 10.

Государственное управленіе памятнпковъ состоитъ пзъ должностныхъ лицъ съ образованіемъ художественно-историческимъ, техническимъ и юридическимъ, въ качествѣ дѣйствительныхъ государственныхъ чиновниковъ, далѣе пзъ назначаемыхъ съ соотвѣтственнымъ вознагражденіемъ художественно-историческихъ и техническихъ главныхъ хранителей.

Для отдѣльныхъ странъ пли областей назначается по одному художественно-историческому и техническому областному хранителю въ качествѣ дѣйствительныхъ государственныхъ чиновниковъ.

Кромѣ того, могутъ быть назначаемы, съ согласія Покровителя, совѣщательными членами Ц. К. архитекторы, техники, художники и т. д., которые, въ случаѣ надобности, будутъ командируемы съ вознагражденіемъ для описанія или веденія особо важныхъ работъ.

Всѣ названные въ отд. 1 и 2 исполнительныя власти и чиновники назначаются министромъ культовъ и нар. просвѣщенія по представленію предсѣдателя послѣ испрашиваемаго имъ предварительнаго одобренія Покровителя.

Государственнымъ чиновникамъ по охранѣ памятниковъ и областнымъ хранителямъ дается далѣе министромъ культовъ и нар. просвѣщенія требуемый вспомогательный персоналъ для канцелярской и счетной службы, равно какъ и для практическаго попеченія о памятникахъ (фотографія, фотограмметрія, реставрація живописи и т. п.).

Чиновникъ, ведущій денежную часть, отвѣтственъ за нее, поскольку она относится къ полученію, храненію, приращенію, расходованію и разсылкѣ, а также и за правильное веденіе отчетности, предъ министерствомъ культовъ и нар. просвѣщенія.

Требуемое число чиновниковъ и исполнителей и раздѣленіе ихъ по отдѣльнымъ классамъ ранговъ или опредѣленіе размѣровъ вознагра-

жденія устанавливается министромъ культовъ и нар. просвѣщенія по представленію предсѣдателя послѣ испрашиваемаго имъ предварительнаго одобренія Покровителя и должно соотвѣтствовать ежегодно составляемымъ и одобряемымъ Покровителемъ предварительнымъ смѣтамъ.

§ 11.

Областные хранители имѣютъ согласно одобренной министерствомъ культовъ и нар. просвѣщенія инструкціи вести всѣ вообще дѣла попеченія о памятникахъ по ввѣренной имъ области и особенно предпринимать оффиціальную инвентаризацію этихъ памятниковъ съ административными цѣлями.

Старшій по рангу изъ двухъ областныхъ хранителей представляетъ Ц. Коммиссію внутри своей должностной области во внѣшнихъ сношеніяхъ и сносится по текущимъ дѣламъ непосредственно съ соотвѣтственными властями, обществами и частными лицами.

Въ случахъ, въ которыхъ два областные хранителя одной области не могутъ придти къ соглашенію, дѣло направляется въ государственное управленіе памятниковъ.

Послѣднему далѣе предоставлены:

a) вопросы о разрушеніи;

b) измѣненія въ памятникахъ, внѣшній видъ которыхъ совершенно преобразился;

c) дѣла, въ которыхъ рѣшеніе принадлежитъ министерству или оказывается пособіе отъ государственнаго управленія памятниковъ;

d) прочія дѣла, веденіе которыхъ спеціально предоставляетъ себѣ государственное управленіе памятниковъ.

§ 12.

Дѣлопроизводство въ государственномъ управленіи памятниковъ должно основываться на совмѣстной дѣятельности художественно-историческихъ, техническихъ и юридическихъ чиновниковъ, причемъ, однако, всегда долженъ сохраняться спеціальный характеръ Ц. К. Въ важнѣйшихъ дѣлахъ имѣютъ содѣйствовать главные хранители, на обязанности которыхъ, сверхъ того, лежитъ наблюденіе за дѣятельностью областныхъ хранителей и представленіе къ назначенію художественно-историческихъ и техническихъ чиновниковъ.

§ 13.

На спеціальныя, т. е. художественно-историческія или техническія, должности въ Ц. К. попеченія о памятникахъ могутъ быть назначаемы только лица съ опредѣленнымъ предварительнымъ образованіемъ. Доказательство такого предварительнаго образованія для художественно-историческихъ чиновниковъ состоитъ въ степени доктора философіи (главная спеціальность: исторія искусства, наука о древности или преисторія), полученной въ одномъ изъ отечественныхъ университетовъ, а для техническихъ чиновниковъ—въ обоихъ спеціальныхъ испытаніяхъ изъ высшей архитектуры въ одной изъ отечественныхъ высшихъ техническихъ школъ (съ предпочтеніемъ кандидатовъ, которые удостоены степени доктора техническихъ наукъ), или въ выпускномъ свидѣтельствѣ архитектурной школы одной изъ отечественныхъ художественныхъ академій.

По учрежденіи образовательнаго курса для попеченія о памятникахъ кандидаты, кромѣ того, должны будутъ доказать окончаніе этого курса.

Художественно-историческій институтъ.

§ 14.

Начальникомъ художественно-историческаго института назначается профессоръ высшей школы съ вознагражденіемъ.

Ему даются требуемые художественно-историческіе и техническіе чиновники, равно какъ вспомогательный персоналъ. Назначеніе этихъ должностныхъ лицъ принадлежитъ министру культовъ и нар. просвѣщенія, послѣ испрашиваемаго предсѣдателемъ предварительнаго одобренія Покровителя.

По отношенію къ предварительному образованію служащихъ художественно-историческаго института имѣютъ силу опредѣленія § 13-го.

§ 15.

Художественно-историческій институтъ имѣетъ задачею составленіе общей научной австрійской художественной топографіи, устройство отдѣльныхъ публикацій важныхъ памятниковъ или группъ памятниковъ, наблюденіе за соотвѣтственными государственными или субсидируемыми государствомъ музеями, наконецъ, организацію и веденіе образовательныхъ курсовъ для попеченія о памятникахъ. Кромѣ того, онъ можетъ

принимать участіе въ общихъ, не спеціально австрійскихъ научныхъ задачахъ.

§ 16.

Такія же основанія должны быть примѣнены къ могущему быть учрежденнымъ институту для доисторическихъ и нумизматическихъ изслѣдованій.

Попечители памятниковъ, корреспонденты, почетные члены.

§ 17.

По представленію предсѣдателя Ц. К. попеченія о памятникахъ Покровитель можетъ назначать почетныхъ попечителей памятниковъ, которые призываются къ тому, чтобы содѣйствовать областнымъ хранителямъ сообщеніями о находкахъ, объ опасномъ положеніи памятниковъ или о другихъ дѣлахъ, важныхъ для попеченія о памятникахъ.

Попечители памятниковъ могутъ, смотря по потребности и образовательному цензу, заступать мѣста настоящихъ хранителей Ц. К. Назначеніе ихъ въ случаѣ надобности можетъ состояться по истеченіи срока службы настоящихъ хранителей или по освобожденіи соотвѣтствующаго мѣста по другимъ причинамъ.

§ 18.

Совѣтъ памятниковъ можетъ назначать корреспондентами лицъ, которыя оказываютъ услуги въ области австрійскаго попеченія о памятникахъ и изслѣдованія памятниковъ.

Лица, оказавшія совершенно исключительныя услуги въ этой области, могутъ быть назначаемы Покровителемъ въ званіе почетныхъ членовъ Ц. К. попеченія о памятникахъ.

§ 19.

Ближайшій кругъ дѣятельности отдѣленій Ц. К. и ихъ органовъ, равно какъ и веденіе дѣлъ опредѣляются инструкціями и руководящими правилами, которыя будутъ утверждены министромъ культовъ и нар. просвѣщенія. Онъ имѣетъ право на время перехода отъ нынѣ дѣйствующаго порядка къ новому издавать особыя, временно дѣйствующія распоряженія.

Поправка къ вып. 42-му.

А. В. Орѣшниковъ сообщилъ редакціи, что замки, изображенные на табл. X, принадлежатъ не его коллекціи, а Имп. Россійскому Историческому музею, и что замки, изображенные въ нижнемъ ряду этой таблицы, къ тульскимъ отнести нельзя.

Дополненія и замѣченныя опечатки въ вып. 45-мъ.

Стр. 1, строка 8 снизу, читай: одного изъ городскихъ.
» 8 » 10 » чит.: обычаю, увѣшивались.
» 10 » 14 сверху, » et Caucasica.
» 16 » 7 » » третьей строки.
» 16 » 2 снизу, » дактилическій гекзаметръ, да и то съ метрической ошибкой въ 4-й стопѣ.
» 23 » 8 » » τάν τε.
» 32 » 5 » послѣ слова «вѣроятно» вмѣсто скобки должна быть запятая.
» 32 » 1 » читай: Римлянами.
» 40 въ текстѣ надписи стр. 7—8 читай γνησίως
» 42, къ стр. 3 сверху, послѣ словъ «только трое» вставить примѣчаніе:

Акад. В. В. Латышевъ въ *Ж. М. Н. Пр.* 1907, Май, отд. кл. фил. стр. 155, прим. 1, указываетъ, что въ этомъ декретѣ число номофилаковъ по всѣмъ признакамъ было не больше трехъ. Тамъ же на основаніи надписи въ честь Діа-Гераклейца устанавливается фактъ, что во II в. по Р. Хр. число номофилаковъ было три.

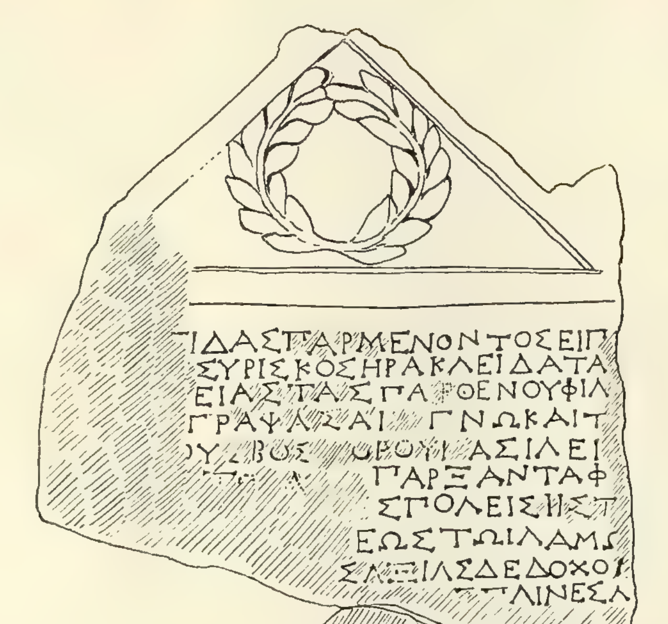
Стр. 47, строка 3 снизу, читай: «въ лакунѣ строки 9-й» и далѣе: «Въ стр. 10-й».
» 48 » 6 » » перифразъ.

…ΚΕΙ
…ΣΕΝΤΑΙΠΟΘΑ
…ΑΙΟΥΣΦΙΛΙΑΝΔΙΑΦΥΛΑ
…ΝΕΝΑΝΤΙΟΝΑΥΤΟΙΣΠΡΑΣ
…ΟΡΚΟΥΣΙΜΕΝΑΜΙΝΕΥΕΙΗΕΠΙΟΡΚΟΥ
…ΝΑΝΤΙΑΟΔΕΟΡΚΟΣΟΥΤΟΣΣΥΝΕΤΕ
…ΣΘΗΜΗΝΟΣΗΡΑΚΛΕΙΟΥΠΕΝΤΕΚΑΙΔΕΚΑΤΑ
ΒΑΣΙΛΕΥΟΝΤΟΣΑΠΟΛΛΟΔΩΡΟΥΤΟΥΗΡΟΓΕΙ
ΤΟΥΓΡΑΜΜΑΤΕΥΟΝΤΟΣΗΡΟΔΟΤΟΥΤΟΥΗΡΟ
ΔΟΤΟΥ ΟΡΚΟΣΟΝΩΜΟΣΕΒΑΣΙΛΕΥΣΦΑΡΝΑΚΗΣ
ΠΡΕΣΒΕΥΣΑΝΤΩΝΠΑΡΑΥΤΟΝΜΑΤΡΙΟΣΚΑΙΗΡΑΚΛΕ
ΟΥΟΜΝΥΩΔΙΑΓΗΝΗΛΙΟΝΘΕΟΥΣΟΛΥΜΠΙΟΥΣΠΑΝΤΑΣ
ΚΑΙΠΑΣΑΣΦΙΛΟΣΕΣΟΜΑΙΧΕΡΣΟΝΗΣΙΤΑΙΣΔΙΑΠΑΝ
ΤΟΣΚΑΙΑΝΟΙΠΑΡΑΚΕΙΜΕΝΟΙΒΑΡΒΑΡΟΙΣΤΡΑΤΕΥΩΣΙΝ
ΕΠΙΧΕΡΣΟΝΗΣΟΝΗΤΗΝΚΡΑΤΟΥΜΕΝΗΝΥΠΟΧΕΡΣΟ
ΝΗΣΙΤΩΝΧΩΡΑΝΗΑΔΙΚΩΣΙΝΧΕΡΣΟΝΗΣΙΤΑΣΚΑΙΕΠΙ
ΚΑΛΩΝΤΑΙΜΕΒΟΗΘΗΣΩΑΥΤΟΙΣΚΑΘΩΣΑΝΗΜΟΙΚΑΙ
ΡΟΣΚΑΙΟΥΚΕΠΙΒΟΥΛΕΥΣΩΧΕΡΣΟΝΗΣΙΤΑΙΣΚΑΤΟΥΔΕΝΑ
ΤΡΟΠΟΝΟΥΔΕΣΤΡΑΤΕΥΣΩΕΠΙΧΕΡΣΟΝΗΣΟΝΟΥΔΕ
ΟΠΛΑΕΝΑΝΤΙΑΘΗΣΟΜΑΙΧΕΡΣΟΝΗΣΙΤΑΙΣΟΥΔΕΠΡΑΞΩ
ΚΑΤΑΧΕΡΣΟΝΗΣΙΤΩΝΟΜΕΛΛΕΙΒΛΑΠΤΕΙΝ
ΤΟΝΔΗΜΟΝΤΟΝΧΕΡΣΟΝΗΣΙΤΩΝΑΛΛΑΣΥΝ
ΔΙΑΦΥΛΑΞΩΤΗΝΔΗΜΟΚΡΑΤΙΑΝΚΑΤΑΤΟ
ΔΥΝΑΤΟΝΕΜΜΕΝΟΝΤΩΝΕΝΤΗΙΠΡΟΣΕ
ΜΕΦΙΛΙΑΙΚΑΙΤΟΝΑΥΤΟΝΟΡΚΟΝΟΜΟΣΑΝΤΩΝ
ΤΗΝΤΕΠΡΟΣΡΩΜΑΙΟΥΣΦΙΛΙΑΝΔΙΑΦΥΛΑΣΣΟΝ
ΤΩΝΚΑΙΜΗΔΕΝΕΝΑΝΤΙΟΝΑΥΤΟΙΣΠΡΑΣΣΟΝ
ΤΩΝΕΥΟΡΚΟΥΝΤΙΜΕΝΕΥΕΙΗΕΠΙΟΡΚΟΥΝΤΙΔΕΤΑ
ΝΑΝΤΙΑΟΔΕΟΡΚΟΣΟΥΤΟΣΣΥΝΕΤΕΛΕΣΘΗΕΝ
ΤΩΙΕΒΔΟΜΩΙΚΑΙΠΕΝΤΗΚΟΣΤΩΙΚΑΙΕΚΑΤΟΣΤΩΙ
ΕΤΕΙΜΗΝΟΣΔΑΙΣΙΟΥΚΑΘΩΣΒΑΣΙΛΕΥΣΦΑΡΝΑΚ
ΑΓΕΙ

№ 1.

ΝΟΜΟΦΥΛΑΚΕΣΕΥΚΡΑΤΗΣΠΡΥΤΑΝΙΟΣ
ΠΛΕΙΣΤΩΝΑΞΔΙΟΝΥΣΙΟΥΑΠΟΛΛΩΝΙΟΣ
ΠΑΡΘΕΝΟΚΛΕΙΟΣΚΑΙΟΕΠΙΤΑΣΔΙΟΙΚΗΣΕΟΣ
ΑΠΟΛΛΟΔΩΡΟΣΗΡΟΓΕΙΤΟΥΕΙΠΑΝΕΠΕΙΔΗ
ΜΗΝΟΦΙΛΟΣΜΗΝΟΦΙΛΟΥΣΙΝΩΠΕΥΣΑΝΗΡ
ΑΓΑΘΟΣΚΑΙΦΙΛΟΤΙΜΟΣΕΣΤΙΠΟΤΙΤΟΝΔΑ
ΜΟΝΤΟΝΧΕΡΣΟΝΑΣΙΤΑΝΔΙΑΠΑΝΤΟΣΓΝΗ
ΣΙΩΣΕΑΤΟΝΕΠΙΔΙΔΟΥΣΚΑΙΚΟΙΝΗΚΑΙΚΑΤΙΔΙΑΝ
ΤΟΙΣΕΝΤΥΓΧΑΝΟΥΣΙΤΩΝΠΟΛΙΤΩΝΕΥΝΟΥΝ
ΕΑΥΤΟΝΚΑΙΕΚΤΕΝΗΠΑΡΕΧΕΤΑΙΠΕΙΡΩΜΕΝΟΣ
ΔΙΑΠΑΝΤΟΣΑΓΑΘΟΥΤΙΝΟΣΠΑΡΑΙΤΙΟΣΓΙΝΕΣ
…ΑΙΤΑΝΤΕΠΑΡΕΠΙΔΑΜΙΑΝΕΥΣΧΑΜΟΝΑΚΑΙΣΥΜ
…ΡΟΥΣΑΝΤΩΙΔΑΜΩΙΠΕΠΟΙΗΤΑΙΣΠΟΥ
…ΑΙΦΙΛΟΤΙΜΙΑΣΟΥΔΕΝΕΝΛΕΙΠΩΝΕΠΑΓ
…ΕΚΑΙΕΙΣΤΟΛΟΙΠΟΝΑΓΑΘΟΥΤΙΝΟ
…ΤΙΟΣΟΠΩΣΟΥΝΚΑΙΟΔΑΜΟΣ
…ΣΤΩΝΑΝΔΡΩΝΕΙΣΤΟΒΕΛΤΙΟΝ
…ΔΟΧΘΑΙΤΑΙΒΟΥΛΑΚΑΙΤΩ

№ 2.

№ 3.

ΑΓΑΘΑΙ ΤΥΧΑΙ
ΕΔΡΟΙΧΕΡΣΟΝΑΣΕΙΤ ΝΤΟΤΙΤΑΙΤΑΥΡΙΚΑΙΕΙ Ν
ΠΕΙΔΗΘΡΑΣΥΜΗΔΗΣΘΡΑΣΥΜΗΔΟΥΣΤΟΥΣΑΤΥΡΟΥΑΝΗΡ
ΓΛΣΜΑΤΡΟΠΟΛΙΟΣΗΡΑΚΛΕΛΣΦΥΣΕΙΠΟΛΕΙΤΑΣΣΕΜΝΑΝ
ΑΝΤΟΘΑΜΕΣΑΝΑΣΤΙΟΦ ΝΤΑΣΕΠΙΔΑΜΙΑΣΤΕΠΟΛΤΑ
ΙΟΙΑΠΑΤΕΡΩΝΑΓΑΘΩΝΠΡΟΣΥΙΟΥΣΦΙΛΟΣΤΟΡΓΟ Σ
ΕΝΞΥΝΟΙΑΝ ΤΙΣΤΑΝΚΑ ΟΚΑΓΑΘΙΑΝΔΕΙΞΑΣΣΕ
ΝΟΤΑΤΟΙΣΣΥΜ ΕΤ ΟΤΙΕΥΓΕΝΕΙΑΙΔΙΑΣΑ
ΙΩΙΚΕΚΟΣΜΑΜΕΝΟΣ ΙΝΔΕΔΙΔΑΚΤΑΙΑΝ
ΘΩΝΤΟΝΑΝΔΡ ΠΑΜ ΑΞΙΟΝΟΝΤΑΚΑΙΔΙΑ
ΤΑΝΜΑΤΕΡΑΑΜΩΝ ΛΥΤΟΥΗΡΑΚΛΕΙΑΝ
ΙΣΟΠΟΛΕΙΤΑΝΕΔΟΞ ΔΙΟΔΕΔΟΧΘΑΙΤΑ
ΒΟΥΛΑΙΚΑΙΤΩΙΔΑΜ ΑΙΜΕΝΕΠΙΤΟΥΤΟΙΣ
ΘΡΑΣΥΜΗΔΗΝΘΡΑΣΥΜΗΔΟΥΣΤΟΥΣΑΤΥΡΟΥΗΡΑΚΛΕ
ΩΤΑΝΔΟΜΕΝΔΕΑΥΤΩΠΡΟΞΕΝΙΑΣΠΟΛΕΙΤΕΙ
ΣΠΛΟΥΝΤΕΚΑΙΕΚΠΛΟΥΝΕΝΕΙΡΑΝΑΙΚΑΙΠΟΛΕ
ΑΣΥΛΕΙΑΣΠΟΝΔΕΙΑΥΤΩΙΤΕΚΑΙΕΚΓΟΝΟΙΣΚΑΙΧΡΑ
ΑΥΤΟΥΜΕΤΟΧΑΝΤΕΠΑΝΤΩΝΤΩΝΕΝΤΑΙΠΟ
ΕΡΣΟΝΑΣΕΙΤΑΙΣΜΕΤΕΣΤΙΤΟΔΕΨΑΦΙΣ
ΓΡΑΦΑΜΕΝΛΕΥΚΟΛΙΘΟΥΣΤΑΛΑΚΑΙ
ΣΑΝ ΤΑΤΩ ΛΣΑΚΡΟΠΟΛΙΟΣ
ΟΥΛΑΙΔΑΜΩΙ ΒΑ ΙΛ ΥΟΥΣΑΣ
ΙΕΡΕΟΣΔΕΤΙΤΟΥΦΛΑΟΥΙΟΥ
ΛΓΕΠΟ ΔΟΣΜΗΝΟΣΔΙ
ΑΠΟΛΛΩΝΙΔΟΥΙΣ
ΑΣΙΛΙΣ ΠΑΡ

№ 6.

Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ. СПБ.

Рис. 1 (н. в.).

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ. СПБ

Рис. 2 (2/3).

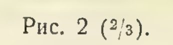

Рис. 4.

Рис. 5.

Рис. 6 (н. в.).

Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ СПБ.

Рис. 3.

Рис. 9. Рис. 7. Рис. 8. Рис. 10.

Рис. 11. Рис. 13а. Рис. 13б. Рис. 12.

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ. СПБ.

А

Б

$^1/_4$

Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ. СПБ.

А $^1/_4$ Б

Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ. СПБ.

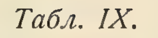
($^1/_2$).

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ. СПБ.

(1/2).

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ. СПБ.

(2/3).

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ. СПБ.

($^{1}/_{2}$).

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ. СПБ.

($^{1}/_{2}$).

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ. СПБ.

А.

Б.

($^1/_2$).

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ СПБ.

(н. в.).

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ СПБ.

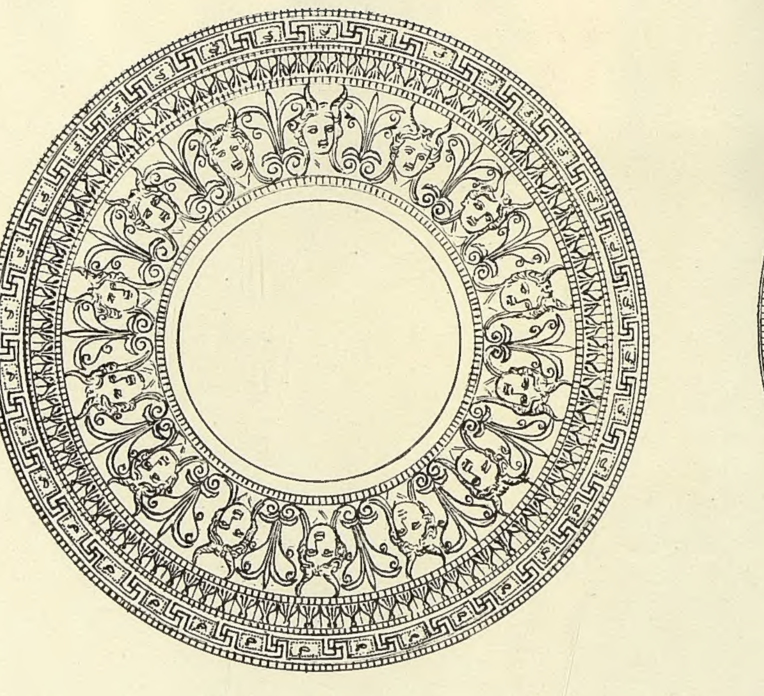

Рис. 1 (н. в.).

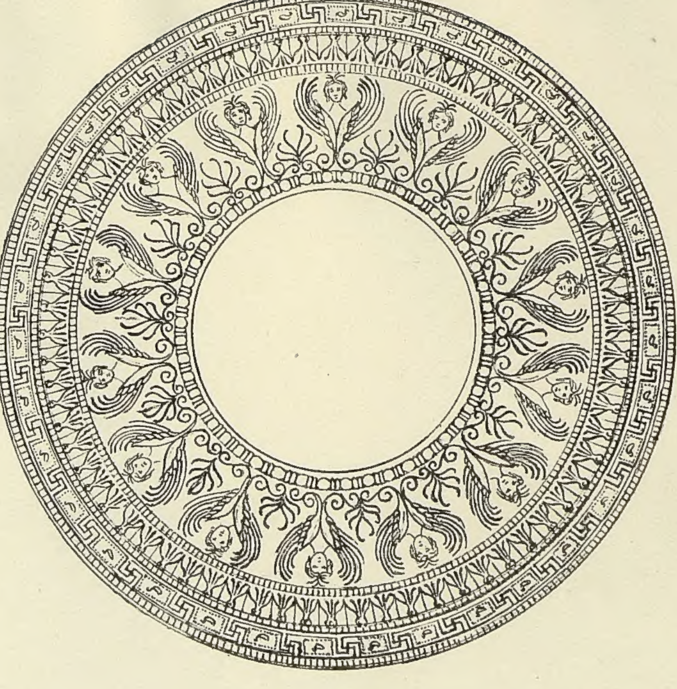

Рис. 3 (н. в.).

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ. СПБ.